

МОРСКАЯ БИТВА
ДВУХ ИМПЕРИЙ

А. ИВАНОВ

МОРСКАЯ БИТВА ДВУХ ИМПЕРИЙ

Неа́льсон против Бонапарта

HISTORY
FILES

А.Ю. ИВАНОВ

**МОРСКАЯ БИТВА
ДВУХ ИМПЕРИЙ
НЕЛЬСОН ПРОТИВ БОНАПАРТА**

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3
И11

Иванов. А.Ю.

И11 Морская битва двух империй. Нельсон против Бонапарта / А.Ю. Иванов. — М. : Вече, 2013. — 352 с. : ил. — (History files).

ISBN 978-5-4444-0544-4

Знак информационной продукции 16+

Наполеона и Нельсона объединяло редкое свойство человеческой натуры — роковая целеустремленность. Они считали себя инструментами Провидения и видели перед собой великие цели. Наполеон хотел установить всемирную диктатуру, адмирал Нельсон дважды разрушал его планы. В 1798 году он уничтожил французский флот при Абукире, что предопределило неудачу Египетской экспедиции генерала Бонапарта, а в 1805 году ценою жизни спас Англию от угрозы вражеского вторжения. Автор книги рассказывает увлекательную историю отношений двух великих людей на фоне многолетней войны Франции и Великобритании и динамичных событий на просторах Мирового океана.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4444-0544-4

© А.Ю. Иванов, 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

ГАСКОНЕЦ ПОДНИМАЕТ ФЛАГ

Двадцать пятого апреля 1798 года парижские газеты сообщили читателям о том, что генерал Бонапарт покинул столицу: это произошло в ночь на 23-е, а накануне вечером генерал обедал с директором Баррасом и посетил театр «Фейдо», где давали «Макбета».

Увы, газетчики ошиблись. Наполеон остался в Париже, хотя планировал отбыть в экспедицию именно 23-го, — о чем ранее письменно оповестил адмирала Брюэйса, главнокомандующего эскадрой.

Почему Бонапарт не выехал в Тулон, где уже стояли корабли, почти готовые к отплытию? Дело в том, что произошел инцидент, который мог изменить и положение страны, недавно окончившей войну в Европе, и планы генерала-миротворца.

Вечером тринадцатого апреля один из сотрудников французского посольства в Вене поднял трехцветный национальный флаг, украшенный надписью «Свобода, Равенство, Братство». У стен здания посольства быстро собралась толпа. Представитель полиции попросил посла Франции Жана-Батиста Бернадота снять флаг. Бернадот, генерал с яркой внешностью —

пышной шевелюрой длинных волос, горящим взглядом и орлиным носом, — отказался сделать это. Он ответил, что полиция должна навести порядок.

Бернадот не учел всех сложностей ситуации. Австрия проиграла войну Франции, и посол республики мог проявить больший такт. Однако Бернадот пошел дальше: видя, что полиция не может утихомирить толпу, он появился в дверях посольства, размахивая пшпайгой и громко требуя разойтись.

Такое поведение дипломата повлекло за собой взрыв негодования. Толпа взяла посольство штурмом, после чего генерал покинул Вену.

Можно ли расценить этот шаг Бернадота как демарш, за которым неизбежно последует объявление войны? Как только известия об инциденте достигли Парижа, пять директоров, составлявших высший орган исполнительной власти Франции, собрались на экстренное совещание. Если верить Баррасу, то Талейран (министр иностранных дел) и Бонапарт явились без приглашения.

Совещание началось в десять часов утра 23 апреля и продолжалось до пяти часов вечера. Наконец, Директория решила направить генерала Бонапарта в Рапштатт с тем, чтобы он от имени Французской республики потребовал сатисфакции от Священной Римской империи германской нации.

В неполные двадцать девять лет Наполеон был опытным дипломатом. Разбив австрийские армии в Италии, он последовательно прошел все ступени переговорного процесса — от согласования предварительных статей до ратификации окончательного текста мирного договора.

При этом он действовал с прямою солдата, за что впоследствии извинялся. Австрийскому уполномоченному графу Иоганну Людвигу Кобенцлю, партнеру по переговорам в Раштатте, он сказал на прощание: «Я солдат, привыкший ежедневно рисковать жизнью. Во мне бурлит огонь молодости, и я не могу проявлять выдержку тренированного дипломата».

Наполеон вышел за рамки того, что обычно делают военные, — он стал политиком. Вот пример его оценочных суждений о Цизальпинской республике, основанной на территории Ломбардии и ряда других государств и владений при его прямом участии, и выводов, в которых проявились его классовые позиции:

«Республика разделена на три партии: 1) друзья прежнего правительства; 2) сторонники независимой, но достаточно аристократической конституции; 3) сторонники французской конституции и чистой демократии. Я подавляю первых, я поддерживаю вторых и проявляю умеренность к третьим. Я делаю так, поскольку вторые являются партией богатых земельных собственников и священников, и они в итоге получают поддержку большинства людей, которых нужно сплотить вокруг французской партии».

При этом он не только выполнял директивы правительства, но проявлял инициативу и в итоге оказал сильное влияние на изменение политической карты Европы. Он чувствовал себя не просто генералом, но генералиссимусом — недаром Талейран в письме Баррасу от 29 ноября 1797 года предлагал отдать под его начало две армии в Италии и Германии. Будучи одновре-

менно главнокомандующим Английской армией, Бонапарт мог в целом возглавить вооруженные силы Франции. Правда, Баррас не принял предложения Талейрана и вызвал Бонапарта из Рапштатта в Париж.

Теперь, после демарша Бернадота и приказа Директории вновь отправиться в Рапштатт, Бонапарт имел повод серьезно задуматься. Все ли правильно он делает? Не слишком ли сложный путь выбрал? Да, взять власть он пока не может, и в вышедшей из войны Франции ему делать нечего. Но что если опять война? И зачем тогда он собирается на Восток?

Бонапарт немедленно направил приказы армии. Подготовка к восточному походу была приостановлена, а войска, находившиеся в его распоряжении, теперь могли быть использованы в Европе.

Следом он совершил очередную дерзость. Без всяких консультаций с членами Директории и Талейраном он направил письмо графу Кобленцу. Бонапарт угрожал: он готов был вновь обнажить меч и сражаться до тех пор, пока Австрия не придет к соглашению с Францией.

Хрупкий баланс сил, казалось, был нарушен. Любой выход из ситуации обещал выгоды для Бонапарта. Если начнется война с Австрией, то кто сможет вести ее лучше, чем он? А если стороны сядут за стол переговоров, то Бонапарт пожнет новые лавры миротворца и получит хорошие шансы стать арбитром политической ситуации во Франции.

В таком духе он рассуждал во время беседы с Андре-Франсуа Мио де Мелито, бывшим представителем Директории в Ита-

льянской армии. Этот дух почувствовали и политики Директории, когда им стало известно содержание письма Бонапарта графу Кобенцлю. Оценив настроения австрийцев, которые вовсе не собирались использовать демарш генерала Бернадота как предлог для возобновления войны, директора благоразумно решились не направлять Бонапарта в Рапгтатт. Теперь Баррасу и другим членам Директории, как никогда, хотелось, чтобы Наполеон ушел как можно дальше, — слишком много хлопот он им доставлял!

Баррас прибыл в дом Бонапарта на улице Победы. «Беседа длилась не более четверти часа, — вспоминал Мио де Мелитто. — Баррас вышел первым и покинул салон, едва обменявшись парой слов с мадам Бонапарт. Генерал появился после него, не сказал ничего и пошел в свою студию, резко закрыв за собой дверь».

Все верно — «группа еще не созрела». Не надо пытаться выжать из ситуации то, чего она дать не может. Ведь Бонапарт уже пробовал договориться с Баррасом о разделе власти между двумя — для этого нужно было оттеснить других директоров. Баррас отверг идею в целом. А, в частности, возрастной ценз для занятия должности директора составлял сорок лет. Менять конституцию Франции ради Бонапарта? Слишком сложно, и Баррас не видел в этом смысла. Было гораздо проще отправить соперника за моря — туда, где он может погибнуть от пули или болезней.

Именно этого хотел Баррас. Именно этого страстно желали другие члены Директории.

Чуткие парижане уловили эти настроения. Поэт и драматург Арно прямо сказал Наполеону: Директория хочет избавиться от генерала, но Франция требует, чтобы он остался!

Бонапарт не поддавался на уговоры и поступил по-своему: уже на следующий день после визита Барраса он рассылал депешки Брюэйсу, Клеберу и Каффарелли, вновь приказывая ускорить приготовления к экспедиции.

ГНЕВ ПОСЕЙДОНА

За несколько месяцев до этого Горацио Нельсон, новоиспеченный кавалер ордена Бани, был принят Спенсером, первым лордом Британского адмиралтейства. Лавиния, супруга лорда Спенсера, вспоминала:

«Впервые я увидела Нельсона в гостиной Адмиралтейства. Я подумала, что никогда не встречала более странного создания. Он только что вернулся после боя у Тенерифе, где потерял руку. Он выглядел таким болезненным, что на него тяжело было смотреть; в целом он имел вид дурака... Когда он заговорил и его прекрасный ум проявился, это было сюрпризом, который поглотил все мое внимание... Он говорил мне, что его жена заботилась о его ранах, и лишь эта забота спасла ему жизнь. Короче говоря, он упрашивал меня встретиться с ней с серьезностью, свойственной лишь ему. В этих обстоятельствах я просила его привести ее вместе с ним к обеду в тот же день. Он сделал это и ухаживал за ней как любовник. Он усадил ее за обеденный стол и сел рядом с ней; извиняясь передо мной, он сказал, что проводит с ней так мало времени, что не хотел бы по собственному желанию упускать шанс побыть с ней».

Герой без глаза и без руки испытывал физические муки, которые отражались на его лице. Портретисты изображали «морского волка» с повязкой на глазу, но он никогда ее не носил.

Когда состояние здоровья позволило ему вернуться на службу, он получил новый корабль — «Вэнгвард» (Vanguard). Капитан Эдвард Берри повел прекрасное судно в Средиземное море. Главнокомандующий средиземноморским флотом Джон Джервис, граф Сент-Винсент, доверил Нельсону небольшую эскадру.

Задача, которую теперь должен был решить Нельсон, была сформулирована так: «приложить все возможные усилия и определить, с какой целью французы делают приготовления».

Куда собрались французы? Об этом знали Наполеон и несколько доверенных лиц. Близкие к Бонапарту геометр Монж и химик Бертолле, безусловно, знали. Знали члены Директории. Министр Талейран был одним из авторов идеи экспедиции, но военный министр Шерер не был посвящен в тайну. Он все еще думал, что Наполеон Бонапарт, главнокомандующий Английской армией, поведет ее на завоевание Великобритании.

Талейран, который всегда вел двойную игру, раскрыл тайну прусскому послу, однако пруссаки не поверили сообщению, приняв его за уловку или ложный след.

Бонапарт, создав завесу секретности, осложнил задачу и себе. Он хотел собрать под свои знамена лучших ученых Франции и видных деятелей культуры, но как можно было увлечь людей за собой, если не говорить им о целях предприятия?

Наполеон, новоизбранный член Института Франции, обратился к коллегам с речью, которая оказала огромное воз-

действие на умы академиков и молодых ученых, заполнивших большой зал заседаний Французской академии. Стоя на трибуне, Бонапарт держал в руках «Путешествие по Аравии» — двухтомный труд Карстена Нибура, исследователя Арабского Востока. Нибур сделал рисунки персепольских развалин и распознал в клинописных текстах три различных системы письма.

Бонапарт произносил свою речь экспрессивно и резко, постукивая по кожаному переплету книги указательным пальцем. Он говорил о достижениях ученых и о том, что предстоит сделать. И от этого дух захватывало! Необыкновенный человек, уже ставший одним из выдающихся людей века, формулировал задачи европейской науки. А ученые Франции — авангард науки, носители идей Просвещения!

Влюбленность французов в истину, славу, великие предприятия — вот каких струн касался Бонапарт. Он завоевал сердца собравшихся в зале людей, многие из которых готовы были пойти с ним хоть на край света.

«Мы не знали, куда нас поведет Бонапарт, но хотели, чтобы он нас повел», — вспоминал один из ученых.

И все же — куда? Было ясно, что речь идет об экспедиции на Восток. Но какой Восток?

Если молодые ученые и студенты Политехнической школы были «легки на подъем» и готовы немедленно отправиться в поход, то уговорить маститых академиков разделить опасности экспедиции оказалось гораздо сложнее.

И здесь Бонапарт действовал прямо и энергично. Он посетил жену Монжа Катерину, которая не хотела отпускать 52-летнего мужа в далекое путешествие. Когда Наполеон позвонил в дверь,

служанка приняла его за ученика профессора Монжа: молодой худощавый генерал малого роста выглядел несолидно. Но ему удалось очаровать супругу ученого, и та согласилась отпустить мужа в экспедицию, хотя Бонапарт вновь удержал в тайне географию похода.

Катерина накормила Монжа вкусным обедом, за которым тот выпил бутылку шампанского. Она думала, что это поможет развязать язык супругу, однако была разочарована: Монж ничего не сказал.

Между тем Бонапарт готовил колоссальное предприятие. Антуан Тибодо писал о том, как Наполеон призывал офицеров и солдат, ученых, деятелей культуры, рабочих со всех концов Франции:

«Он собирал инструменты, орудия, книги, машины, модели. Если принять во внимание все эти меры, то это выглядело так, будто он, подобно Колумбу, вознамерился открыть новый мир и принести туда цивилизацию. Все было собрано в Тулоне; казалось, что Париж мигрирует в направлении Средиземноморья... Бонапарт будто был высоким жрецом, и только он один был посвящен в глубокое таинство. Он взял великую власть надо всем, что касалось экспедиции».

Для Тибодо, бывшего члена революционного Конвента, пять лет назад голосовавшего за казнь Людовика XVI, было очень важно отметить то, что Бонапарт не придавал значения партийной принадлежности кандидатов в экспедицию: республиканец или роялист, аристократ или якобинец — все получили шанс послужить общему делу.

Конкурс все же был, и большое значение имели рекомендации. Юный выпускник Политехнической школы Шаброль де Вольвик использовал социальный статус своей семьи и ее связи для того, чтобы быть включенным в списки.

Другие, наоборот, отказывались по разным причинам. Знаменитый художник Давид вслуживо отклонил предложение Бонапарта: он не захотел участвовать в деле, о котором почти ничего не знал.

Эта неопределенность или неверные сведения об экспедиции заставили отказаться и других видных людей. Одни считали, что Бонапарт направляется в Англию, и не понимали, как в этом случае могут пригодиться их знания о Востоке. Другие академики зрелого возраста подумали о том, что в Англии слишком холодно, и отказались именно по этой причине.

Как видим, даже в Париже не все знали о том, что направление экспедиции изменилось с северного на восточное. И не все читали газеты, из которых можно было почерпнуть точные сведения о событиях.

Например, депутат и редактор газеты *Ami des Lois* Франсуа-Мартен Пултэ д'Элмонт, узнав о назначении Бонапарта главнокомандующим Восточной армией и о географической цели экспедиции, написал статью «Бонапарт и Людовик Святой». Он сравнил замысел Наполеона с заморским походом французского короля. Его призывы покорить Египет были крайне эмоциональными:

«О ты, который только что освободил Италию и левый берег Рейна, Египет призывает тебя!.. Бонапарт, приведя наши

победные фаланги на берега Нила... ты один изменишь этим походом лицо земли... О Бонапарт! Свяжи свое имя, уже ставшее бессмертным, с этой великой революцией вселенной».

Двенадцатого апреля 1798 года Директория дала Бонапарту инструкции о внешнеполитических целях экспедиции: необходимо найти новый путь в Индию — поскольку Англия оккупировала мыс Доброй Надежды, то Египет приобретает огромное значение; взяв под контроль Суэцкий переспек, Франция будет обладать Красным морем и отсюда получит доступ в Индию; французские фрегаты должны направиться с островов Иль-де-Франс (Маврикий) и Иль-де-Бурбон (Ресюньон) в Суэц и поступить в распоряжение Бонапарта — они могут быть использованы в ходе экспедиции в Индию.

Итак, Нельсон должен был понять, для чего французы собрали в Тулоне большое количество кораблей и куда эта армада готова направиться. Еще до появления Нельсона в Средиземном море английская разведка обнаружила концентрацию кораблей в Тулоне, Марселе, а также в Генуе, Чивита-Веккии и на Корсике. Очевидно, готовилась грандиозная экспедиция.

Когда сведения о ней стали известны в Лондоне (это произошло в начале апреля), премьер-министр Уильям Питт Младший собрал членов своего кабинета. Министры высказывали разные предположения о целях французов: назывались Португалия, Сицилия, Англия. Последний из обозначенных вариантов выглядел наиболее угрожающе и, принимая во внимание беспрецедентные масштабы приготовлений, казался весьма вероятным.

Министрам Его Величества рисовались следующие картины: французский средиземноморский флот прорывается через Гибралтар, соединяется с атлантическим флотом в Бресте и направляется к берегам Англии или Ирландии.

Лишь один человек в английском правительстве полностью разгадал намерения Бонапарта — то был военный секретарь Генри Дандас. Он заявил, что французы собираются захватить Египет, а затем двигаться по суше в Индию, чтобы там атаковать англичан.

Это мнение было подтверждено британским консулом в Ливорне (Ливорно): тот сообщил в Лондон ставшие ему известными данные о том, что французы направляются в Египет.

Питт заявил, что это маловероятно. Чтобы прояснить ситуацию, лорд Спенсер, первый лорд Адмиралтейства, направил письмо адмиралу Джервису, графу Сент-Винсенту, который осуществлял блокаду испанского флота в Кадисе. В этом послании Спенсер говорил о том, что «появление британской эскадры в Средиземном море является условием, от которого в данный момент, возможно, зависит судьба Европы». Он приказал Сент-Винсенту направить адмирала сэра Горацио Нельсона для выполнения указанной миссии.

Сент-Винсент днем раньше уже направил Нельсона в Средиземное море по собственной инициативе. Эскадра состояла из трех линейных кораблей¹, двух фрегатов и сторожевого корабля.

¹ *Линейные корабли* должны формировать главную линию кораблей во время боя.

Едва Нельсон взялся за выполнение своей миссии разведчика, как его эскадра стала жертвой страшного шторма. «Вэнгвард» получил большие повреждения, лишился мачт, а быстроходные фрегаты, «глаза» флотилии, были потеряны из виду.

У адмирала остались линейные корабли. И с ними он должен был выяснять намерения врага.

Французская пресса называла собранный в Тулоне флот «левым крылом Английской армии». Лондонская «Таймс» считала Португалию и Ирландию наиболее вероятными целями французов.

31 мая, через двенадцать дней после того, как французская армада вышла в море, Питт все еще считал, что она направляется в Ирландию. Он обращался к опыту прошедших времен и требовал «доклада обо всех приготовлениях, которые были сделаны для внутренней защиты... когда Испания своей армадой планировала нападение и покорение Англии, и применении мудрых опытов наших предков в условиях настоящего кризиса общественной безопасности».

Строительство блокгаузов¹ на каждой из столичных площадей, обеспечение защитников отчества ручными гранатами, создание системы оповещения граждан о грядущей опасности — вот меры, которые должны были войти в порядок дня.

Газета «Таймс» писала о том, как подданные английской короны обязаны встретить французское вторжение: «Баррикады

¹ Блокгауз — фортификационное огневое сооружение с бойницами, приспособленное для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня и для проживания гарнизона.

на каждой улице, которые должны защищаться обитателями улицы». Далее следовало требование: «Все отвратительные иностранцы должны быть высланы из страны... должен быть запрещен наем слуг-иностранцев, как мужчин, так и женщин». Военнопленные должны быть помещены в плавучие тюрьмы, «так, что они могли бы быть разрушены в случаях, необходимых для защиты страны».

Над Англией нависла смертельная опасность. Стороны готовились к борьбе, но пока флоты двух стран находились в сотне миль друг от друга.

Важным событием мая стала буря, раскидавшая корабли адмирала Нельсона. Из-за нее он не сумел организовать эффективную блокаду Тулона и вынужден был потратить время на перегруппировку сил.

Море было свободно, и капитаны французских судов могли поднять якоря.

МНОГООПЫТНЫЙ МУЖ

Бонапарт прибыл в Тулон ранним утром 9 мая. Он увидел город, в котором одержал свою первую военную победу.

Солдаты и офицеры бродили по улицам и заполняли многочисленные кафе. Появление главнокомандующего вызвало огромный эмоциональный подъем. Один офицер заметил, что Бонапарт походил на испанского конквистадора, который вдохновляет своих солдат на поход в новые земли в поисках золота.

Когда главнокомандующий начал инспекцию арсенала, его окружила огромная толпа. Люди кричали: «Да здравствует Бонапарт!» Наполеон и члены его свиты хотели избежать этих сцен, и генерал нашел убежище в одном из складов.

Он осмотрел каждый из тринадцати линейных кораблей. Когда Наполеон ступил на борт «Ориснта», одного из лучших кораблей эпохи, его встретили Брюэйс и капитан Касабьянка. Капитан взял с собой в плавание девятилетнего сына Джакомо.

Как только Бонапарт начинал осмотр очередного судна, его приветствовали залпом из двух пушек. Звуки салюта разносились по всей гавани, им вторило эхо на холмах вокруг города.

До выхода в море оставались считанные дни. Делались последние приготовления. Закончив материальную подготовку экспедиции, Бонапарт должен был поднять дух войска. Он использовал те же присмы, которые ранее с успехом применял в Итальянской армии. Наполеон отлично понимал, что умы и сердца людей, готовых рисковать своими жизнями, завоевываются отнюдь не рассуждениями. Да, он должен сказать что-то впечатляющее: это позволит воинам почувствовать себя творцами истории. Но к этому нужно прибавить нечто настолько ошутимое, что каждый поймет: он заключает выгодную сделку.

Перед началом Итальянской кампании Наполеон обещал, что воины найдут честь, славу и богатство. Солдатам было гарантировано, что индивидуальная добыча будет благополучно доставлена им домой. Она не будет потеряна, украдена или проиграна в азартные игры. Она не должна быть продана с тем, чтобы получить взамен вино. И солдатам нет нужды тащить на себе тяжелые грузы во время утомительных маршей: сам главнокомандующий позаботится о том, чтобы добыча его подчиненных была доставлена на родину в целости и сохранности.

Теперь, в Тулоне, он обращается к армии с новой, тщательно продуманной речью. Он не говорит, куда направятся суда. «Солдаты армии Средиземноморья» — так он называет героев кампаний в Европе, и это оставляет пространство для различных толкований. Они — «крыло Английской армии».

Бонапарт напоминает воинам о том, что они сражались в горах, на равнинах и брали крепости. Их ждет новое испытание.

ние — кампания, которая начнется плаванием по морю. Римские легионы сражались с Карфагеном на этом самом море!

На них смотрит Европа. От них зависит будущее процветание Франции и благо человечества. Идеал свободы, сделавший республику арбитром Европы, сделает ее арбитром дальних стран и морей.

Солдаты, построившиеся на пристани, внимательно слушают своего вождя. Они воодушевлены, но хорошо понимают, что это только прелюдия.

Бонапарт удачно использует знакомые образы. В январе 1798 года один из парижских театров начал показывать пьесу «Сципион Африканский», в которой проводилась явная параллель между Бонапартом и римским полководцем. Публика с восторгом приняла пьесу. Из зала неслись приветственные крики, когда актер декламировал: «И в свои двадцать восемь лет он почти затмил наших величайших завоевателей!»

Генерал переходит от идеологии к делам насущным. Наполеон напоминает войнам о том, что война в Альпах была сопряжена с трудностями и недостатками снабжения. Солдаты напряженно внимают: сейчас он скажет главное.

«Он обещает эквивалент шести акров земли каждому солдату по возвращении на родину как результат экспедиции, — вспоминает журналист Марк-Антуан Жюльен, участник похода. — Он говорит о выгоде, чести... Люди страстно желают отправиться в путешествие, прося ветра, их волнение и подозрения исчезли. Все бегут на корабли».

Не все правильно поняли Бонапарта, некоторые подумали, что он говорил о шести акрах земли, расположенной где-то да-

леско, за морями. Но это было не столь важно — ведь генерал обещал не землю в натуральном выражении, а денежную сумму, на которую можно приобрести шесть акров. В любом случае обещание земли для солдат, большинство из которых были крестьянскими детьми, звучало очень заманчиво.

12 мая погрузка на суда была полностью завершена. Адмирал Брюэйс доложил Наполеону о том, что флот готов поднять якоря и на следующий день выйти в открытое море.

Если бы Брюэйс и Бонапарт могли заглянуть за горизонт, то увидели бы корабли адмирала Нельсона, которые расположились в нескольких милях от Тулона. Один из английских фрегатов перехватил французский корвет, несомненно оторвавшийся от своей эскадры.

Пленников подвергли допросу, и Нельсон узнал о том, что в Тулоне «пятнадцать линейных кораблей, по-видимому, готовы к выходу в море».

На самом деле линейных кораблей было тринадцать. А еще фрегаты, корветы и более сотни транспортных и посыльных судов.

И это только в Тулоне. По плану Бонапарта к большой армаде должны были присоединиться флотилии, стоявшие в портах Марселя, Генуи, Чивита-Веккии и Корсики. Общее число членов экспедиции, в которое входили солдаты пехотных, артиллерийских и кавалерийских частей, моряки, гражданские лица, достигало пятидесяти тысяч человек.

В ночь перед предполагаемым отплытием французских кораблей подул сильный ветер-мистраль. К утру 13-го начался неистовый шторм, и Брюэйс был вынужден отложить начало

экспедиции. Это была та же самая буря, что разметала корабли Нельсона.

Холодный мистраль, пришедший с гор, дул еще семь дней. Он начал утихать лишь 18 мая. Вечером этого дня Наполеон приказал трубить сбор и дать залп из шести орудий. Это был общий призыв к тому, чтобы вернуться на корабли.

В шесть часов утра 19 мая все корабли эскадры наконец-то получили долгожданный сигнал с «Ориента», означавший приказ к отплытию, и начали поднимать якоря. Каждое судно проходило мимо «Ориента», приспуская флаги в знак приветствия.

«Ориент» был одним из самых крупных и самых мощных в мире кораблей. Он имел три палубы и сто двадцать боевых орудий.

Наполеон долго стоял на палубе, наблюдая за проходом кораблей. Играли полковые оркестры. Стреляли пушки, размещенные в фортах, построенных на близлежащих холмах.

Зрители, собравшиеся на набережной, махали платками и кричали в знак приветствия участников экспедиции.

Там же стояла Жозефина Бонапарт. Она не присоединилась к Наполеону из-за недомогания. Было решено, что она должна поправиться, а затем поедет в Испанию, куда за ней будет послан корабль.

Прошло более восьми часов. Последние корабли покидали порт Тулона. Оркестры затихали один за другим.

Солдаты, моряки, ученые, студенты, врачи, деятели культуры и другие участники экспедиции смотрели на удалявшийся берег. Многие из них впервые в жизни стали пассажирами морского судна.

«Несмотря на то что корабли несли военное снаряжение, наши чувства были таковы, будто это приятное путешествие», — вспоминал Тибодо.

Все оживленно беседовали между собой, обсуждая цели экспедиции. Снова говорили об Англии, Ирландии, Сицилии, Мальте, Сардинии, Исаполе. И все же — более всего о Египте.

Офицеры, проследжавшие через Авиньон по пути в Тулон, скупили почти все книги Вольфа о его путешествии в Египет. Когда армейский поставщик по имени Гранжан захотел купить эту книгу, то продавец предложил ему последний оставшийся экземпляр.

В день отплытия Бонапарт написал Директории:

«Четыре испанских фрегата прибыли вчера с Менорки... Выяснилось, что несколько английских военных кораблей находятся в нижнем Средиземноморье, но непохоже, что они тревожат нас».

Очевидно, что Наполеон недооценивал опасность. Позднее он скажет: «Если англичане в самом деле хотели атаковать нас во время пути, мы бы легко их победили».

Между тем Нельсон уже успел отремонтировать «Вэнгвард» (он сделал это у юго-западной оконечности острова Сардиния) и вновь соединился со своими фрегатами, которые после шторма уходили в Гибралтар.

27 мая он вернулся к Тулону, а 28-го англичанам удалось перехватить торговое судно из Марселя. Нельсон узнал о том, что девять дней назад флот Наполеона ушел в неизвестном направлении.

Вскоре тулонская эскадра соединилась с марсельским конвоем и флотилией, вышедшей из Генуи. Корабли двигались вдоль берегов Корсики, где встретили конвой из Ляччо, а затем в южном направлении — вдоль берегов Сардинии.

«Эскадра двигалась в отличнейшем порядке, тремя колоннами: две состояли из четырех кораблей, а центральная — из пяти... Декре был послан в дозор с легкой эскадрой, состоявшей из фрегатов и быстроходных корветов, — рассказывает Наполеон. — Конвой, охраняемый двумя венецианскими 64-пушечными кораблями, четырьмя фрегатами и большим количеством мелких судов, со своей стороны высылал дозоры во все концы. Он имел приказ в случае нападения на флот вражеской эскадры укрыться в дружественном порту.

По всем линейным кораблям были распределены отборные войска. Три раза в день они проводили артиллерийские учения. Наполеон командовал как сухопутными, так и военно-морскими силами. Ничего не делалось иначе, как по его приказу. Он направлял движение флота. Он часто жаловался на то, что линейные корабли держатся слишком далеко друг от друга, но никогда не вмешивался ни в какие детали, требовавшие знаний и опыта в морском деле. 3 июня на высоте мыса Карбонара адмирал Брюэйс представил ему на утверждение приказ, предусматривающий посылку четырех линейных кораблей и трех фрегатов навстречу конвою, вышедшему из Чивита-Веккии. Наполеон написал на полях: «Если через 24 часа после выделения этих кораблей будут замечены десять английских, у меня

окажется только десять кораблей вместо тринадцати". Адмирал ничего не смог возразить».

Флотилия из Чивита-Веккии, перевозившая солдат генерала Дезэ, не прибыла к месту назначенной встречи. Здесь эскадра Брюэйса случайно встретила с корсаром, члены команды которого рассказали о том, что в Средиземном море появился мощный английский флот. Капитаны французских кораблей начали волноваться. Более точные сведения были получены с нейтральных судов: английская эскадра насчитывает четырнадцать линейных кораблей.

Наполеон решил более не ждать Дезэ и приказал Брюэйсу продолжать движение к югу.

Днем позже Бонапарт направил в Неаполь фрегат «Помона», который должен был принять на борт Жозефину. Однако вскоре корабль вернулся без нее. Наполеон был глубоко разочарован. Он мог лишь гадать, в чем причина отсутствия супруги.

Его волновали и семейные, и морские дела. Стало ясно, что экспедиция в опасности.

Но откуда у Нельсона четырнадцать линейных кораблей, ведь было всего три? Дело в том, что в начале июня он получил новые приказы и мощнейшее подкрепление — одиннадцать линейных кораблей, направленных Сент-Винсентом. Этому предшествовала сложная комбинация: Сент-Винсент принял подкрепления из Англии, перекрасил вновь прибывшие суда в тот же цвет, что и его корабли, блокировавшие испанский флот в Кадисе, присоединил вновь прибывшие корабли к эскадре и

направил свои суда на помощь Нельсону. Испанцы, союзники французов, не заметили этих перемещений.

Миссия Нельсона изменилась: теперь он должен был не следить за противником, а уничтожить его. Сент-Винсент предписывал «продолжить движение в поисках вооруженных сил, приготовленных врагом в Тулоне... [и] приложить максимум усилий к тому, чтобы захватить, потопить, сжечь или разрушить их».

МАЛЬТИЙСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

И Наполеон, и Дезэ действовали по обстоятельствам. Окончательное соединение французских флотов произошло недалеко от Мальты — первой цели экспедиции.

Объединенная армада занимала площадь в десять квадратных километров. Рано или поздно Нельсон должен был напасть на след французов.

Бонапарт был уверен, что Мальту надо захватить, и убедил в этом Директорию. Стратегическое значение острова как базы и плацдарма для завоевания Египта невозможно было переоценить. Британия, Россия и Австрия имели свои интересы в регионе, и обладание Мальтой давало Франции несомненные преимущества в борьбе за влияние на Средиземноморье.

Мальта находилась во владении «Ордена рыцарей госпиталей святого Иоанна, что в Иерусалиме». Орден имел славную историю, но постепенно пришел в упадок.

«Между республикой и орденом не было никаких дипломатических отношений, — поясняет Наполеон. — Англичан же орден принимал и оказывал им предпочтение; им предоставлялась всевозможная помощь; власти следили за укомплектова-

нием английских эскадр и снабжением их продовольствием». «Но решающим для судьбы ордена явилось то, что он отдался под покровительство императора Павла — врага Франции. Был создан православный приорат, что оскорбляло римско-католическую религию и клир. Россия стремилась к господству над этим островом, имеющим столь большое значение в силу своего положения удобства, и безопасности его порта и мощи укреплений. Ища покровительства на севере, орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга».

Бонапарт действовал по собственному плану, который он начал выполнять задолго до начала экспедиции. Он знал, что бухта Ла-Валетты, столицы Мальты, окружена практически неприступной крепостью с толстыми стенами, которую защищали более тысячи орудий.

В ноябре 1797 года Наполеон направил гражданина Посселгуэ, финансового администратора Итальянской армии, инспектировать порты Леванта. На самом деле целью Посселгуэ была Мальта — он должен был изучить состояние ее укреплений.

Еще до начала кампании Наполеон получил доклад Посселгуэ. Разведчик сообщил о том, что богатство рыцарей, состоявшее из слитков золота, бриллиантов и других ценностей, стоит несколько миллионов. Таким образом, Бонапарт узнал о важном потенциальном источнике финансирования Египетской экспедиции.

«В 1789 году орден извлекал из различных стран христианского мира от 18 до 20 миллионов ренты (в том числе 7 миллионов из Франции), — пишет Наполеон. — В XIV веке он унаследовал владения тамплиеров. После изгнания его с Родо-

са Карл V уступил ему три острова — Мальту, Комино и Гоцо. Это было сделано с условием, что он станет защищать берега Испании и Италии от варварийских пиратов. Ему легко было это сделать. Он мог иметь 6—7 линейных 74-пушечных кораблей, столько же фрегатов и вдвое больше мелких судов с тем, чтобы одна треть их постоянно крейсировала перед Алжиром, Тунисом и Триполи. Он мог бы положить конец варварийскому разбою, принудив пиратов жить в мире. В этом случае орден заслужил бы благодарность всего христианского мира. Половины его доходов было бы достаточно, чтобы достигнуть этого великого и благодетельного результата. Но рыцари по примеру других монахов присвоили имущество, которое было им предоставлено ради общественного блага и нужд всего христианского мира. Роскошь приоров, балли, командоров вызывала возмущение всей Европы».

Рыцари кунались в роскоши, между тем «пираты безнаказанно нападали на Сицилию, Сардинию и берега Италии». Орден не смог положить конец этому разбою.

Вернувшись из поездки, Поселгуэ доложил о состоянии укреплений Ла-Валетты: стены в значительной степени обветшали, пушки заржавели и требовали ремонта. Что касается рыцарей, то они не представляли собой силу, способную противостоять многочисленной современной армии: из 327 членов ордена пятьдесят человек были слишком стары для того, чтобы драться, а около 200 были французами, не желавшими воевать с соотечественниками.

Были получены и другие данные разведки, говорившие о том, что гарнизон Мальты состоит из полутора тысяч бойцов

(«итальянцев, немцев, французов, испанцев, большей частью дезертиров или авантюристов», — заявляет Наполсон). Регулярным войскам помогают ополченцы, но они, как и солдаты гарнизона, вовсе не готовы рисковать своими жизнями ради защиты непопулярных хозяев острова.

«Эти ополченцы, гордые, как и все островитяне, давно уже чувствовали себя оскорбленными наглостью и высокомерием рыцарей-дворян, — продолжает Наполеон. — Они жаловались на то, что являются у себя на родине иностранцами, не допускаемыми к занятию почетных и доходных должностей. У них не было привязанности к ордену. Они видели во французах защитников своих прав. К тому же сама организация ополчения находилась в небрежении, ибо орден давно уже не опасался вторжения турок и, напротив, боялся установления гегемонии коренных жителей. Если фортификационные сооружения и материальные средства обороны были обипирны, то моральный фактор сводил их к нулю».

Появление французской армады напугало островитян. «Никогда Мальта не видела столь бесчисленного флота в своих водах, — вспоминал один из свидетелей. — На большом протяжении от берега море было покрыто кораблями всех размеров, чье мачты напоминали огромный лес».

Гроссмейстер ордена, старый и дряхлый барон Фердинанд фон Гомпеш, решил послать Наполеону письмо с просьбой прояснить намерения французского главнокомандующего. Этот шаг был явно запоздалым: Бонапарт уже высадил солдат на незащищенную часть основного острова.

До этого Наполсон просил разрешения войти в порт с целью набрать свежей воды для участников экспедиции. Получив неудовлетворительный ответ (разрешение войти в порт лишь четырем кораблям), генерал решил действовать по своему усмотрению.

Кто ему противостоял? «Бальи, командоры, ссепсали, должностные лица ордена были стариками, не участвовавшими в войнах, холостяками, проведшими жизнь в самом приятном обществе, — говорит Наполсон. — Очутившись на Мальте, как в ссылке, они желали умереть у себя на родине. Их не вдохновляли ни один из мотивов, в силу которых люди пренебрегают большими опасностями. Что могло заставить их рисковать жизнью ради сохранения бесплодной скалы посреди моря? Религиозные чувства? Они были малорелигиозны. Сознание собственной полезности? То гордое чувство, которое побуждает человека идти на жертвы, потому что он защищает родину и себе подобных? Они ничего не делали и никому не приносили пользы».

Высадка войск привела к их стычкам с защитниками Мальты и острова Гоцо. Три француза были убиты.

Главнокомандующий не хотел применять силу и проливать кровь. Чтобы достичь соглашения с фон Гомпешом, Бонапарт использовал неожиданный ресурс. Одним из членов экспедиции был видный геолог и минералог Доломье, чьим именем названы доломиты. В юности он стал мальтийским рыцарем, но затем был заключен в тюрьму за убийство на дуэли другого рыцаря. Наполсон пригласил Доломье для беседы и предложил ему стать парламентаром.

Доломье выразил крайнее нежелание участвовать в опасном деле. Во-первых, у него не было опыта ведения подобных переговоров. Во-вторых, он знал, что рыцари могут схватить его и отдать под суд, — ведь он не имел права появляться на острове: гроссмейстер ордена помиловал его при условии, что он никогда не вернется на Мальту. Наполеон усугублял ситуацию тем, что предложил Посселпуэ присоединиться к Доломье, — увидев первого, рыцари сразу бы поняли, что имели дело со шпионом.

Опасения оказались верными: узнав обоих, фон Гомпеш пришел в замешательство.

Мучительное состояние неопределенности длилось еще сутки. Гомпеш совещался с рыцарями. Одни высказывались за оборону: имея мощные укрепления и запасы продовольствия на три года, крепость могла держаться. Другие не желали воевать с французами.

«Предатели» отправили в тюрьму. Ночью ситуация вышла из-под контроля руководства ордена: группы ополченцев ринулись на улицы города и начали нападать на рыцарей, встречавшихся на их пути. Очевидно, что население ненавидело своих хозяев и в массе своей сделало выбор в пользу французов.

На следующий день фон Гомпеш капитулировал, выторговав себе ежегодную пенсию в размере трехсот тысяч франков, которую должно было выплачивать французское правительство. Акт о капитуляции был подписан на борту флагманского корабля «Ориент» в 2 часа утра 12 июня. Он предусматривал сохранение за рыцарями их имущества на островах Мальта и Гоцо на правах частной собственности.

«Город Ла-Валетта, основанный в 1566 году, несколько раз осаждался турками, — писал Наполеон. — Он располагает наилучшим портом Средиземного моря, имеет 30 тысяч жителей, красивые дома, прекрасные набережные, великолепные склады для ржи, изящные фонтаны. Укрепления отличаются большой протяженностью, построены из тесаного камня, все склады — вне пределов досягаемости бомб. Различные фортификационные сооружения, батареи и форты многочисленны и нагромождены друг на друга. Генерал Каффарелли сказал в шутку, осматривая их на следующий день после сдачи: “Хорошо, что в них были люди, чтобы открыть нам ворота”. Он намскал на множество рвов, эскарпов и контрэскарпов, которые пришлось бы преодолеть, если бы ворота остались запертыми».

Бонапарт перенес свою штаб-квартиру на сушу и быстро провел реформу управления островом. Для этого он создал комиссию из девяти местных нотаблей и французского комиссара. Главными целями работы этого органа стали сбор налогов и решение вопросов снабжения.

Энергия генерала потрясала всех свидетелей его дел: за семь дней он выпустил 168 рапортов, приказов и депеш. Были отменены феодалные привилегии рыцарства, реформированы монастыри, гарантированы равные права всех жителей острова — христиан, евреев и мусульман. Свобода культов предполагала, что и православные, и иудеи могли открывать свои храмы.

Наполеон освободил 2000 турецких и мавританских рабов, закованных в кандалы и томившихся «на отвратительных галерах». Среди них было много египтян.

Этот шаг имел пропагандистское значение: Бонапарт направил послания французским консулам в Алжире, Тунисе и Триполи и посоветовал им рассказать мусульманским беям о покорении Мальты и освобождении рабов. В ответ власти мусульманских стран могли отпустить на свободу христиан, которых истязали на галерах.

Он модернизировал систему образования, учредив пятнадцать школ, в которых детей должны были учить «принципам морали и французской конституции». Наполеон решил, что шестьдесят способных учеников (дети нотаблей) отправятся во Францию, где будут обучаться бесплатно. В этом он следовал примеру римлян.

Он использовал Монжа и Бертолле для того, чтобы конфисковать богатства и ценности монастырей, церквей, рыцарских резиденций и местного казначейства. Раньше эти ученые выполняли подобную работу в Италии по заданию Директории.

На Мальте они действовали по той же схеме и в течение недели изъяли в пользу республики ценностей примерно на семь миллионов франков. В основном это были золотые слитки, серебро и бриллианты. Изрядная доля наличности была отослана Директории, а другая часть была помещена в трюмы флагманского корабля «Ориент». В качестве утешения рыцарям оставили обломок Истинного креста.

Генерал Бонапарт вновь проявил себя и как завосватель, и как государственный деятель. Модернизируя систему управления Мальты, он чувствовал себя очень уверенно. Более того, он получал удовольствие от этой работы и оценивал ее в некоторой степени как подготовку к созданию своей империи на Востоке.

Были учреждены муниципальные органы и отряды Национальной гвардии, которыми командовали французские офицеры. Остров был разделен на кантоны и округа. Лояльным к Французской республике жителям острова было позволено носить трехцветные кокарды.

В то время как Наполеон, ряд ученых и администраторов занимались вопросами экономики, политики, права и образования, другие участники экспедиции наслаждались прелестями острова. Офицеры были приняты в домах рыцарей французского происхождения, многие из которых решили присоединиться к армии генерала Бонапарта. Те рыцари, которые не сделали этого, в течение недели были высланы с острова. Каждый из них получил скромную пенсию в зависимости от срока его службы. Рыцарям старше шестидесяти лет было позволено остаться на острове.

По уставу рыцарского монашеского ордена хозяева Мальты давали обет целомудрия. Однако, как заметил один кавалерийский офицер, «все они имели любовниц, которые были восхитительно прекрасны и очаровательны, и в отношении них [рыцари] не были ни собственниками, ни ревнивцами».

Солдаты и матросы развлекались с проститутками в многочисленных тавернах и борделях. Французы вкупали спелые плоды апельсиновых деревьев, что было вдвойне приятно в условиях летнего зноя.

Между тем многие жители острова были разочарованы и шокированы поведением французов. Разграбление церквей и монастырей вызвало волну возмущения и породило напряженность в отношениях мальтийцев и новых хозяев острова.

Бонапарт приказал закрыть все монастыри, оставив лишь по одному для каждого ордена, и выставить на продажу здания и землю закрываемых обитателей, в том числе собственность монастыря кармелитов. Это стало миной замедленного действия и не могло не привести к бунту против французов.

Наполеон оставил на острове гарнизон под командованием генерала Вобуа численностью 4000 человек. Политик и публицист Реньо де Сен-Жан-д'Анжели был назначен руководителем гражданской администрации Мальты. Несколько ученых, напуганных трудностями пути, отказались продолжить путешествие.

«Генерал Барагэ д'Ильс, который в силу испостоянства своего характера пожелал вернуться в Париж, получил разрешение на отъезд, причем ему было поручено доставить штандарт ордена», — добавляет Наполеон.

Однако общая численность пассажиров кораблей не уменьшилась, поскольку к экспедиции присоединились 2000 освобожденных рабов, 2000 человек из гарнизона Мальты и 34 рыцаря.

За неделю, проведенную на острове, участники экспедиции хорошо отдохнули после утомительного плавания. Наполнив карманы апельсинами, они поспешили в порт.

18 и 19 июня корабли адмирала Брюэйса поднимали якоря.

В АЛЕКСАНДРИЮ, МИМО АТЛАНТИДЫ

Путешествие продолжалось ровно месяц.

Многие участники Египетской экспедиции впервые в жизни испытали, что такое морское путешествие. Они забывали о том, что участвуют в войне, и относились к походу как к удовольствию. Говорили о танцорах (*bayadères*), о чистых небесах восточных стран и ароматах, которыми дышат в Земле обетованной.

Среди пяти сотен гражданских лиц, участников Египетской экспедиции, были такие, кого археолог, художник и гравер Доминик Виван Денон называл земноводными (*amphibians*). Это были искатели приключений, вороватые поставщики и разные мечтатели, которые покинули Париж в поисках новых удовольствий в Каире.

Именно этих людей ждало самое жестокое разочарование. Неприятности начались с начала пути.

Самыми трудными были первые дни. Началась качка, и многие заболели морской болезнью.

«Я страдал от морской болезни все время, — писал в своем журнале молодой капитан Вертрей. — Сухопутный бой — ничто в сравнении с мучениями, которые испытывали те, кто

не привык к продолжительному плаванию, особенно на столь хрупких судах, на которых мы вышли в море».

Обнаружилось, что провизия, находившаяся на кораблях, подвержена порче. Вино из бочонков потекло, соленая говядина и питьевая вода начали источать неприятные запахи, черви поедали бисквит. Мясо цыплят, свинина и баранина, предназначенные для офицерской кухни, заканчивались, а тараканы и блохи быстро размножались.

Кто-то остроумно заметил, что «животные, которых должны были есть мы, исчезали, в то время как те, которые ели нас, умножились стократно».

Не было возможности помыться и почистить одежду. В переполненных каютах стояли запахи грязных человеческих тел и рвоты.

На кораблях находились более тысячи лошадей для кавалерии и артиллерии, тягловые волы, а также куры, быки и бараны для офицерской кухни.

Каждое судно несло в среднем 160 тонн продовольствия (печенье, соленье, мука, сыры, сушеные овощи, специи). Провизия портилась и также источала неприятные запахи.

Между офицерами армии, флота, учеными и другими гражданскими лицами вспыхнула борьба за первенство. Каждый сражался за право обладания теми или иными благами и привилегиями и обвинял другого в несоблюдении правил личной гигиены и санитарных норм.

Чтобы избежать мучений в каютах, некоторые офицеры смастерили на палубах кабинки из досок и ночевали в них. Это вызывало гнев моряков.

Даже в помещениях «Ориента» условия были столь же стесненными. По норме на этом корабле должны были жить 1000 человек. Бурьени отмечает, что «Ориент» был, «как деревня без женщин... деревня с двумя тысячами жителей».

Если флагманский корабль загрузили людьми вдвое больше нормы, то на других судах ситуация была еще более напряженной.

Женщин на кораблях было немало — жены и любовницы офицеров, портнихи, прачки, проститутки. Офицерам и генералам было запрещено брать с собой женщин, но они находили способы, как избежать запретов. Ради этого дамы чаще всего надевали военную форму и проникали на борта судов.

Медленно тянулись дни, которые нужно было чем-то заполнять. Люди играли в различные игры или рассказывали друг другу истории о своих приключениях.

Многие жаловались на плохой сон. Утром солдаты, ворча, выходили на смотр, который командиры проводили на палубе.

Во второй половине дня играли оркестры, солдаты и матросы пели песни. Некоторые из них занимались репетициями и давали театральные представления. Участники экспедиции впоследствии рассказывали о том, что сюжеты этих пьес были примерно одинаковыми: французский солдат освобождает девушку-рабыню из гарема старого турка, а затем женится на ней.

Когда солдаты пели, Наполеон вставал на капитанский мостик и размахивал руками, как дирижер. Хор исполнял «Прощальную песню» или «Марсельезу».

Порой случались происшествия, и кто-то падал в воду. Бурьени рассказывал о том, что Наполеон принимал эти дела

близко к сердцу и не успокаивался до тех пор, пока человека вновь не поднимали на борт судна.

Бонапарт имел исключительную привилегию, разместившись в удобном персональном помещении. Оно включало каюту-спальню, где стояла кровать на роликах, столовую, салон и библиотеку. Брюэйс делил каюту с Монжем.

Наполеон установил этикет, подобный тому, что применялся при его «дворе» в Момбелло в Италии. Это шокировало членов экспедиции, придерживавшихся республиканских взглядов. Например, портной Франсуа Бернайе, который в один из вечеров ужинал на борту «Ориента», заметил:

«Я не знаю, почему Бонапарт верит в то, что, перенимая эту систему, он придаст себе больше блеска или больше почта, но он, несомненно, ошибается, поскольку ничто не отличает человека в большей степени, чем любовь к родине и свободе».

После обеда Наполеон любил беседовать с учеными и военными на научные и философские темы. Военные в большинстве своем относились к ученым с предубеждением, считая последних странными людьми. Действительно, ученые зачастую не различали рангов офицеров и генералов, в разговорах оперировали необычными категориями, да и одеты были весьма странно.

Единую форму одежды ученых разработал сам Наполеон. Этот костюм представлял собой упрощенный вариант платья, которое надевали на себя члены Института Франции.

Военные прозвали ученых «ослами». И многим офицерам не нравилось то, что главнокомандующий заставлял их вести послеобеденные беседы с людьми науки.

Андош Жюно, любимый адъютант Бонапарта, засыпал во время разговоров. Зато он был мастером пошутить и приравнял Ланна к тем же «ослам» (*l'âne* в переводе с французского означает бранное слово «осел»). Однако поскольку Жюно не мог вникнуть в содержание научных и философских дискуссий, то Наполеон исключил его из числа участников бесед.

Предметами дискуссий были: природа электричества, есть ли жизнь после смерти, какие еще тайны предстоит открыть человечеству. Сумерки сгущались, офицеры расходились по каютам, а Наполеон продолжал беседовать с Монжем и Бертолле.

Они стояли на палубе и еще долго обсуждали то, о чем люди редко задумываются. «Было легко заметить, что он [Бонапарт] предпочитал Монжа, чье воображение, возможно, было свободно от пуританских религиозных принципов, но имело склонность к религиозным идеям, которые гармонировали с собственным взглядом Наполеона на этот предмет», — вспоминает Бурьени.

Бертолле с его воображением химика был склонен высмеивать религиозные представления, проповедуя тот вид материализма, который Наполеон не любил. Но сколько бы страсти и эмоций Бонапарт ни вкладывал в свои доводы, Бертолле продолжал стойко зацеплять позиции богоборца.

— Если так, — ответил Наполеон, кивая на звезды, — тогда скажите мне, кто создал все это?

«Как он часто говорил мне, — продолжает Бурьени, — его принципом было смотреть на религию как на работу для человека, но всюду уважать ее как мощное средство управления».

Когда французский флот покидал Мальту и взял общее направление на восток, высшее командование более не могло скрывать от капитанов судов конечный пункт назначения экспедиции. Впереди был самый длинный и самый опасный отрезок пути. Отдельные суда могли отбиться от основной массы кораблей или вообще потеряться. В любом случае капитаны должны были знать свой маневр. Кроме того, более вероятной стала встреча с англичанами.

Пассажиры судов, отчаливших от берегов Мальты, продолжали гадать — Крым, Сицилия, Португалия? Наполеону было забавно слышать эти разговоры. Сам он так описал сложившуюся ситуацию неопределенности:

«Стало известно, что курс будет взят сначала на Кандию¹. Мнения относительно последующего назначения разделились. Собираются ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале или же на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же из Алеспио направятся в Индию?! Эти сомнения перекликались с сомнениями Нельсона».

Когда капитаны узнали, что нужно взять курс на Египет, новость быстро стала общим достоянием.

— Египет? — спрашивали участники экспедиции своих соседей. — Вы знали?

— А вы знали? — в свою очередь, спрашивали те.

Все прояснилось, и стало легче на душе. Во время прохождения заключительного отрезка пути улучшилось и физическое

¹ *Кандия* — прежнес (венецианское) название города Ираклион на острове Крит и самого острова Крит.

состояние людей по сравнению с тем, каким оно было в начале экспедиции.

Еще до того, как флот достиг Мальты, Бонапарт получил новую информацию о движениях британских судов. Он написал Директории о том, что французский сторожевой корабль преследовал английский бриг, заставив его пристать к берегам Сардинии. Там британский корабль был сожжен.

«Члены команды этого судна, — докладывал Наполеон, — в один голос говорили об английской эскадре, состоящей, как мне представляется, из пяти или шести боевых кораблей».

Бонапарт и Брюэйс хорошо понимали, что и несколько английских кораблей могут нанести большой вред их флоту. Поэтому они решили плыть вдоль острова Крит, берега которого могли послужить им защитой, хотя для этого требовалось удлинить маршрут до Александрии на сто миль.

Даже если Нельсон разгадал планы французов, то он, скорее всего, устремится к Александрии по прямому пути. В этом случае вероятность встречи двух флотов снижается.

Французская армада держалась чуть севернее прямого маршрута в Египет и через несколько дней приблизилась к острову Крит. Наполеон, имея много свободного времени, оценивал итоги первого месяца экспедиции и думал о будущем.

Его мечты о Востоке начали сбываться. Он консолидировал свои военные силы и готовился ступить на землю Египта. В перспективе он должен подготовить поход в Индию.

Неужели все это не сон? Неужели те грезы, в которые он погружался, читая книги в скромных комнатных кабинетах, снимавшихся им в Валансе и Оксонне, могут стать явью?

Эти книги назывались «История арабов» аббата Мариньи и «Мемуары о турках и татарах» барона Франсуа де Тотта. В 1792 году Бонапарт встретился на Корсике с Вольнсем — автором книги о путешествиях в Египет и Сирию.

Будучи 23-летним офицером, он размышлял о том, чтобы отправиться в Индию служить в английской армии. Стоя перед матерью и старшим братом Джузеппе (Жозефом) в их доме на Корсике, он произносил речи и доказывал родне, что англичане будут хорошо платить офицеру его квалификации.

Это было до объявления войны Англии. А уже в следующем, 1793, году он победил британцев в Тулоне.

Теперь же он готов нанести смертельный удар в «сонную артерию» Великобритании. А один из лучших английских флотоводцев получил приказ потопить его флот. Схватка была почти неизбежной, но Бонапарт не хотел этой встречи.

Стоя на палубе, он смотрел вдаль и выглядывал Нельсона. Он думал об английском адмирале, которого не знал, и размышлял о Востоке.

Он вспоминал, как в феврале 1797 года во время короткой кампании против папских государств он вошел со своими солдатами в портовый город Анкона, находящийся на побережье Адриатического моря. Этот город, населенный греками, албанцами, боснийцами и турками, имел стратегическое значение для связей с Константинополем.

В жизни корсиканца Бонапарта море играло огромную роль. Его видение этого мира было похоже на восприятие древних греков. Когда он стоял на морском берегу, фантазия всякий раз уносила его вдаль.

Он думал о Константинополе, он помышлял о новых завоеваниях. Бонапарт провел в Анконе целых пять дней, по истечении которых он написал Директории:

«Отсюда можно достичь Македонии в двадцать четыре часа и Константинополя — за десять дней... Мы должны удерживать порт Анкону после заключения мира, для того чтобы он всегда оставался французским. Это даст нам огромное влияние на Османскую Порту и сделает нас хозяевами Адриатического моря».

Полгода спустя, во время переговоров с Австрией, он возвращается к темам моря, островов, Константинополя:

«Корфу и Ионические острова более ценны для нас, чем вся Италия... Турецкая империя разрушится день ото дня: обладание островами позволит нам помочь этому, насколько возможно, или получить нашу долю в этом».

Сказано — сделано: летом 1797 года генерал Джентили высадился на Корфу, и французы оккупировали Ионические острова.

«Уже недалеко то время, — писал Бонапарт правительству, — когда мы будем думать: для того чтобы по-настоящему разрушить Англию, мы должны захватить Египет».

Гражданин Посселгуэ был не единственным советником Бонапарта, собравшим нужные для будущей экспедиции сведения. Еще в апреле 1797 года Наполсона, находившегося в Лесбене на переговорах с австрийцами, посетил французский дипломат Раймон Верпинак. Он возвращался из Константинополя, где выполнял функции уполномоченного министра. Его обратный путь из Турции в Париж неожиданно затянулся —

дипломат был арестован неаполитанскими властями и провел в тюрьме несколько месяцев.

Находясь в Константинополе, Вернинак посылал специального комиссара, чтобы изучить положение дел в Египте. В сентябре 1796 года этот комиссар направил Вернинаку доклад из Смирны, в котором обосновал выводы, аналогичные заключениям, сделанным год спустя Наполсоном и Талсйраном: турецкая империя находится в состоянии упадка и хаоса, и французы смогут легко захватить Египет.

В сентябре 1797 года Бонапарт находился в Пассариано. Завершался процесс подведения итогов Итальянской кампании, и Наполеон уделял много времени подготовке к Египетской экспедиции. Он посвятил в свои плана прибывшего из Рейнской армии генерала Дезэ. Почти каждый день он говорил о Востоке со своими ближайшими соратниками. Беседы и консультации Бонапарта с учеными, дипломатами и военными помогли ему конкретизировать план экспедиции.

Стоя на палубе «Ориента», Наполеон думал о своей судьбе, о своем высоком предназначении. Он был уверен в том, что оно связано с Востоком.

В любой ситуации Бонапарт рассматривал разные возможности. Он обещал Директории, что вернется во Францию через шесть месяцев, Бурьенну же сказал, что они могут превратиться в шесть лет.

Когда Наполеон увидел пики горных вершин острова Крит, он заговорил о великой цивилизации, которая когда-то здесь существовала. Не был ли он сам потомком людей высокой культуры, поглощенных великими катаклизмами и разбросанных по всему свету?

«Это было торжество его фантазии, — он подробно и с энтузиазмом рассказывал о Древнем Крите, — вспоминает Бурьени. — Он говорил об упадке Османской империи, которая так мало напоминала легендарную историческую землю, многократно омывавшуюся человеческой кровью. Он начал думать о прекрасных мифах и легендах, придавая своим словам качества вдохновенной поэзии... что привело его к выводам о том, что человечество должно жить по самым лучшим законам... о том, что люди нуждаются в религии».

ОДНОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАН

Нельсон был на одиннадцать лет старше Бонапарта, но по меркам Британского адмиралтейства считался молодым адмиралом. Он родился 29 сентября 1758 года в графстве Норфолк, расположенном в Восточной Англии, в семье приходского священника Эдмунда Нельсона. Мать Горацио Нельсона, Катерина, имела аристократические корни: ее предки были родственниками премьер-министра Великобритании Роберта Уолпола. Она родила одиннадцать детей, из которых выжили восемь, и умерла в возрасте сорока двух лет.

Юный Горацио Нельсон начал обучаться в респектабельной Королевской школе грамматики в Норвиче — древнем городе с величественным кафедральным собором, могучим замком, построенным в одиннадцатом веке, обширной рыночной площадью и уютными улочками. Здесь он проявил способности в письменном английском, а затем учился в школе сэра Уильяма Пастона в Северном Уолпэме.

Прочитав в *Norfolk Chronicle* заметку о том, что его дядя Морис Саклинг назначен капитаном корабля, Горацио попросил принять его на морскую службу и в двенадцать лет стал корабельным гардемаринном. То было время войны с Ис-

паний и спора за Фолклендские острова, расположенные в Южной Атлантике. Когда кризис миновал, Горацио служил под началом Саклинга на 74-пушечном сторожевом корабле «Триумф».

Юный Нельсон прошел все стадии корабельной службы. Чтобы иметь больше практики на море, он послужил на торговом судне, а в пятнадцать лет пережил первое настоящее приключение. Горацио узнал о том, что корабль «Каркас» собирается плыть к Северному полюсу в поисках легендарного северо-западного прохода в Восточную Индию, и попросил дядю позволить ему отправиться в эту экспедицию.

Капитан «Каркаса» был другом дяди, и Нельсон получил место гардемарина на корабле. Плавание продолжалось четыре месяца. Другой гардемарин в красках описал ледяную стену высотой двадцать четыре фута, угрожавшую кораблю, и моржа, к которому они привязывали судно, чтобы отбуксировать его в безопасное место.

Однако искомый проход открыть не удалось. Тем не менее Горацио был счастлив и горд — он участвовал в большом деле и даже получил под начало катер с двенадцатью людьми на борту. Он хвалился своими навигаторскими способностями, а писатели позже отметили его схватку с медведем на плавающей льдине.

По возвращении из экспедиции он поступил на корабль «Морская лошадь», который поплыл в направлении Восточной Индии. В одном из портов юноша выиграл в карты огромную сумму в триста фунтов стерлингов, но поклялся больше никогда не играть в азартные игры.

Ему понравился Цейлон, он посетил британские поселения в Калькутте, Бомбее и порт Басра в Персидском заливе. Он переболел малярией, рецидивы которой будут случаться и в дальнейшем, и был отправлен домой в шестимесячный отпуск.

Это было тяжелое время для юноши, и он подумывал даже о том, чтобы покончить жизнь самоубийством, выбросившись за борт. Горацио Нельсон внешне был хрупким и нежным, что порой вызывало у окружающих желание усыновить его. При этом в нем формировались качества будущего флотоводца.

Малярийная горячка стала причиной неожиданной перемены в его сознании. Нельсон позднее признался, что именно тогда он понял, что станет героем и «полагается на Провидение в том, что храбро перенесет любую опасность».

В 1776 году он вернулся в Англию, которая восстала против бывших североамериканских колоний, обрставших независимость. Его дальнейшей карьере способствовало назначение дяди на пост контролера военно-морских сил Великобритании. Горацио Нельсон стал лейтенантом на борту 64-пушечного «Ворчестера», направлявшегося в Кадис, а в следующем году сдал экзамены на лейтенанта. Экзаменационную комиссию, состоявшую из трех человек, возглавлял дядя.

Следом он был назначен вторым лейтенантом 32-пушечного фрегата, капитан которого по своей хорошей традиции попросил художника поработать над портретом нового члена команды. На картине изображен худощавый юноша с женственно-нежным и чувственным лицом, настороженно-острым взглядом и крупноватым носом. В его облике чувствуется решительность вместе с интеллигентностью и изяществом. Он

более походил на фатоватого дворянина, любителя искусств, чем на морского волка. В то время, как гласила морская поговорка, — корабли Его Величества были сделаны из дерева, а люди — из железа. Казалось, что наружность Горацио Нельсона была не лучшей иллюстрацией последнего утверждения.

Ошибочный вывод! Локер, капитан фрегата, научил Нельсона афоризму: «Подпусти французов поближе, и ты побьешь их». Беззаветная храбрость Нельсона так контрастировала с его хрупкой внешностью!

Он оказался на морской станции Ямайки, печально знаменитой тропическими болезнями, и во время бури взял на бордаж французский капер. Опасность возбуждала его, он наслаждался ею.

Адмирал сэр Питер Паркер, который командовал английским флотом в этой части света, был старым другом дяди Горацио Нельсона. Он принял молодого моряка на свой флагманский корабль, сделав его третьим лейтенантом, а вскоре и первым. Когда дядя умрет, адмирал Паркер станет наставником Нельсона.

Молодой лейтенант проявлял свой пыл и был материально вознагражден за это: британцы захватили три судна, и Нельсон получил свою долю. Он начал накапливать капитал.

Нельсону было двадцать лет, когда он стал капитаном корабля: ему доверили маленький двухмачтовый бриг «Баджер». Вскоре он спас команду шлюпа, который случайно загорелся.

Паркер назначил его капитаном фрегата «Хинчинбрук». Нельсон продолжал делать карьеру по протекции: Саклинг,

Локер и Паркер помогли ему стать одним из самых молодых капитанов английского флота. Он взбирался по служебной лестнице быстрее, чем Худ или Джервис, но при этом пока еще не был в настоящем бою.

В феврале 1780 года губернатор Ямайки разработал рискованный план вторжения в испанскую провинцию Никарагуа. Он направил двухтысячный отряд регулярных войск и небольшое количество добровольцев для высадки в устье реки Сан Хуан. Паркер приказал Нельсону доставить пехоту по назначению и вернуться.

Нельсон перевез отряд, но не стал возвращаться, припав командованием над пехотой. Солдаты тапили каноэ вдоль берега бурной реки, чтобы избежать ее встречных потоков. Они углубились в джунгли, полные змей и аллигаторов.

В апреле они достигли форта, расположенного недалеко от большого пресноводного озера Никарагуа. Нельсон настаивал на немедленном штурме крепости, но тяжело заболел и был эвакуирован в каноэ, вниз по течению.

После этого его назначили капитаном 44-пушечного фрегата «Янус». Между тем крепость капитулировала, но большинство солдат заболели тропическими болезнями.

Нельсон, обессиленный недугом, не мог принять командование. Он чувствовал себя несчастнейшим из людей и был доставлен для лечения в Англию, где восстанавливался несколько месяцев.

Ему исполнилось двадцать три года, когда он получил захваченный у французов 32-пушечный корабль «Альбемарль» и скучное задание эскортировать конвой в Балтийском, Север-

ном морях и в Атлантическом океане. Однажды его преследовали пять французских линейных кораблей и один фрегат, но в тумане он ушел от них.

В Квебеке он влюбился в шестнадцатилетнюю дочь начальника восной полиции. Когда ему приказали отправиться в Нью-Йорк, Нельсон думал о том, чтобы нарушить дисциплину и остаться с девушкой.

В Нью-Йорке он втерся в доверие адмиралу Худу, еще одному старому другу дяди, и просил сделать его капитаном линейного корабля. Худ не пошел ему навстречу, но Нельсон не унывал и завязал новое знакомство, которое казалось многообещающим.

Принц Уильям, младший сын короля Великобритании, служил гардемарином на флагманском корабле адмирала Худа. Позднее он нарисовал такой портрет 24-летнего Нельсона:

«Этот капитан был совершенным мальчишкой, я никогда не видел ничего подобного; его одежда тоже заслуживала внимания. Он имел полностью зашнурованную униформу: гладкие непагудренные волосы были завязаны в тугую гессенскую косичку необычайной длины; старомодные полы его жилета привлекали дополнительное внимание к его фигуре... Мои сомнения, однако, исчезли, когда лорд Худ представил меня ему. Было что-то непреодолимо привлекательное в его форме обращения и его разговоре; энтузиазм, с которым он говорил на профессиональные темы, показывал, что он необычное существо... Я нашел, что он тепло привязан к моему отцу».

Нельсон продолжал искать возможности проявить себя в бою. Узнав о том, что один из островов в Западной Индии за-

хвачен французами, он предпринял ответную диверсию. Нельсон собрал четыре малых корабля, бомбардировал город и высадил на берег сто семьдесят моряков. Славы он не снискал и вынужден был ретироваться. Восемь человек были ранены.

Нельсон вернулся в Англию и совершил поездку во Францию, с которой был подписан мирный договор. Он жил у знакомых в Сент-Омере и короткое время изучал французский язык.

У себя на родине молодой моряк существенно расширил контакты с сильными мира сего: адмирал Худ представил его королю Великобритании. Он посетил принца Уильяма в Виндзорском дворце и адмирала Паркера в его сельской резиденции.

Нельсон окупился в политику и с энтузиазмом поддерживал Уильяма Питта Младшего, ставшего премьер-министром. Он рассматривал возможность баллотироваться в парламент.

Что представляла собой политическая система Англии того времени? Революция середины XVII века и серия политических потрясений привели к установлению режима ограниченной, конституционной монархии. Билль о правах 1689 года лишил короля Англии права отменять изданные парламентом законы или приостанавливать их действие, вводить налоги и собирать армию в мирное время без согласия парламента. Тем самым было утверждено верховенство парламента над королевской властью, что получило дальнейшее развитие в принятом в 1701 году «Акте о престолонаследии и статуте об устройстве королевства». Власть короля была подвергнута новым ограничениям, и при этом усилена власть парламента и министров:

отныне принятый парламентом законопроект (билль) вступал в силу лишь после его подписания не только королем, но и министром, внесшим данный билль на рассмотрение парламента; король утратил право назначать и смещать судей, а также право помилования политических преступников, привлеченных к суду палатой общин. Вводилась ответственность министров перед парламентом. В 1716 году срок полномочий парламента был законодательно увеличен с трех до семи лет. Король перестал участвовать в заседаниях кабинета министров со времен Роберта Уолпола (главы правительства в 1721—1742 годах).

Разделение властей, многопартийная система и влиятельная пресса создавали конкурентную среду. Мог ли Нельсон добиться успехов в политике? Он все же предпочел остаться моряком.

Худ назначил его капитаном 28-пушечного фрегата «Борсас». Нельсон прибыл на Барбадос летом 1784 года и следом прославился террором против местных торговых судов, капитаны которых нарушали устаревшие навигационные акты. Он испортил отношения с местными английскими властями, но получил поддержку в Лондоне благодаря заступничеству принца Уильяма. После этих событий имя Нельсона стало известным во флоте и в стране.

Здесь, на острове Невис в группе Навстренных островов Карибского моря, он встретил свою любовь. Женщину, дочь видного местного судьи, звали Фанни Нисбет. Она была вдовой и имела пятилетнего сына по имени Джошиа.

Брюнетка Фанни, маленькая и нервная, имела репутацию застенчивой и немногословной женщины. Летом 1785 года

Нельсон просто сошел от нее с ума и объявил, что жить с ней в коттедже — все равно что жить с кем-то другим во дворце.

Он писал ей страстные письма:

«Поскольку вы начинаете узнавать кое-что о моряках, часто ли вы слышали, что соленая вода и разлука всегда вымывают любовь? Сейчас я стал таким сретиком, что не верю в это: каждое утро с момента моего прибытия я выливаю на голову шесть ведер воды, но, вместо того чтобы найти указанную правду моряка, я ощущаю противоположный эффект».

Нельсон обратился к Джону Херберту, дяде невесты, и попросил руки Фанни. Херберт был состоятельным человеком и президентом совета острова. Он колебался: с одной стороны, Нельсон был известным и многообещающим офицером, но отличался странностями и настроил против себя местную элиту. Кроме того, он был беден и мог иметь виды на состояние Херберта.

В это время 21-летний принц Уильям был назначен капитаном фрегата «Пегас», и Нельсон доставил его к месту службы. Скоро принц испортил отношения со своими офицерами из-за Нельсона, которого называл своим лучшим другом. Они вместе посещали многочисленные обеды, балы и вечера.

Наконец, дядя согласился выдать племянницу за Нельсона. Свадьба состоялась 11 марта 1787 года в Монпелье, резиденции Херберта, и принц был главным гостем. Двести приглашенных гостей приняли участие в роскошном банкете и танцевали на балу.

Нельсон порой страдал от приступов болезни, которые приводили его в бешенство. Он срывал гнев на подчиненных.

Однажды Нельсон назначил по двадцать ударов плетьюми трем морякам. Они провинились лишь тем, что говорили «языком мятежников».

Следом он приговорил одного человека к смерти за дезертирство — правда, приговор не был исполнен. Вернувшись в Англию, он приказал выпороть еще четырнадцать человек.

Когда он произвел окончательный денежный расчет со своими моряками, наказанным был 61 человек из 142 членов команды фрегата. Хотя телесные наказания в то время широко применялись в английской армии и во флоте, пропорция все же была устрашающей.

Нельсон представил жену своему отцу, который отлично поладил со скромной и очаровательной Фанни. Джошиа, с семилетний сын, пошел в школу в Норфолке.

Дружба с принцем крови только повредила дальнейшей карьере Нельсона. Сын короля вместе со своими братьями, принцем Уэльским и герцогом Йоркским, был в оппозиции правящему кабинету Уильяма Питта Младшего, что вызывало гнев монарха. В Адмиралтействе принца Уильяма также не любили.

Критики Нельсона говорили, что он сделал карьеру по протекции, на войне ничем себя не проявил, но при этом участвовал в скандальных делах. Его жестокость к подчиненным также не осталась незамеченной.

Нельсон докучал Адмиралтейство просьбами дать ему новое назначение («хотя бы командование судовой шлюпкой», — писал он с сарказмом), но петиции оставались без ответа. Ободренный моряк помышлял о том, чтобы пойти служить русско-

му царю. Он получал половинное жалованье и оставался не у дел целых пять с половиной лет.

Наконец он дождался своего часа. Война с революционной Францией была неизбежной, и в начале 1793 года Нельсон при поддержке Худа стал капитаном 64-пушечного линейного корабля «Агамемнон». Новый капитан полюбил свое судно: по многим свидетельствам, «Агамемнон» навсегда остался главным фаворитом Нельсона.

Он получил четыре тысячи фунтов в наследство от дяди, а его приемный сын Джоппиа стал гардсмарином на «Агамемноне». 34-летний Нельсон простился с Фанни, взял курс на Кадис, а затем повел корабль во французский порт Тулон.

Жители города Тулона восстали против революционных властей, проводивших политику террора. Худ, командир Нельсона, предложил защиту населению города, и жители Тулона призвали англичан. Союзниками британцев были испанцы и неаполитанцы.

Нельсон получил задание плыть в Неаполь и просить подкреплений. Там он познакомился с королем Фердинандом IV и его супругой Марией-Каролиной, дочерью австрийской императрицы Марии-Терезии и старшей сестрой французской королевы. Нельсон успешно выполнил задание и достиг нужных договоренностей: транспортные суда принимали на борт неаполитанских солдат. Английский капитан был приглашен королем на обед.

Послом Великобритании в Неаполе долгое время служил Уильям Хэмилтон, видный археолог и коллекционер. Он за-

нимался раскопками Древней Помпеи и отправлял находки в Британский музей.

С 1791 года он был женат на красавице Эмме, бывшей любовнице ряда известных людей, в том числе баронета Чарльза Гревилля, племянника сэра Уильяма. Супруга посла прекрасно танцевала, говорила по-итальянски и по-французски и стала лучшей подругой королевы Неаполя.

Нельсон написал Фанни: «Она молодая женщина любезных манер, которая делает честь тому общественному положению, до которого она поднялась». Он был очарован Эммой.

Нельсон вернулся в Тулон, а следом был направлен на Корсику. Здесь он должен был создать военно-морскую базу Великобритании.

Вскоре капитан «Агамемнона» с огорчением узнал о том, что Тулон отбит республиканцами у англичан: Наполеон Бонапарт оставил свой первый след в человеческой истории.

Ситуация на Корсике чем-то напоминала тулонские дела: местный вождь генерал Паоли стал неугоден парижским властям и нашел поддержку у англичан. К концу мая 1794 года Нельсон захватил Бастию, а затем атаковал Кальви. Наземные операции были обычным делом для британского флота, имевшего пехоту и артиллерию.

В ходе штурма он был дважды ранен и потерял правый глаз в результате попадания осколков. Этим глазом он теперь мог различать только свет и тьму.

В августе Худ и Нельсон добились капитуляции Кальви. Последний стал настоящим героем, заставив замолчать критиков. Он поехал в Геную и Лигхорн и завел любовницу.

«Агамемнон» Нельсона были одним из четырнадцати боевых кораблей британского Средиземноморского флота. В марте 1795 года он преследовал французские корабли — двухпалубный *Са Ира* и пятнадцать малых судов в районе Генуи.

Английский фрегат «Инконстант» поджег *Са Ира*. Нельсон вступил в бой и одержал полную победу: французы потеряли 350 моряков убитыми и ранеными, англичане — тринадцать человек.

Новым командиром Средиземноморского флота стал адмирал сэр Джон Джервис. Он доверил Нельсону 74-пушечный «Капитан» и отдельный морской отряд.

Наступило время больших побед. В феврале 1797 года англичане торжествовали при Сент-Винсенте: в бою у этого мыса они разгромили и рассеяли испанский флот. Джервис стал графом Сент-Винсентом, а Нельсон, взявший на абордаж два корабля и сыгравший решающую роль в сражении, — контр-адмиралом и кавалером ордена Бани.

Свободная английская пресса, влияние которой неуклонно росло, получила достойный объект внимания. Общество нуждалось в герое, который совершает подвиги во славу родины. 62-летний Сент-Винсент не годился на эту роль. Нельсон, который еще не достиг сорокалетнего рубежа, становился главным героем эпохи.

Однако после Кальви, Генуи и большой победы у Сент-Винсента он ввязался в необязательное дело, стоившее ему правой руки.

Продолжалась блокада Кадиса, в ходе которой Нельсон рьяно поддерживал жестокие меры, принимавшиеся графом Сент-

Винсентом против бунтовщиков на флоте. Вдруг он узнал о том, что на остров Тенерифе должны прибыть суда из Латинской Америки, на бортах которых находятся слитки драгоценных металлов на сумму примерно шесть миллионов фунтов стерлингов. Нельсон предложил захватить остров. Как Наполеон, он не знал слова «невозможно».

Остров находился под защитой укрепленных фортов, а кораблям было очень сложно пристать к высоким скалистым берегам. Ночью 21 июля 1797 года тысяча британских моряков предприняли попытку атаковать город Санта-Круз — столицу Тенерифе. Ими командовал Томас Тробридж, друг Нельсона.

До берега оставалась целая миля, когда начался шторм. Утренняя заря осветила корабли англичан, и им пришлось отступить.

На следующий день высадка на берег все же удалась. Моряки карабкались на холм, расположенный напротив цитадели, но защитники отбили их натиск.

24 июля контр-адмирал и кавалер ордена Бани сам повел людей в атаку, рискуя жизнью. Позднее он написал: «Честь нашей страны требовала атаковать, и я должен был возглавить дело. Я никак не ожидал, что вернусь, и благодарен, что это случилось».

С самого начала дело казалось безнадежным: численность защитников острова достигала восьми тысяч человек, Нельсон имел шестьсот моряков. Шлюпки англичан в темноте не смогли обнаружить пирс, а затем большинство из них было разбито бурными волнами.

Две шлюпки, в одной из которых был Нельсон, нашли пирс, но нападавшие тут же поняли, что он расположен как раз напротив цитадели. Защитники открыли беглый огонь.

Едва Нельсон ступил на берег, как ему разорвало руку крупной картечью. Джошиа смастерил турникет и усадил отца в шлюпку. Раненый был доставлен на борт «Тезея», где ему ампутировали правую руку.

Экспедиция провалилась. Англичане некоторое время обстреливали город, но вскоре местный губернатор предложил эвакуировать остаток штурмового отряда и помог обеспечить корабли всем необходимым.

Нельсон стойчески переносил неудачу авантюры. Он боялся, что его карьера закончена: кому нужен одноглазый моряк с левой рукой?

Однако Сент-Винсент ценил его заслуги. Он ответил сухо-вато, но по-доброму: «Смертные невластны над удачей. Вы с вашей командой вполне ее заслужили».

За героизм, проявленный в деле, приемный сын Нельсона был повышен до штурмана и старшего помощника командира корабля.

После четырех лет, проведенных на войне, адмирал вернулся домой. Жена и отец увидели человека, малопохожего на прежнего Нельсона: его волосы побелели, глаз был слеп, а правый рукав приколот к мундиру. Лицо более не казалось нежным, скулы выступали, единственный зрячий глаз выражал суровость и нетерпение, складка губ выдавала жестокость, а нос будто стал еще крупнее.

Соотечественники не судили его строго за провал экспедиции на Тенерифе. Наоборот, бесстрашие адмирала под огнем вражеских батарей увеличило его славу. Он уже стал великим национальным героем, от которого Англия ждала новых побед.

Несколько месяцев спустя Нельсон снова вышел в море. Когда он получил подкрепления и приказ Сент-Винсента уничтожить французский флот, он не знал, где находится враг. У него не было данных разведки, которые указали бы ему направление движения неприятельских кораблей.

Французский флот был отягощен грузами и имел массу тихоходных судов, Нельсон мог быстро перемещаться по всему бассейну Средиземноморья. Но это море имеет протяженность более двух тысяч миль в длину и пятьсот миль в ширину. Оно вмещает массу островов и островков, а корабли могут прятаться в заливах и бухтах.

Восьмого июня 1798 года флот Нельсона отошел от Тулона и устремился в погоню за французской армадой. Флотоводец старался угадать наиболее вероятный маршрут движения вражеских судов. Он взял курс на восток, а затем направился к югу вдоль берегов Италии.

Через неделю Нельсон написал лорду Спенсеру:

«Последние сведения, которые я имел о французском флоте, были получены от тунисского крейсера, который видел их 4-го, в стороне от Трапани, в Сицилии, они направлялись на восток. Если они проплыли Сицилию, то я буду думать, что они собираются овладеть Александрией и направить войска в Ин-

дию, — план, согласованный с Типпу Сахибом¹ [sic], вовсе не такой сложный, как может показаться на первый взгляд».

Моряк Нельсон мыслил практически Наполеона, который планировал вести свои войска по пустынным и враждебным территориям, преодолевая огромные расстояния. Нельсон полагал, что Бонапарт уже отправил корабли вокруг Африки: этот флот прибудет в Суэц, погрузит армию на суда и доставит ее в Индию.

17 июня эскадра Нельсона достигла Неаполя, и адмирал направил послания своему другу Уильяму Хэмилтону и его жене Эмме. В ответ он получил информацию о перемещениях французского флота: 8 июня вражеские корабли приближались к Мальте с вероятной целью ее захвата.

Нельсон отправился вдоль берегов Италии и прошел через залив Мессины, тщательно обдумывая тактику предстоявшего боя. Он решил разделить эскадру на три части: две из них предпримут комбинированную атаку линейных кораблей, а третья часть флота должна разрушить и потопить как можно большее число транспортных судов.

Нельсон просчитывал варианты: если после захвата Мальты французы повернут на север, то, вероятно, они намерены захватить Сицилию; если они поплывут на восток, то это наверняка скажет об их намерении достичь Александрии.

22 июня его корабли проплывали мимо мыса Пассаро, на юго-восточной оконечности Сицилии. Здесь он получил долгожданные новости. Капитан генуэзского торгового судна сооб-

¹ *Типпу Сахиб* — правитель южноиндийского княжества Майсур; вел упорную борьбу за независимость с английскими колонизаторами.

ицил ему о том, что французы захватили Мальту и покинули ее шестнадцатого июня, взяв курс на восток.

Для Нельсона все прояснилось: Наполеон направляется в Александрию. Нужно догнать французский флот и уничтожить его.

Итак, 16 июня Наполеон покинул Мальту. Но ведь это неправда! Мы знаем, что это произошло 19 июня. Неточная информация генуэзцев побудила Нельсона сделать неверные выводы.

Он посчитал, что французы выиграли у него примерно шесть дней, и на всех парусах устремился по прямому пути на Александрию. В ночь с 22 на 23 июня над морем сгустился туман, и англичане вдруг увидели вдали неясные очертания трех фрегатов.

Нельсон пустил на разведку бриг «Мютин». Через некоторое время корабль вернулся, и капитан доложил, что это французские суда.

По расчетам адмирала, вражеская армада удалилась от него на несколько сотен миль в юго-восточном направлении. Его целью был весь французский флот, а не три фрегата. Нельсон решил, что не будет распылять силы и терять время ради погони за кораблями, которые, видимо, отстали от армады.

Он совершил удивительную ошибку! Три фрегата были арьергардом французской армады, которая покинула Мальту тремя днями ранее и теперь медленно двигалась в северо-восточном направлении.

Таким образом, в ночь с 22 на 23 июня флоты Англии и Франции, первый — компактный, а второй — громоздкий, прошли в

нескольких милях друг от друга. Их маршруты пересеклись, и теперь они пойдут почти параллельными путями: французские суда — в направлении Крита, а эскадра Нельсона — к Александрии.

Участники Египетской экспедиции генерала Бонапарта слышали глухие звуки выстрелов английских корабельных орудий. Капитаны британских судов действовали по правилу: стрелять через равные промежутки времени, чтобы в условиях темноты и плохой видимости не потерять друг друга и держать нужную дистанцию.

Через шесть дней Нельсон достиг Александрии. Он и его подчиненные внимательно осматривали береговую линию и не видели признаков того, что французы были в Африке или в данный момент находятся там.

Нельсон направил к берегу бриг «Мютин». В городской гавани стояли несколько торговых судов и старый турецкий военный корабль.

Капитан Харди сошел на берег, вызвав любопытство местных жителей. Он нашел александрийского шерифа Мухаммеда Эль-Кораима и спросил его о французах.

Шериф ответил, что не видел французов. Он отказал капитану Харди в его просьбе разрешить командам судов сойти на берег и пополнить запасы воды и провианта.

Выслушав доклад Харди, Нельсон был крайне разочарован. «Всегдашней причиной моего несведения о положении французского флота является недостаток фрегатов», — написал он Сент-Винсенту.

Где теперь искать французов? Может быть, они вдруг повернули к северу для захвата Сицилии? Но самым страшным было другое предположение, доводившее Нельсона до состояния нервного срыва: а что если вражеский флот развернулся на сто восемьдесят градусов и двинулся в направлении Гибралтара для соединения с атлантическим флотом, чтобы затем произвести высадку в Англии или Ирландии?

В последнем случае выходило, что он, адмирал Нельсон, оставил Англию без защиты. Так или иначе ясно было одно: он жестоко ошибся. Он неправильно определил планы врага. И он не имеет ни малейшего представления о том, где французы.

Новость о безрезультатной морской погоне достигла Лондона, вызвав волну возмущения. Будущий министр Джордж Роуз назвал неудачу Нельсона «исключительным примером подобного рода в военно-морской истории всего мира».

Одна из газет написала:

«Это примечательный случай, когда флот, состоящий из почти четырехсот судов, которым требуется столь много лиг пространства, оказался способным так долго избегать нашего флота».

Morning Chronicle искала замену Нельсону, считая, что пора найти более опытного командира, — например, самого Сент-Винсента.

С этим вполне соглашались обозреватели газеты Herald:

«Возможно, что было бы неплохо предоставить отвагу адмирала Нельсона счастливой судьбе других, пока не настанет его черед».

Нельсон провел вблизи Александрии двадцать четыре часа и утром 29 июня уплыл в северном направлении. Последним африканские воды покинул бриг «Мютин».

Через два часа после этого капитан фрегата «Юнона», посланного французами на разведку, увидел египетский берег.

МАЛЬЧИК НА ГОРЯЩЕЙ ПАЛУБЕ

Спустя месяц после высадки французов у Александрии адмирал Брюэйс писал Наполеону о том, что его эскадра скоро встанет на якорь в старом порту и будет в полной безопасности.

Денеша успокоила главнокомандующего, который неделей раньше вошел с армией в Каир. Брюэйс, вспоминает Наполеон, «велел обследовать батареи, защищающие старый порт» и считал «достойными самых высоких похвал офицеров артиллерии и инженерных войск, ибо все пункты идеально прикрыты...»

А десятью днями ранее, 20 июля, командующий французским флотом передавал вести о Нельсоне, эскадру которого видели экипажи греческих судов, пришедших в Александрию. Брюэйс писал: английская эскадра, как видно, крейсирует между Корфу и Сицилией; уступая в силе французской эскадре, она не решается к ней приблизиться.

Высадив сухопутную армию на африканский берег и разгрузив суда, Брюэйс имел несколько вариантов дальнейших действий. Он мог уйти на Корфу или в Тулон, что не требовало специальных приготовлений. Наполеон приказывал вести эскадру в старый порт Александрии: для этого необходимо

было обследовать фарватер среди подводных рифов, преграждавших доступ в старый порт.

Пока вслись замеры и обследования, Брюэйс держал суда в бухте Абукир. Он расположил на близлежащем острове 550 пехотинцев с двумя полевыми орудиями и считал, что его флот занимает неприступную позицию.

Выбирая между Александрией и бухтой Абукир, Брюэйс предпочел Абукир. Порт Александрии труден для навигации и может быть блокирован неприятелем. Бухта Абукир удобна для того, чтобы поставить суда на якорь, и имеет больше пространства для маневра.

Наполсон, узнав о действиях Брюэйса, был чрезвычайно ими недоволен и раздосадован. Он тут же направил своего адъютанта капитана Жюльсна с приказанием явиться на борт флагманского корабля «Ориент» и не покидать его до тех пор, пока посыльный не увидит всю эскадру на якоре в старом порту.

Бонапарт, по его словам, написал адмиралу, выражая крайнюю тревогу:

«За 20 дней у того [Брюэйса] было время установить, может ли его эскадра войти в старый порт или не может; почему же тогда он не вошел туда? Или же почему он, в соответствии с данным ему приказом, не отплыл на Корфу или в Тулон? Он [Наполсон] повторяет свой приказ не оставаться на этой плохой позиции и немедленно поднять якоря; Абукир — открытый рейд, поскольку правое крыло [французской эскадры] не прикрывается там сушей; его [Брюэйса] аргументация была бы убедительной, если бы ему угрожало нападение эскадры

равной с ним силы; но маневры английского адмирала за последний месяц достаточно ясно показывают, что он ожидает подкреплений из-под Кадиса и что, как только подкрепление присоединится к нему, он появится... с 18, 20 или 25 линейными кораблями; нужно избегать всякого боя на море и возлагать надежды только на старый порт Александрии».

У Аль-Кама на капитана Жюльена попал отряд арабов. Судно, на котором он находился, было ограблено, а сам мужественный офицер зарезан, зажимая свои денежки.

Брюэйс имел целых три недели для того, чтобы подготовиться к возможному нападению врага. Он планировал связать корабли канатами и держать их как можно ближе к берегу, чтобы неприятельские суда не могли проскользнуть между французской линией и сушей. Дополнительной защитой для флота являлась батарея мортир, установленная на острове.

1 августа в два с половиной часа пополудни адмирал Брюэйс, эскадра которого была расположена в Абукире, вблизи Александрии, обедал вместе со своими офицерами. Вдруг ему доложили о том, что на горизонте появились корабли.

Неужели это Нельсон? Как нестати, ведь план защиты до конца не выполнен! Французы не успели связать суда канатами и растянули свою линию более чем на милю, вместо того чтобы встать более компактно.

Брюэйс посмотрел в телескоп. Всякие сомнения исчезли — это были англичане.

Покинув Александрию 29 июня, Нельсон предполагал, что французская армада направляется в Турцию. Он был в состоя-

нии нервного истощения. В числе прочего он говорил своим офицерам о том, что, возможно, они просто опередили Наполеона. Однако затем эта верная догадка забылась, и английский флотоводец продолжал думать о том, что целью врага были вовсе не Египет.

Прошло пять дней плавания, и Нельсон вновь поменял решение. Находясь недалеко от Кипра, он взял общее направление на запад.

Когда англичане плыли на всех парусах к Александрии, их настроение было возбужденно-приподнятым. Теперь оно изменилось унынием и отчаянием.

В офицерской столовой флагманского корабля «Вэнгард» спиртное полилось рекой. Согласно судовым записям, за первую неделю июля потребление алкогольных напитков достигло своего пика: Нельсон и десяток его приближенных употребили двенадцать бутылок портвейна, девять бутылок хереса, шесть бутылок красного вина и двадцать бутылок портера (не считая того, что большинство офицеров имели собственный запас спиртного).

Оставив позади Кипр, английская эскадра прошла мимо Крита. Казалось, что удача полностью отвернулась от Нельсона. Пустой горизонт, ни одного встречного корабля! И никаких данных о том, куда делся колоссальный вражеский флот.

Нельсон был сбит с толку и часто совещался с офицерами. Они вели бесплодные дискуссии, вновь и вновь повторяя набившие оскомину версии: Сицилия? Англия, Ирландия? А может быть, Бразилия?

Он был на грани жизни и смерти. Позднее он признался Тробриджу:

«Мое возвращение в Сиракузы в 1798 году разбило мое сердце... я был близок к смерти от воспаления сердечных сосудов».

Нельсон написал Фанни:

«Я не смог найти французский флот, к моему великому огорчению... Я все еще живу надеждами встретить этих парней... [Бонапарт] командует флотом так же хорошо, как армией... Мы проплыли около 600 лиг, это невиданная экспедиция, но я, как и двадцать семь дней назад, не знаю, где находится враг».

Он прибыл в Сиракузы 20 июля. Местные жители сбегались поглазеть на британский флот.

Нельсон узнал, что Наполсон не был на Сицилии. Он убедился и в том, что французы не плавали в направлении Гибралтара. Они были где-то в Средиземном море.

Англичане провели в Сиракузах четыре дня, пополнив запасы провианта. Небольшой отпуск и свежая провизия — овощи, лимоны, говяжья вырезка, а также 100-галлонные бочонки воды из легендарного фонтана Аретузы — улучшили настроение моряков.

Вечером 23 июля подул свежий бриз. Он наполнил паруса британских судов, и эскадра вновь направилась на восток.

Нельсон по-прежнему не знал, куда плыть. Он написал Сент-Винсенту, все еще находившемуся в Кадиссе:

«Я намерен войти в устье Архипелага [острова Эгейского моря], и если враги направились к Константинополю, то мы услышим о них непосредственно; если я ничего не узнаю, то мы направимся к Кипру, и если они в Сирии или Египте, то я должен услышать о них».

Через пять дней Нельсон был у Корони, что на юго-западной оконечности полуострова Пелопоннес. Он направил к берегу капитана Тробриджа на «Каллодене» с тем, чтобы узнать последние новости.

Тробридж выяснил, что местный турецкий губернатор получил из Константинополя сведения о вторжении французов в Египет. Эта новость тут же нашла зримое подтверждение: англичане захватили французский бриг, который вез вино для армии Наполеона.

Теперь Нельсон знал истинное положение вещей. Но какие выводы он должен был сделать, исходя из этого? Французы благополучно достигли берегов Африки, и теперь их флот стоит на якоре в порту вне досягаемости неприятеля.

Что можно предпринять по прибытии на место? Разве что организовать блокаду, причем блокаду временную, поскольку запасы продовольствия и пресной воды неизбежно закончатся.

Нет, не этого ждали в Адмиралтействе. Не этого ждала Англия от своего великого героя.

Нельсон понимал, что Египет не является конечной целью Наполеона. Возможно, его армия уже движется в направлении Индии. И он, адмирал Нельсон, может стать главным виновником того, что империя потеряет «жемчужину своей короны».

Он исполнит свой долг перед родиной! Он будет драться, как при Кальви и Сент-Винсенте, и уничтожит французов, нарушителей европейского спокойствия! Он чувствовал себя инструментом Господа Бога, призванным покарать Французскую революцию.

Утром 1 августа 1798 года два боевых корабля, посланных Нельсоном впереди эскадры, шедшей на всех парусах, появились перед Александрией. Дул сильный северо-западный ветер.

Капитаны английских судов прильнули к телескопам и увидели французские флаги, развсавшиеся на крепостных башнях. В порту Александрии стояли суда разных типов, в том числе два боевых корабля и несколько фрегатов. Но где весь военный флот? Его не было видно. Капитаны передали Нельсону результаты наблюдения.

Адмирал тут же отрядил два других линейных корабля вдоль берега, в восточном направлении. Они проплыли восемь миль, и в два часа тридцать минут пополудни наблюдатель на мачте корабля «Зелос» разглядел лес мачт. Он виднелся за длинной песчаной отмелью, служащей защитой бухты Абукир. Французские боевые корабли стояли на якоре.

В два сорок пять капитан Худ сигнализировал флагами с борта «Зелоса»: «Шестнадцать линейных судов на якоре...» Это вызвало взрыв восторга английских моряков, словно волна прокатилась по линии кораблей Его Величества.

Информация оказалась неточной: французы имели тринадцать линейных кораблей против четырнадцати у Нельсона. Республиканский флот имел также четыре фрегата, четыре брига и несколько канонерских лодок, англичане — один бриг.

Бухта Абукир, изрядно заиленная, имеет форму полумесяца и лежит в устье Нила. Коса выдается в море, на кончике косы стоит форт. Рядом с острием косы расположен маленький скалистый остров, а вдоль нее — мелководье.

Линия французских кораблей начиналась чуть южнее островка и далее вытягивалась в юго-восточном направлении, уходя в Средиземное море. Жерла корабельных орудий тоже смотрели в море: Брюэйс занял классическую оборонительную позицию. В сторону суши многие французские орудия стрелять не могли, поскольку батареи, находившиеся на левой стороне ряда кораблей, были загромождены ящиками и другим хламом.

Когда англичане появились, часть французских экипажей и шлюпок была в Александрии, Розетте или на берегу — на абукирском пляже. Моряки копали колодцы, чтобы добыть свежей воды. Солдаты охраняли их от бедуинов, которые прятались за дюнами и при малейшей возможности нападали на французов.

«Ориент» стоял в середине французской линии. Брюэйс провел совещание с подчиненными: принимать ли бой с опущенными якорями или все же выйти в море? Французы имели 11 200 моряков против 7400 англичан, но большинство из них пока не нюхали пороха. Если выйти в море, то надо одновременно управлять судами и сражаться, что сложно для неопытных бойцов. Кроме того, французские корабли имели запас провизии лишь на одни сутки, что делало невозможным длительное плавание по Средиземноморью. И, наконец, последним аргументом против выхода в открытые воды было плохое состояние трех боевых кораблей. Высокое командование решило принять бой с опущенными якорями.

Брюэйс объявил боевую тревогу, приказал шлюпкам, находившимся в Александрии, Розетте и на берегу, вернуться на

свои корабли, а экипажам транспортных судов, находившихся в Александрии, явиться по суше на линейные корабли для усиления их экипажей.

Французские корабли подняли флаги на мачтах, в знак объявления тревоги. Моряки потянулись в направлении шлюпок. Они не спешили, поскольку не видели на море никакой опасности: английские суда находились вне их поля зрения. Несколько сотен человек, посланных на шлюпках в Александрию и Розетту за оспасткой, а также рисом, бобами и овощами, не успели вернуться на суда.

За прошедший месяц французские моряки списали дурную славу. «Все донесения из Александрии, — вспоминает Наполеон, — содержали жалобы на эскадру; в ней не было дисциплины, матросов отпускали на берег и на шпях, порты Александрии и Розетты были загромождены корабельными шлюпками; на судах прекратились учения, никогда не объявлялась тревога; в море не был выслан легкий отряд или даже хоть один фрегат; каждый день на горизонте появлялись подозрительные суда, причем за ними не посылалось погони; служба была поставлена таким образом, что каждую минуту эскадру могли захватить врасплох».

Генерал Клебер, губернатор города и провинции, был страшно возмущен поведением моряков. После ряда их стычек с аборигенами Клебер запретил пускать матросов на берег, но те не считали себя связанными приказами сухопутного генерала.

На кораблях французского флота не хватало людей, и во время подготовки к экспедиции вербовщики призывали портовых рыбаков, бродяг и даже бывших арестантов. При этом экипажи

остались неукomплектованными: на некоторых судах не хватало трети людей от положенной по штату численности.

Французские моряки, в большинстве своем юноши моложе восемнадцати лет, отличались мужеством и любовью к родине. Оказавшись за тысячи километров от дома, они готовы были принять вызов любого врага. Они знали о том, что армия генерала Бонапарта одержала несколько громких побед в Египте, и страстно желали быть достойными славы французских воинов.

Между тем Брюэйс продолжал наблюдать за тем, как английские суда неумолимо приближались. В тропиках рано темнеет, и к четырем часам дня тени, оставляемые предметами, начали удлинняться.

Британские суда двигались к востоку, вдоль береговой линии, не придерживаясь специального порядка. Они растянулись на несколько миль.

Брюэйс полагал, что англичане бросят якоря, чтобы отдохнуть перед сражением, а затем начнут его рано утром. И опытный 45-летний морской командир отказывался верить своим глазам: британские суда шли в сторону мелководья и будто собирались немедленно атаковать — в условиях сгуставшихся сумерек и темноты, когда свои суда можно принять за вражеские!

Нельсон вышел из состояния депрессии, и у него были резоны начать бой без промедления. Во-первых, северо-западный ветер должен был помочь ему войти в бухту Абукир. Если же он отложит начало битвы, то ветер может перемениться. Во-вторых, он не хотел давать французам времени на подготовку к бою. И менее всего он хотел, чтобы они снова ушли от него.

Позднее он вспоминал:

«Когда я увидел их [французские корабли], я не мог на них насмотреться, вновь и вновь выглядывая из окна (хотя меня мучила чертова головная боль). Изучая их позицию, я слышал разговор двух моряков, сидевших на пупке вблизи от меня: “Черт их побери, — говорил один другому, — посмотри на них. Они здесь, Джек, и если мы не побьем их, то они побьют нас”. Я был уверен в своих силах и поэтому пошел в атаку, имея лишь несколько кораблей, совершенно не сомневаясь в том, что другие последуют за мной, хотя было почти темно и у них могли найтись причины, мешающие этому, однако все они в течение двух часов нашли глубокие места».

Нельсон был уверен в том, что каждый капитан знает свой маневр. В течение долгих недель погони за французами он многократно беседовал с подчиненными и требовал от них обосновать план действий в предстоявшем бою.

И этот план был таков: атаковать не всю линию вражеских кораблей, а лишь ее часть, создавая численный перевес на каждом участке боя. Самое лучшее средство для этого — зажать вражеские суда с двух сторон.

Он полностью доверял капитанам и полагался на их искусство, их храбрость и инициативу. Это те качества, которые позволили ему самому подняться до вершин успеха.

«Самые смелые действия являются самыми безопасными». «Подпусти врага поближе». Нельсон любил повторять эти максимы. Поступать так на деле — значит иметь крепкие нервы, предельную выдержку и бесстрашие в ближнем бою. Так он действовал, когда штурмовал крепость Кальви и брал суда на

абордаж при Сент-Винсенте. Его капитаны пропитались этой философией мужества и духом победы.

В три часа пополудни Нельсон дал приказ, разосланный по судам эскадры с помощью сигналов, подававшихся с флагманского корабля «Вэнгвард»: «Приготовиться к бою».

Ветер помогал движению его судов, и они перемещались со скоростью четыре узла. Спустя еще час, когда корабли огибали точку входа в бухту Абукир, он выпустил следующий приказ: «Приготовиться бросить якоря...»

Этот приказ означал, что британские суда должны встать в линию, параллельную линии французских судов, и также бросить якоря. При этом Нельсон выбрал способ крепления кораблей, который позволял им сохранять маневренность и наносить удары по наиболее уязвимым частям неприятельских судов, таким, как нос и корма¹.

Это было почти все, что он мог сказать заранее. А далее будет битва, взаимный обстрел смертоносными снарядами, и невозможно предсказать, чем он закончится.

Нельсон пригласил офицеров за обеденный стол. Он поднял бокал и провозгласил тост, обещая своим боевым товарищам, что следующим утром он будет «в палате лордов или в Вестминстерском аббатстве».

Иными словами, он либо станет лордом, либо погибнет в бою. Но, чтобы быть погребенным в Вестминстерском аббатстве, нужно стать великим англичанином, нужно одержать яркую победу.

¹ Корма — задняя оконечность судна.

Матросы на «Вэнгварде» и других кораблях готовились к бою. Эти люди, приученные к строгой дисциплине, действовали по командам своих офицеров.

Порой они бунтовали и тогда ненавидели начальников больше, чем врага. За проступки они подвергались телесным наказаниям, публичным избиениям плетью. Крики и содранная кожа этих несчастных служили суровым предостережением остальным.

В то утро, когда эскадра подошла к Александрии, три человека на борту «Беллсрофона» — корабля, которому еще суждено было сыграть важную роль в жизни Наполеона, — получили по двенадцать ударов плетью за пьянство.

Опыт матросей на флоте заставлял командиров задумываться об их причинах, и условия жизни матросов менялись. На нескольких кораблях эскадры Нельсона находились женщины, и это были вовсе не офицерские жены.

Джон Никол с корабля «Голиаф» вспоминал, что на судне было несколько женщин: «жена комендора¹... одна женщина из Лейта, другая из Эдипбурга» и т.д.

Нельсон закончил свой ранний обед, затем вернулся в каюту. У него сильно болела голова, и он очень не хотел, чтобы окружающие расценили его недомогание как нервные переживания перед битвой.

¹ *Комендор* — матрос или старшина военно-морского флота, в обязанности которого входит обслуживание артиллерийских орудий. В парусном военном флоте около каждого орудия находились кроме заряжающего и других по два комендора: первый наводил орудие и стрелял, а второй посредством клина, подсовывавшегося под казенную часть орудия, придавал пушке должный угол возвышения.

Он знал, что в морском бою никто не может чувствовать себя защищенным. Нельсон не допускал возможности поражения, но всегда помнил, что может быть ранен, искалечен или убит.

В последний час перед битвой моряки продолжали делать приготовления, чтобы чем-то занять руки и не думать о самом худшем. Как обычно, важно было «расчистить палубы для дела». Убирались все липкие предметы. На нижних палубах удалялись перегородки, скот перемещался в сторону, а то и выбрасывался за борт. Ничто не должно было мешать пушечной стрельбе.

Специальная оснастка предохраняла людей от падающих мачт, если их вдруг разрушат вражеские снаряды. На хорошо начищенные палубные доски посыпался песок с тем, чтобы голые ступни матросов не скользили в лужах крови.

На мачтах каждого корабля были повешены в линию четыре зажженных светильника: это помогало отличать английские суда от вражеских кораблей. Видя, что сумерки сгущаются, Нельсон пошел на серьезное нарушение правил британского флота. Он был «синим адмиралом», и его корабли должны были сражаться под синими флагами. Но флотоводец решил, что в темноте лучше использовать флаги с красным крестом на белом фоне, — это также поможет его людям узнавать корабли в суматохе боя.

Английские суда вошли в бухту Абукир. Барабанщики ударили в барабаны, призывая моряков закончить все дела и занять боевые позиции.

Матрос корабля, ворвавшегося в бухту одним из первых, вспоминал: «Солнце как раз садилось, когда мы входили в бухту, и оно было красным и огненным».

Нельсон поднялся на палубу «Вэнгварда». Он медленно и внимательно осмотрел линию французских кораблей своим единственным глазом.

Они по-прежнему стояли на якоре. «Вражеская линия представляла собой самое жуткое зрелище», — рассказывает свидетель.

Нельсон заметил, что первые по счету суда в неприятельской линии были плохо подготовлены к бою, хотя и находились под защитой мощных орудий трехпалубного «Ориента», стоявшего в середине линии. Но и на «Ориенте» не все было сделано по уставу: на корабле оставили палубные надстройки, сооруженные для размещения пассажиров.

В своих мемуарах Наполсон предполагает, что Брюэйс собирался выйти в море, но дожидался матросов из Александрии, которые явились только в 9 часов вечера. «Между тем вражеские силы находились на расстоянии пушечного выстрела, и, к большому удивлению обоих флотов, французский адмирал не давал сигнала открыть огонь».

Сигнальщики английского флагманского корабля разослали по всем судам приказ Нельсона: «Я намерен атаковать авангард и центр неприятеля». Через полчаса последовал приказ: «Формировать линию боя так, как удобно».

Больше не было нужды в приказах. Нельсон решил не ждать медленных кораблей, чтобы построить их в правильную ли-

нию. Он и его капитаны понимали, что нужно ввязаться в бой до наступления темноты.

Английский линейный корабль «Каллоден» буксировал недавно захваченное французское торговое судно. Он отстал на несколько миль и теперь догонял упреждающую вперед эскадру.

В 5 часов 10 минут адмирал Брюэйс приказал открыть огонь по врагу. Пушкарям требовалось время, чтобы прицелиться (для этого надо было ближе подпустить врага), но матросы на «Герье» — первом корабле французской линии — начали ружейную перестрелку с моряками на английском «Голиафе».

Мужество и дерзость Нельсона были подчеркнуты тактическим решением, которое стало результатом опыта и вдохновения. Чистая импровизация начала боя переросла в план, который зародился почти одновременно в голове Нельсона и голове капитана Фоли на «Голиафе».

Нельсон понял, что «там, где было пространство для того, чтобы французский корабль бросил якорь, будет и пространство для того, чтобы прошел английский корабль».

Это означало, что можно обойти вражескую линию, вклинившись между берегом косы и французскими кораблями. Для этого английским судам нужно прорваться между «Герье» и косой, рискуя сесть на мель. Нельсон приказал Худу, капитану «Зелоса», искать глубокие воды, годные для прохода боевых кораблей. Что же касается Фоли, то он отлично понимал общий замысел командира эскадры и действовал по собственной инициативе.

Таким образом, несколько кораблей Его Величества могут прорваться через узкий проход и бросить якоря, стоя между

вражеской линией и берегом. Несколько других кораблей вытянутся в линию, параллельную французским позициям, со стороны моря и также бросят якоря. И тогда французов, зажатых в клещи, можно расстреливать с двух сторон.

Это был вариант развития событий, который Брюэйс полностью исключал, считая свою позицию неприступной. И он не подготовился к атаке со стороны берега, считая появление англичан в этом секторе невозможным. Брюэйс не подумал даже о том, чтобы открыть отверстия для пушек, расположенных у левых бортов кораблей.

Британский флот не имел численного перевеса над врагом, и осуществить задуманное было очень сложно. Нельсон уловил на мастерство и мужество своих матросов и артиллеристов, их способность к быстрой и точной стрельбе из орудий, хотя его эскадра имела на двести пушек меньше, чем французский флот.

Он видел, как садится солнце за фортом, стоявшим на полуострове Абукир. И он с волнением и радостью наблюдал за тем, как капитан Фоли проводит свой корабль под носом у «Герье». Движению «Голиафа» помогал легкий бриз. Волны, по которым плыл корабль, разбивались о скалы косы.

Маневр был полной неожиданностью для французов. Их береговая артиллерия молчала.

Нельсон понимал, что корабль Фоли может зацепить дно. Но если все пойдет хорошо, то и другие суда смогут повторить храбрый и опасный маневр «Голиафа».

«Никто на нашем флоте не знал этой бухты, — вспоминал один из участников событий, — и не было ни одной известной

карты, за исключением плохо нарисованного плана, найденного на борту [французского] судна, захваченного 29 июня. Он был передан адмиралу [Нельсону], но на нем ничего нельзя было разобрать».

Сумерки сгущались, приближалась египетская ночь. Пока капитан Фоли, который имел французскую карту бухты Абукир, успешно обходил подводные рифы, и «Голиаф» продолжал свой маневр. Четыре боевых корабля последовали его примеру, начиная огибать французскую линию.

Моряки измеряли глубину и передавали информацию по линии кораблей. Через примерно равные промежутки времени звучали голоса лотовых, стоявших на носках судов.

Джордж Эллиот, в то время корабельный гардсмарин на «Голиафе», рассказывал:

«Когда мы приблизились к врагу на расстояние пушечного выстрела, я, стоя рядом с капитаном Фоли, услышал, как он говорит штурману о том, что тот должен обойти головной корабль вражеской линии. Я немедленно начал искать буй на якоре [французского корабля] и увидел его примерно на расстоянии обычной длины каната (примерно 200 ярдов), о чем и доложил. Они оба взглянули на буй и согласились с тем, что есть достаточное пространство для прохода между кораблем и его якорем... Затем штурман получил приказы плыть вперед и бросить якорь... Все это было точно выполнено».

Французские мортиры, стоявшие на острове, открыли огонь, но их ядра не долетали до «Голиафа».

В то же время пушки «Герсь» не могли стрелять, и «Голиаф» не был для них мишенью. Капитан «Герсь» с ужасом ожи-

дал момента, когда «Голиаф» начнет обстрел его беззащитного корабля. Наконец, рискованная игра капитана Фоли привела к ощутимому результату: в 18.30 он приказал открыть огонь из орудий, и первая партия смертоносных ядер врезалась в борт «Герсь», произведя разрушения.

Ответа не было. Но здесь удача неожиданно отвернулась от англичан: хотя якорь был брошен, это не привело к остановке судна, течение продолжало медленно нести «Голиаф» в сторону «Конксрана» — второго корабля французской линии. Корабль капитана Фоли произвел только один залп, и «Герсь», казалось, избежал дальнейшего разрушения.

Увы, ненадолго! Там, где только что был «Голиаф», появился «Зелос» и вновь обстрелял потрепанный «Герсь», команда которого смогла ответить лишь мушкетными залпами.

Начало было положено, и три английских корабля вклинились между вражеской линией и берегом, следуя за «Голиафом». Французский фрегат, бросивший якорь на мелководье, опрометчиво открыл огонь, но ответ англичан был настолько страшным и сокрушительным, что малое судно тут же пошло ко дну.

Новые удары получил «Герсь» — английский «Орион» снес все его мачты и превратил 74-пушечный корабль в груды развалин.

Только один из английских кораблей, направленных на мелководье, зацепил дно и застрял в этом положении до конца боя — то был «Каллоден» капитана Тробриджа. Однако «Каллоден» в дальнейшем сыграл полезную роль: его огни помогли двум судам, ранее посланным на обследование порта Александрии, найти бухту Абукир и присоединиться к эскадре.

Когда «Голиаф» обходил «Герсь», Нельсон повел основную часть флота вдоль французской линии судов, готовых встретить врага со стороны моря. Один за другим корабли Его Величества приближались к французским судам, свертывали паруса, бросали якоря и открывали огонь из орудий.

Кровавая битва у мыса Абукир началась. Стоя борт к борту, корабли двух противоборствующих сторон наносили сокрушительные удары по судам противника, разрушая борта и мачты, разрывая тела людей на части и нанося им тяжелые увечья. Одни находили мгновенную смерть, другие умирали после агонии и страшных мучений. Хирурги, которых называли косторезами, производили ампутации конечностей.

Два первых судна во французской линии недолго участвовали в бою, поскольку подготовились к нему хуже других: команды «Герсь» и «Конксерана» высвободили только по одной батарее.

«Вэнгвард» адмирала Нельсона атаковал «Спартиат», третий корабль французской линии. Одновременно 80-пушечный «Тезей» — один из кораблей, прорвавшихся на мелководье, — дал залп по левой стороне «Спартиата». Оказавшись меж двух огней, капитан французского судна капитулировал.

Так же поступили капитаны «Герсь», который был окончательно добит «Тезесом», и «Конксерана» — старого судна, давно предназначенного на слом и вооруженного малыми 18-фунтовыми пушками.

Вскоре стало понятно, что боевой порядок английских судов тоже имеет недостатки. «Ориент», по определению Наполеона, «один из лучших кораблей, обладавший всеми качества-

ми, каких можно было пожелать», превосходил любой из кораблей Нельсона. Напротив «Ориента» бросил якорь английский «Беллерофон». Силы были неравными — двухпалубный «Беллерофон», имевший 74 орудия (как почти все корабли Нельсона, включая «Вэнгвард»), против 120-пушечного трехпалубного «Ориента». И хотя Брюэйс и капитан Касабьянка могли использовать лишь 60 орудий из 120, нанося удары по «Беллерофону», последствия французской канонады были ужасными: треть людей команды, состоявшей из шестисот моряков, были убиты либо ранены. Мачты и канаты были снесены, палубы сильно повреждены, орудия были взорваны или сбиты с позиций.

Пупки продолжали реветь, посланные ими ядра разносили в щепки деревянные конструкции кораблей, и многие участники битвы глотали от шума. На людей, кричавших и задыхавшихся в дыму, сыпались обломки кораблей. Языки пламени и вспышки от пушечных и мушкетных выстрелов освещали пространства палуб.

На западе погас последний луч заката, и битва продолжалась в полной темноте. Ярко светила луна, но ее свет не проникал сквозь завесы дыма. Горели дерево и оснастка кораблей.

К восьми часам вечера «Беллерофон» остался без мачт: лишь три раздробленных обломка торчали над палубами. Почти все орудия замолчали, а на палубе стоял единственный офицер — молодой лейтенант Каткерт. Он приказал взрезать канаты и тем самым позволить кораблю свободно дрейфовать, удаляясь от французской линии.

«Беллерофон» был выведен из строя, «Каллоден» сел на мель — эскадра Нельсона заметно ослабела. Однако французы потеряли три судна, и общий баланс сил пока не был нарушен.

Следом англичане получили подкрепление — в бухту вошли «Александр» и «Свифтшур», вернувшиеся из Александрии. Они направились в центр французской позиции — туда, где стоял «Ориент».

Капитан «Александра» решил прорваться сквозь вражескую линию, обойти «Ориент» со стороны суши, а затем — вместе со «Свифтшуром» — расстреливать корабль Брюэйса с двух сторон.

Между тем капитан «Свифтшура» Халлоуэл принял немедленно дрейфующий, израненный «Беллерофон» за отступающий французский корабль. И немудрено — все четыре светильника, висевших на мачтах «Беллерофона», были снесены вместе с мачтами.

Поначалу капитан решил обстреливать корабль, ошибочно принятый за вражеский, но затем воздержался от этого шага, поскольку это расстроило бы план атаки «Ориента». Через несколько минут «Свифтшур» занял место «Беллерофона», и Халлоуэл приказал открыть огонь по уязвимым точкам французского флагманского корабля.

С этого момента «Ориент» отражал комбинированные атаки англичан. Его обстреливали пушки трех вражеских судов. Лишь узкие полосы воды разделяли корабли двух сторон, и противники смотрели друг другу в лицо.

Одно из ядер, пущенных англичанами, попало адмиралу Брюэису в ноги. Несгибаемый моряк отказался спуститься в лазарет, оставаясь на боевом посту.

«Ориент» загорелся. Французы считали, что возгоранию способствовали бидоны для масляной краски, оставленные художниками.

Одиннадцатилетний гардемарин Джон Ли на «Свифтшуре» все видел своими глазами. Позднее он вспоминал:

«Храбрый Брюэйс [*sic*], французский главнокомандующий, потерявший обе ноги, сидел с помощью турникета на их обрубках, в кресле, глядя в лицо врагу и давая команды на тушение пожара, когда ядро, пущенное с западной стороны «Свифтшура», положило конец доблестной жизни, разрезав его на две части».

«Он умер на своем мостике и с последним вздохом отдал боевой приказ», — говорил Наполеон. В письме, направленном вдове Брюэйса, генерал выразил глубокие соболезнования.

«Вэнгвард» также был в гуще схватки, и Нельсон оказался на волосок от смерти. Кусок металла, оторванный взрывной волной, ударил ему в голову и срезал кожу со лба. Кожа накрыла зрячий глаз, и адмирал перестал видеть. Кровь заливала лицо.

— Я убит! — воскликнул Нельсон и упал на руки капитана Берри. — Позаботьтесь о моей жене.

Его немедленно унесли вниз и отдали на попечение корабельному хирургу.

Если условия на верхних палубах были похожими на ад, то в помещениях нижних палуб был настоящий ад. Раненые и умиравшие моряки, хирурги, оказывавшие им помощь, пушкари, занятые своим смертоносным ремеслом, заполняли душное замкнутое пространство. Потолки были столь низкими, что даже люди невысокого роста не могли встать и распрямить плечи. Свет проникал снаружи только через квадратные отверстия, предназначенные для пушечных стволов, расположенных друг от друга на расстоянии примерно восьми футов. Когда орудия стреляли, то они откатывались назад и могли травмировать тех, кто потерял бдительность. Оглушающий шум, дым и постоянная угроза прямого попадания ядра были кошмаром для людей, находившихся в помещениях нижних палуб.

Самыми мощными орудиями были 36-фунтовые и 24-фунтовые (числа обозначают вес ядер, которыми они стреляют). 36-фунтовая пушка имела ствол длиной девять футов и весила около четырех тонн. Ее обслуживали пятнадцать человек, каждый из которых выполнял отдельную функцию: одни заряжали, другие поднимали, прицеливались, стреляли. Все эти действия требовали хорошей координации и выполнялись в дыму и темноте людьми, с которых пот тек в сто ручьев.

Хороший орудийный расчет производил по выстрелу каждые две минуты, пушкарям с худшей подготовкой требовалось до восьми минут, чтобы запустить ядро в сторону неприятеля.

Нельсон вел смертельную игру и навязал французам ближний бой: при стрельбе с расстояния двести футов 36-фунтовая пушка запускала ядро, которое насквозь прошивало 3-футовый

каркас вражеского корабля, сделанный из дуба. Каждый такой выстрел нес смерть, разрушения и увечья.

Джон Никол, который обслуживал одно из орудий, расположенных на нижней палубе «Голиафа», вспоминал:

«В пылу боя одно из ядер угодило прямо в магазин, но не нанесло ущерба, поскольку плотники закупирили его и остановили наплыв воды».

Женщины тоже принимали участие в битве. «Я очень обязан жене коммандора, которая постоянно давала по глотку вина своему мужу и мне, что значительно уменьшало нашу усталость», — рассказывает Никол. «Некоторые женщины были ранены, а женщина из Лейта умерла от ран».

И среди многих смертей зарождалась новая жизнь: «Одна женщина родила сына в пылу боя... Мы ни на секунду не прекращали стрельбу».

В конце французской линии стояли два корабля, представлявшие большую потенциальную опасность для британцев: 80-пушечный «Вильгельм Телль», на котором находился адмирал Вильнёв, молодой и амбициозный заместитель героически погибшего главнокомандующего, и 74-пушечный «Женерё».

Вильнёв имел все шансы для того, чтобы склонить в пользу французов ту ситуацию неустойчивого равновесия, что сложилась к девяти часам вечера. Для этого он должен был приказывать капитанам «Вильгельма Телля» и «Женерё» поднять якоря и немедленно двинуться туда, где горел «Ориент», и капитан Касабьянка вместе со своими людьми продолжал безуспешные попытки остановить распространение огня.

Он мог сражаться с англичанами их же оружием: обойти вражескую линию со стороны моря, бросить якоря и начать обстреливать корабли Нельсона, которые также оказались бы зажатыми с двух сторон.

Но Вильнёв медлил, и непонятно почему. Позднее, вспоминает Наполсон, Вильнёв заявил в свое оправдание, что ожидал сигнала адмирала, но в клубах дыма этот сигнал не удалось прочесть. «Нужен ли сигнал, чтобы прийти на помощь товарищам и принять участие в битве?» — негодовал Наполсон.

Другой возможной причиной бездействия Вильнёва был ветер, дувший в лицо французам. Ветер усложнял их задачу, но корабли все же могли начать движение.

Не только Вильнёв, но и французские капитаны не проявляли инициативы и оставались на своих позициях, ожидая новых распоряжений высокого командования. Они упустили время и были наказаны самым жестоким образом.

Приближался поворотный момент битвы. Скоро всем стало очевидно, что команда капитана Касабьянки не сможет потушить шлюпки.

Гардсмарин Ли на борту «Свифтпура» вспоминал, как дым вдруг исчез и «холодный, ясный, безмятежный лунный свет стал потрясающим контрастом с тем светом, что излучал горящий корабль; благодаря ему линии двух враждебных флотов впервые стали ясно различимыми».

Пламя пожирало «Ориент», уничтожая одну его часть за другой. Юный Ли видел, как огонь «быстро поднимался по оснастке, вдоль рей и палуб».

Выжившие члены команды «Ориснта» вспоминали, как все вдруг смешалось, и корабль стал неуправляемым. Лейтенант Лашенед описал пик кризиса:

«Все в тот миг увеличивало смятение. Насос, предназначенный для тушения пожара, был сломан, пожарные лопы оказались погребенными под кучами мусора, ведра были разбросаны по всему кораблю, и нам пришлось приносить другие ведра из трюмов; нас окружило пять кораблей, и они обстреливали нас с удвоенной интенсивностью. После невыносимых, но тщетных усилий мы оставили палубу, покрытую горящими телами погибших. Главная мачта и кормовая мачта с треском обрушились к левому борту... Корабль горел сзади и спереди, и пламя достигло батарей 24-фунтовых орудий. Люди на батареях 36-фунтовых орудий, казалось, все еще не знали об опасности и продолжали энергично стрелять».

Интенсивный огонь, охвативший французский флагманский корабль, начал угрожать судам, стоявшим недалеко от него. Джон Ли вспоминал, что «Свифтшур» был так близок к горевшему «Ориенту», что «смола из швов текла ручейками вниз».

Кулер Уильямс, корабельный казначей на «Свифтшуре», наблюдал за движениями нескольких офицеров и матросов «Ориснта»: «Понимая непрактичность дальнейших действий по тушению огня... [они] выпрыгивали за борт; для того чтобы держаться на воде, некоторые использовали деревянные и другие обломки судна, другие шлины из всех сил, чтобы избежать ужасной катастрофы. Пушечные ядра летали во всех направлениях, разорвав многих из них на куски; другие были подобраны шлюпками или перенесены в нижние части ближайших судов;

британские моряки проявляли гуманность и протягивали руки, чтобы спасти павшего неприятеля, хотя в тот момент битва кипела с бесконтрольным бешенством».

Среди тех, кто бросился в воду, был капитан 1-го ранга Онорс Гантом — начальник штаба эскадры. Он благополучно достиг берега, а позднее был произведен в контр-адмиралы и взял на себя командование военно-морскими силами Восточной армии. Перед тем как броситься в воду, Гантом дал общий приказ покинуть корабль.

Когда англичане подняли на борт одного французского лейтенанта, он был совершенно голым, но в пляске. Он объяснил своим спасителям, что оставил пляшку на голове как свидетельство офицерского звания.

«Ориент» вот-вот должен был взлететь на воздух, поскольку на корабле находился большой запас взрывчатых веществ. Между тем хирург «Вэнгварда» поставил Нельсона на ноги, переместив сегмент кожи, закрывший глаз адмирала.

«Забыв о своих страданиях, [Нельсон] поспешил на палубу; он был движим чистым чувством гуманности, когда давал команды о том, чтобы приложить все силы к спасению как можно большего числа жизней [членов команды “Ориента”]», — продолжает капеллан Уильямс. Это была удивительная сцена: «свыше семидесяти человек были спасены усилиями тех, которые только что уничтожали их».

Корсиканец Касабьянка, земляк Наполеона, был ранен в голову и унесен вниз. Его сын Джакомо, девятилетний гардемарин, продолжал стоять на палубе, охваченной огнем. Члены

команды уговаривали его прыгнуть за борт, чтобы спастись, но мальчик отказался покинуть корабль без отца.

Огонь съедал остатки корабля,
Тела погибших вспышки освещали,
А юнга оставался у руля,
Когда другие все бежали¹.

Несколько французов, свидетелей события, рассказали о нем Наполсону. Главнокомандующий передал Директории ужасные и трогательные подробности катастрофы.

Около десяти часов вечера случилось неизбежное — «Ориент» взлетел на воздух. Капеллан Уильямс вспоминал:

«Пламя достигло склада боеприпасов, “Ориент” с грохотом взорвался, и этот звук оглушил всех».

Джон Ли, находившийся, как и капеллан, на «Свифтшуре», чувствовал следующее:

«Это было словно землетрясение, воздушный поток немыслимой силы устремился вдоль палуб и ниже, заставив корабль задрожать; это продолжалось несколько минут...»

Не только на «Свифтшуре», находившемся рядом с погибшим «Ориентом», но и на других кораблях моряки почувствовали ужасный и оглушающий взрыв. Джон Никол, артиллерист на «Голиафе», вспоминал, что их корабль сильно затрясло: «мы думали, что задняя часть нашего корабля взорвалась, пока юнги не рассказали нам о том, что это было».

¹ Из поэмы «Касабьянка» английской поэтессы Фелиции Хеманс в переводе автора.

Многие члены экипажа «Ориента» были спасены или спасли себя сами, но общая численность команды составляла более 1000 человек. Тела несчастных жертв взрыва взлетели высоко в небо Абукира вместе с обломками корабля.

«Увидев, что пламя охватывает корабль, он [Касабьянка] пытался спасти ребенка и привязал его к плавающей в море стенке; но этот красивый мальчик был поглощен волнами при взрыве. Сам Касабьянка погиб при том же взрыве вместе с «Ориентом», держа в руке национальное знамя», — рассказывает Наполеон.

Берри, капитан «Вэнгварда», описал картину после взрыва:

«Последовала ужасная пауза и мертвая тишина, прошло три минуты, и остатки мачт, рей и т.д., которые были унесены на огромную высоту, стали падать в воду и на борта соседних кораблей».

Все свидетели трагедии отмечают, что наступила необычная тишина. Она была связана с тем, что корабли обеих сторон прекратили огонь. По разным оценкам, пауза продолжалась от десяти до двадцати минут. Однако чувство потрясения, охватившее многих участников битвы, было все же недостаточным основанием для общего прекращения огня.

Главная причина прерыва в битве была связана с падением огромного количества предметов, унесенных взрывом на огромную высоту. Современные морские археологи нашли на дне моря пушку «Ориента», весящую две тонны и отброшенную взрывом на 400 ярдов от места гибели французского флагманского корабля.

Когда бесчисленные деревянные и металлические предметы начали падать вниз, нанося ущерб судам, то моряки, находившиеся на верхних палубах, кинулись в укрытия. Эти предметы в большинстве своем горели и при падении поджигали оснастку и палубы. Видя ужасные последствия этих падений, моряки обеих сторон бросились тушить пожары. Сверху падали не только предметы, но и части тел погибших людей.

Таким образом, соображения безопасности участников битвы и необходимость спасения судов от возгорания вызвали временное прекращение огня с обеих сторон.

Сокровища рыцарей Мальты стоимостью примерно шестьсот тысяч фунтов стерлингов — золото, бриллианты и предметы, имевшие историческую ценность и хранившиеся в трюмах «Ориента», — также погибли при взрыве. Наполеон лишился резервов, которые могли сыграть важную роль для его армии.

Звуки битвы были слышны в Александрии и Розетте, где находились многие участники экспедиции. Французы взбирались на крыши домов и наблюдали вспышки огня. В пятнадцати или двадцати милях от них кипело великое морское сражение, от которого зависела их судьба.

Послепуэ, разведчик и финансист, стоял на высокой террасе дома в Розетте и видел взрыв «Ориента». «Звук пушечной стрельбы был очень сильным до девяти часов пятнадцати минут, — писал он, — когда мы увидели сквозь темноту огромный свет и поняли, что горит корабль. Примерно в это время звук стрельбы из орудий стал сильнее в два раза; в десять часов корабль, который горел, взлетел на воздух в результате сильнейшего взрыва, который мы слышали в Розетте; мы услышали

взрыв через две минуты после того, как мы его увидели. После этого в течение примерно десяти минут была совершенная тьма и полная тишина. Затем стрельба возобновилась и продолжалась без перерыва до трех часов утра».

Через некоторое время описание Посселгуэ было показано нескольким французским офицерам, принимавшим участие в битве при Абукире. Все они согласились с тем, что Посселгуэ составил очень точный документ.

Был еще один момент, когда стрельба затихла. Артиллеристы обеих сторон были предельно истощены и просто падали с ног от усталости, голода и жажды. Бешеная гонка ради взаимного истребления в условиях жары и недостатка кислорода привела к тому, что люди засыпали на боевом посту и более не реагировали на толчки офицеров, желавших продолжать стрельбу.

Первыми вновь открыли огонь артиллеристы на борту французского 80-пушечного «Франклина». К этому времени корабль потерял две трети членов команды убитыми и ранеными.

В пять часов утра, писал Посселгуэ, огонь из пушек «возобновился с силой большей, чем он был до того» и продолжался до момента, когда раздался новый взрыв. Это взлетел на воздух 40-пушечный французский фрегат «Артемиз».

Его капитан, не видя иного выхода, решил сдаться. Когда англичане устремились на шлюпках в сторону фрегата, чтобы завладеть трофеем, выяснилось, что французы покинули корабль на своих шлюпках и направились к берегу.

Фрегат горел, подожженный собственным капитаном, и через полчаса взлетел на воздух. Такое поведение капитана про-

тиворечило общепринятым международным правилам и, как вспоминает Джон Ли, «вызвало негодование Нельсона и всех на флоте за то, что корабль был подожжен столь подло, после капитуляции».

В этом эпизоде проявились различия в подходах двух сторон к соблюдению международных морских традиций: англичане были им верны, а моряки революционной Франции не чувствовали себя связанными «джентльменскими соглашениями».

Наступило утро нового дня. Солнце, опустившееся за горизонт в минуты начала английской атаки, снова ярко светило. Участники и свидетели событий наблюдали страшное зрелище.

Джон Никол с «Голиафа» вспоминал:

«Когда мы прекратили стрельбу, я вышел на палубу, чтобы посмотреть на то, в каком состоянии находятся флоты, и это был ужасный вид. Вся бухта была покрыта мертвыми телами, искалеченными, ранеными и сожженными, на них не было никакой одежды, кроме штанов».

Другие свидетели говорят о том, что французские моряки, спасшиеся после взрыва «Орисонта», были совершенно голыми: их одежду снесло взрывной волной.

Эскадра адмирала сэра Горацио Нельсона не потеряла ни одного корабля, хотя большинство из них были в жалком состоянии: два боевых судна, включая «Беллерофон», пострадали столь сильно, что стали непригодными для дела, три других линейных корабля потеряли все мачты, а еще шесть частично лишились мачт.

Пустившись в необыкновенно рискованное предприятие, Нельсон одержал сокрушительную победу: французский флот был почти полностью уничтожен. «Ориент» и «Артемиз» более не существовали, капитаны шести французских линейных судов капитулировали, а еще четыре босвых корабля были выброшены на берег, сели на мель и становились легкой добычей англичан.

Нельсон был немногословен: «Победа — недостаточно сильное слово для того, чтобы описать такую сцену».

Главкомандующий республиканским флотом адмирал Франсуа Поль де Брюэйс пал в бою. Наполсон дал высокую оценку его мужеству и стойкости, но критиковал за упущения:

«Адмирал Брюэйс своим хладнокровием и неустрашимостью исправил, насколько это от него зависело, допущенные им ошибки, а именно: 1) то, что он не выполнил приказа своего начальника и не вошел в старый порт Александрии; он мог сделать это начиная с 8 июля; 2) то, что он оставался на якоре у Абукира, не принимая при этом должных мер предосторожности. Если бы он держал в море легкую эскадру, то уже на рассвете был бы предупрежден о приближении противника и не был бы захвачен врасплох; если бы он вооружил остров Аль-Бексёр и воспользовался двумя 64-пушечными линейными кораблями, семью фрегатами, бомбардами, канонерками, которые стояли в порту Александрии, а также матросами, находившимися в его распоряжении, то обеспечил бы себе большие шансы на победу; если бы он поддерживал хорошую дисциплину, ежедневно объявлял бы тревогу, два раза в день проводил учебные стрель-

бы и, по крайней мере два раза в неделю, лично осматривали свои корабли, то батареи... не были бы загромождены».

Наполеон сам указал на то, что он давал Брюэйсу приказы: 1) войти в старый порт Александрии; 2) плыть на Корфу или в Тулон.

Очевидно, что Брюэйс должен был выбрать что-то одно. Какой вариант был предпочтительнее? Если первый план был разработан Бонапартом достаточно детально — этому есть письменное подтверждение, и генерал даже посылал своего адъютанта для контроля выполнения приказа, — то о втором плане он говорит лишь вскользь.

А были ли дан второй приказ? Для Наполеона, очевидно, желавшего доказать, что он несколько не виноват в гибели флота, было бы важно привести в мемуарах соответствующие документы, ведь он дал письменные свидетельства своего участия в управлении работами по модернизации старого порта. Однако таких документов он не привел. Да и сам «приказ» сформулирован неопределенно — «на Корфу или в Тулон».

Брюэйс был мертв и уже не мог оправдаться. За него это сделал бывший подчиненный — Оноре Гантом, который позже докладывал военному министру:

«Возможно, кто-то скажет, что желательно было покинуть берег сразу после высадки. Однако, принимая во внимание приказы главнокомандующего, а также то обстоятельство, что присутствие эскадры в огромной степени усиливает сухопутную армию, адмирал думал, что его долг состоит в том, чтобы не покидать эти воды».

От всего боевого флота у французов осталось несколько фрегатов и два линейных корабля, стоявших в конце линии, — «Вильгельм Телль» и «Женерё». Они не приняли никакого участия в битве, снявшись с якорей лишь поздним утром.

В своих мемуарах Наполеон клеймит Вильнёва позором:

«*Ориент*» взорвался в 10 часов вечера, сражение закончилось на следующий день, около 12 часов. Следовательно, Вильнёв командовал эскадрой в течение 14 часов. Этот офицер в генеральском чине не был лишен морского опыта, но был лишен решимости и энергии. Он обладал достоинствами капитана порта, но не имел качеств солдата».

Вильнёв должен был принять полномочия командующего флотом после гибели Брюэйса, но никто официально не оповестил его об этом. Конечно, Вильнёв стал для Наполеона козлом отпущения, но обвинения Бонапарта в данном случае совершенно обоснованы:

«Мнение моряков обеих эскадр едино: Вильнёв мог обеспечить победу французов; он мог сделать это в 8 часов вечера, он мог сделать это в полночь после гибели “Ориента”, он мог сделать это еще и на рассвете».

«Вильгельм Телль» и «Женерё» покинули бухту, воспользовавшись попутным бризом. Капитаны двух фрегатов — «Жюстис» и «Диана» — взрезали канаты и повели свои корабли вслед линейным судам.

Нельсон приказал немедленно догнать вражеские корабли, но вскоре стало ясно, что преследование не удалось, — у англичан просто не осталось сил на погоню. Вильнёв ушел в море с остатками флота.

«На высоте Капдии, — говорит Наполеон, — “Вильгельм Телль” и “Женерё” разделились. “Вильгельм Телль” отправился на Мальту с двумя фрегатами; “Женерё” под командой отважного Лесжуаля вошел в Адриатическое море...»

В течение последующих дней англичане хоронили погибших и лечили раненых. Многие мертвые по старой морской традиции были погребены в водах Средиземного моря. Тело каждого погибшего моряка заворачивали в гамак или парусину, привязывали к нему два пушечных ядра и опускали в воду вдоль борта корабля. Другие погибшие и умершие, включая тех, кто скончался от полученных ран, были похоронены на острове у мыса Абукир.

Потери англичан составили 895 человек, включая 218 погибших и 677 раненых. Количество погибших французов составило, по разным оценкам, от 1200 до 1500 человек.

Число жертв морской баталии должно включать множество убитых и утонувших. Если потери англичан определены точно, то число павших французов, к сожалению, — величина приблизительная.

Прошло несколько недель, и место сражения посетил художник Денон. В своих мемуарах он написал:

«В полночь мы достигли моря. Восходящая луна осветила невиданную сцену: двенадцать миль береговой линии, покрытые остатками нашего флота. Это дало нам возможность оценить, что же здесь произошло в ходе битвы. Вдоль берега бродили арабы, занятые поисками гвоздей и кусков железа. Сгоревшие мачты, артиллерийские повозки, шлюпки. Многие вещи в хорошем состоянии, как будто только что покинули

наши порты. Даже остатки судов были сокровищами для живущих в этих местах людей, лишенных всего. При нашем появлении воры разбежались; остались только тела несчастных жертв, принесенные волнами и лежавшие на песке, который теперь был покрыт ими более чем наполовину. От этого они казались более впечатляющими, нежели страшными.

Постепенно зрелище мертвых заставило мой дух погрузиться в мрачную меланхолию; я избегал этих ужасных привидений, их застывшая мимика отвращала меня от того, чтобы на них смотреть... Что за судьба их ждала — стать изображениями на чужом берегу, разлагаться под действием палящего солнца, их скулы уже побелели... Что за обнаженный скелет?.. Лишь несколько месяцев назад я видел этих мальчиков, молодых, полных жизни, мужества и храбрости... в объятиях их матерей, сестер, их возлюбленных, нежных объятиях их детей...»

Кто знает точное число жертв этой войны?

Более трех тысяч французских моряков попали в плен. Многие из них были ранены. Нельсон решил выпустить пленников на волю, взяв с них клятву не поднимать оружия против Великобритании. При этом стороны вполне понимали, что условие невыполнимо.

Наполеон рассказал о том, как были использованы эти люди:

«Тысяча солдат морской пехоты или матросов, спасшихся с эскадры, были включены в состав артиллерийских и пехотных частей армии; полторы тысячи составили морской легион из трех батальонов; еще одна тысяча была использована для пополнения экипажей двух 64-пушечных линейных кораблей, семи фрегатов и бригов, корветов и посылочных судов, которые

находились в Александрии. Начальник военно-строительных работ флота Лерой энергично занялся спасательными работами. Ему удалось спасти несколько пушек, ядра, мачты, куски дерева».

Англичане удержали в плену только 200 старших офицеров и еще несколько ценных для себя специалистов. Нельсон следил за тем, как его подчиненные ремонтируют свои суда и приводят их в надлежащий вид. Британцы использовали дерево и оснастку французских кораблей. Сами вражеские суда стали трофеями и были взяты на буксир.

До того как флот Нельсона покинул египетский берег, из Кадиса прибыли два фрегата. Они привезли приказ Сент-Винсента сформировать блокадную эскадру. Она должна была состоять из боевых кораблей «Свифтшур», «Зелос» и «Голиаф», команды которых покрыли себя славой в Абукирском сражении, а также двух прибывших судов. Худ, капитан «Зелоса», был назначен командиром эскадры. Эти корабли должны были постоянно курсировать между Александрией, Розеттой и Дамией и лишить французов, запертых в Египте, всяких связей с метрополией.

Не все французы вовремя осознали опасность положения, в котором они оказались после гибели флота. 8 августа порт Александрии покинул корабль, направлявшийся во Францию. Он был немедленно захвачен. На корабле, пишет Джон Ли, англичане обнаружили «донесения от Бонапарта и тысячи писем французской армии друзьям во Франции, которые дали англичанам правдивое описание природы экспедиции и лишений, которые испытывали авторы писем».

Там было и памятное письмо Наполеона Жозефу, в котором главнокомандующий, ставший обманутым мужем, изливает душу старшему брату. Вскоре это письмо было опубликовано в лондонской газете Morning Chronicle.

Нельсон исключительно серьезно относился к планам Наполеона отправиться в Индию и считал своим долгом немедленно сообщить английскому губернатору Бомбея о том, что можно в ближайшее время не опасаться похода французов.

Лейтенант Дювал из экипажа «Зелоса» вызвался доставить депешу в Бомбей. Его путь оказался долгим и трудным: лейтенант высадился на турецкий берег в Александретте, расположенной на северо-востоке Средиземноморья, затем он переселся в одежду араба и достиг Багдада на верблюде. Оттуда он направился в порт Басра, нанял корабль и прибыл в Бомбей 21 октября.

Оказалось, что только двумя неделями раньше новости о захвате французами Египта достигли Индии. Их привез корабль, приплывший из Англии длинным путем, вокруг Африки.

Нельсон также направил 50-пушечный корабль «Леандр» и бриг «Мютин», чтобы сообщить соотечественникам о великой победе в устье Нила. Его родина все еще с трепетом ожидала нашествия французов.

Между тем «Леандр» был атакован одним из французских судов, уцелевших в Абукирском сражении. Лежуаль, капитан «Женерё», взял маленький реванш за страшное поражение: он погнался за английским кораблем, захватил его после четырехчасового боя в районе Крита и привел на Корфу.

По дороге в Англию бриг «Мютин» бросил якорь в Неаполе. Эмме Хэмилтон, жене британского посла, сделалось дурно,

когда она услышала о кровавой битве, — то было первое публичное выражение ее чувств к адмиралу Нельсону.

Вести о победе достигли Англии по суше — через Австрию и Германию. Это произошло 2 октября. Для страны, фактически находившейся в осаде, победа у мыса Абукир стала одним из величайших событий в истории.

Весь Лондон был иллюминирован. Звучали церковные колокола, раздавались пушечные залпы. Имя Нельсона было на устах каждого жителя столицы, а вскоре и каждого британца.

Огромная толпа собралась на Уайтхоллс — лондонской улице, где расположены правительственные учреждения. Люди заставляли всех, кто носил шляпы, снимать головные уборы в знак почтения и солидарности.

Худ заявил, что Нельсон спас Европу от анархии и псевдод, а леди Спенсер впала в состояние экзальтации:

«Восторгаемся, восторгаемся и снова восторгаемся тобой, храбрый и доблестный, бессмертный Нельсон! Пусть великий Бог, чей промысел ты столь героически поддерживаешь, сохраняет и благословляет тебя до конца твоей блестящей карьеры. Еще никто и никогда не выигрывал подобных гонок. Моя сердце совершенно переполняется чувствами радости, благодарности, гордости, каждой эмоцией, которая когда-либо согревала грудь британской женщины, — и все это сделал ты, мой дорогой, мой хороший друг».

Эмма Хэмилтон написала своему возлюбленному:

«Если бы я была королем Англии, то я бы сделала тебя самым благородным и могущественным герцогом Нельсоном,

маркизом Нильским, графом Александрийским, виконтом Пирамид, бароном Крокодилом и принцем Победы...»

Битва, выигранная Нельсоном, существенно изменила соотношение сил на международной арене: российский император Павел I, ранее оскорбленный захватом французами Мальты, явно разворачивался в сторону Англии, австрийцы подумывали о возобновлении борьбы с революционной Францией, а Турция готова была объявить войну своему многолетнему союзнику.

Англичане стали безраздельными хозяевами Средиземного моря — таким был непосредственный итог победы при Абукире. Франция сохраняла мощный флот в Атлантическом океане, но немедленная угроза британским островам была ликвидирована.

Благодарная Англия готова была достойно вознаградить своего гения. Но какой титул он заслужил? Премьер-министр Уильям Питт Младший предлагал сделать Нельсона виконтом, но король возражал даже против того, чтобы ввести адмирала в сословие пэров, — вероятно, из-за дружбы героя с принцем Уильямом.

В итоге ему пожаловали титул барона Нильского — лорда Нельсона, и это вызвало возмущение тех, кто считал победителя французов достойным большей чести. Питт распорядился о назначении ему ежегодной пенсии в размере двух тысяч фунтов стерлингов. Фанни Нельсон была принята королевой.

Прославленный моряк действительно стал лордом, как обещал своим боевым товарищам перед началом атаки, которая в тот миг казалась чистым безумием.

Он обдумывал план еще одной атаки — высадку десанта на египетский берег. Генерал Клебер в Александрии и генерал Мену в Розетте готовились к обороне. Оценив свои шансы, Нельсон отказался от идеи десанта. Он организовал блокаду Египта, оставив у его берегов три линейных корабля и три фрегата, и отправил шесть трофейных судов в Гибралтар.

Он взял курс на Неаполь вместе с тремя боевыми кораблями. Новые раны вызывали у Нельсона тошноту, его голова словно раскалывалась. В дополнение к этому он опять заболел малярией.

Герой стойко переносил страдания, и в нем крепло чувство своего высокого предназначения. Он написал: «Всевышний Бог сделал меня счастливым инструментом разрушения вражеского флота».

Флота, за которым он долго и безуспешно гонялся. Догнав его, он все поставил на карту и разгромил врага в ночном бою.

Его «Вэнгвард», побывавший в самой гуще жестокой схватки, был изрядно покалечен. Нельсон должен был привести свой корабль в порядок.

По дороге в Неаполь он бросил якорь в Палермо, на Сицилии. Здесь он испытал новый приступ депрессии.

«В течение нескольких недель я отправлюсь в те предсмы, откуда нет возврата, — написал он леди Паркер, жене адмирала, — да исполнится воля Господня... Вы помните меня всегда смеющимся и веселым и едва ли поверите в перемену... Скоро, очень скоро, мы все будем содержимым плантации размером шесть футов на два, и я, вероятно, вступлю во владение этим именем гораздо раньше, чем все думают».

Когда 22 сентября «Вэнгвард» вошел в Исаполитанский залив, его окружила местная флотилия. Играла бравурная музыка.

Герой сошел на берег, и королева воскликнула: «О храбрый Нельсон! Господи, благослови и сохрани нашего храброго спасителя!» Король Фердинанд назвал его «спасителем и избавителем». Им казалось, что Франция теперь не так страшна, как была еще совсем недавно.

Нельсона поселили в прекрасном палаццо британского посла. Эмма Хэмилтон промывала его раны ослиным молоком.

Когда адмиралу исполнилось сорок лет, был дан бал, на который пригласили 1800 человек. Восемьдесят избранных ужинали вместе с посольской четой в палаццо Сесса.

На следующее утро Нельсон написал своему начальству: «Через неделю мы все будем в море. Я очень нездоров, и жалкое поведение этого двора вряд ли охладит мой болезненный пыл. Это страна скрипачей и поэтов, пилот и негодяев».

Турецкий султан прислал триумфатору и юбиляру роскошный подарок — шломаж с причудливым часовым механизмом, в который были вставлены драгоценные камни.

НА ПЛОТУ КАЛИПСО

Французская армада первоначально была составлена из флотов многих стран.

После поражения при Абукире появились дезертиры и перебежчики: «Командиры сорока неаполитанских судов, входивших в состав конвоя, пожелали вернуться в Неаполь, — вспоминает Наполеон. — Они вступили в переговоры с английской эскадрой. Им разрешили выйти из порта, но в момент выхода они были захвачены, выведены в море и сожжены; их экипажи были взяты в плен. Это событие имело наилучшие последствия для армии. Оно вызвало величайшее негодование генуэзцев и других матросов с берегов Италии, находившихся на судах конвоя; с этого времени они стали действовать заодно с армией и служили ей со всем усердием, на какое были способны».

Армия была шокирована известием о гибели флота, но продолжала вскричать своему главнокомандующему. А Наполеон убеждал людей в том, что абукирская катастрофа не повлияла на планы экспедиции. Французы утратили контроль над морем, но их ждут великие дела на суше.

История не знает сослагательного наклонения, но это не мешает людям размышлять о возможных сценариях событий.

И наиболее интересны те планы, которые зарождаются в головах великих деятелей.

Бонапарт собирался в Индию, и Нельсон считал это вполне достижимой для французов целью. Для этого, думал английский адмирал, французы должны прислать свой флот в один из портов Красного моря, погрузить сухопутную армию на корабли и доставить ее в Индию.

Наполеон мыслил иначе — он собирался достичь Индии по суше, через Сирию, Евфрат и Персию. И, по его оценкам, такой марш занял бы несколько месяцев:

«От Каира до Инда так же далеко, как от Байонны до Москвы. Армия в 60 000 человек, посаженных на 50 000 верблюдов и 10 000 лошадей, имея с собой запас продовольствия на 50 дней и воды на 6 дней, достигла бы за 40 дней Евфрата и через четыре месяца оказалась бы на берегу Инда, среди сикхов, маратхов и народов Индостана, с нетерпением ждущих своего часа, чтобы сбросить гнетущее их ярмо!!!».

Генерал Бонапарт всегда имел ясные виды на то, что будет делать его армия. Но, когда она ступила на египетский берег, выяснилось, что главнокомандующий не знает, как лучше использовать приданный ему флот.

Даже если бы Брюэйс занял правильную оборонительную позицию в Александрии или в бухте Абукир и сохранил бы эскадру, то что бы он делал в дальнейшем? Разве для того Бонапарт отправился за моря, чтобы отвести боевым кораблям пассивную роль? Если следовать логике Нельсона, то французы должны были снарядить экспедицию вокруг Африки и достичь Красного моря.

Но случилось непоправимое бедствие — французская эскадра погибла. Следовательно, возможности Наполеона значительно сузились.

Он привел в Египет сильную армию, но при этом хотел расширять свое влияние с помощью идей, а не силой пуга. Наполеон считал, что его экспедиция должна создать условия для развития стран и народов:

«После 50 лет владения Египтом цивилизация распространилась бы во внутренней части Африки... Несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного Бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны прийти свет и счастье!!!».

Он будет действовать методами дипломатии и договариваться с местными правителями. Однако едва французы ступили на землю Египта, как их атаковали воины местных племен. Овладеть Египтом «по договоренности» не получилось.

Восточная армия генерала Бонапарта штурмом взяла Александрию, прошла с боями до Каира и овладела Нижним Египтом. Наполеон основал в Каире Институт Египта, подобный Французской академии наук (Институту Франции), дал ученым возможности изучать природу и историю страны и сам принимал активное участие в работе Института.

Он хотел договориться с военными и гражданскими лидерами Египта и убедить их поступить к нему на службу, однако они не приняли его предложений. Эти вожди были последовательными в своей непримиримости, и после поражения французов при Абукире не сомневались в том, что оккупанты в конце концов будут изгнаны из Египта.

Наполсон направил отряд под командованием генерала Дезо в Верхний Египет, чтобы взять под контроль всю страну.

Турецкий султан Селим III не спешил объявлять войну Франции и зондировал почву. Наполсон рассказал следующую историю:

«Один придворный, пользовавшийся особым доверием Селима, прибыл в Каир через Дерну с караваном паломников. Он посетил главнокомандующего и сообщил ему истинные намерения Порты. Он требовал — и это тут же было ему обещано — подтверждения права собственности города Мекки на все его владения, назначения османа эмир-агой и формирования отряда из мусульманских войск для охраны меккского каравана; наконец объяснений главнокомандующего относительно его планов (при этом он заверил его в том, что Порта исполнена решимости ничего не делать поспешно и не дать увлечь себя никаким страстям). Этот придворный провел в главной квартире более сорока дней. Он имел основание быть довольным тем, что сообщили ему каирские шейхи о настроениях султана Кебира [великого султана, то есть Наполсона] и французов; он отплыл из порта на Красном море под предлогом поездки в Мекку и в декабре прибыл в Константинополь. Но к этому времени Порта была уже увлечена потоком событий; уничтожение абукирской эскадры поставило ее в полную зависимость от английской и русской эскадр. Письма французских офицеров, перехваченные крейсерской эскадрой и пересланные Порте английскими министрами, также оказали влияние на ее настроение. Эти офицеры проявили такое недовольство, описывали положение армии как такое критическое, что диван ре-

шил, что союзникам будет нетрудно вновь овладеть Египтом; в то же время он опасался, что если англичане станут хозяевами Египта, то они оставят его за собой, как грозились сделать. Это соображение — более чем какое-либо другое — побудило его объявить войну республике».

Наполеон оказался в полной политической изоляции и должен был выбирать между двумя стратегиями — выжидательной или наступательной. Он выбрал второй вариант, но при этом многократно предлагал сесть за стол переговоров и Османской Порте, и ее заместителям. Бонапарт двинул 13-тысячную армию в Сирию, имея в виду перспективу похода в Индию.

Он взял с собой ведущих ученых. Заседания Института в Каире были временно приостановлены.

Бонапарт написал письма ряду восточных властителей: Типпу Сахибу, стороннику французов в Индии, королю Цейлона, правителю Танжера и другим царям. Но если письмо Типпу Сахибу все же было отослано, то остальные послания оказалось невозможно доставить адресатам ввиду трудностей сообщения с ними.

Типпу Сахиб пал в бою с англичанами. Влиятельные мусульманские правители не поддерживали диалога с Бонапартом. Тогда Наполеон сделал ставку на христиан Сирии и евреев.

Отношения с евреями ограничились красивой прокламацией, выпущенной Бонапартом. Он тайно встретился в Газе с губернатором Иерусалима, который прибыл к нему вместе с делегацией христиан. Члены делегации посоветовали генералу не входить в Иерусалим до того, как он победит Джебззар-пашу,

губернатора Сирии, который держал оборону в крепости Сен-Жан-д'Акр.

На помощь Джеззару пришли англичане, высадившие десант с кораблей «Тигр» и «Тезей». Им удалось отбить у французов артиллерию, направленную к Сен-Жан-д'Акру из Египта морским путем, и существенно затруднить задачу осадной армии.

Вечером 18 апреля 1799 года в лагерь у Сен-Жан-д'Акра прибыл сирийский купец Бутрос Бокти. Этот человек родился в Египте и получил образование во Франции. Его сопровождал Винанд Морво, посланный Директорисой в Египет.

Бутрос Бокти был направлен Жозефом и Люсьеном, братьями Наполеона. Он привез письмо Жозефа, в котором тот просил Наполеона вернуться во Францию.

Мысли Наполеона начали менять направление. Его планы создания великой империи на Востоке терпели крах: ему не удалось приобрести союзников, а армия численно уменьшалась и слабела из-за потерь в боях и болезней. Чума, дизентерия, простудные заболевания поражали солдат, инженеров, ученых.

При осаде Сен-Жан-д'Акра погибли командующий инженерными войсками генерал Каффарелли и дивизионный генерал Бон. Многие другие генералы и офицеры получили ранения, а некоторые впоследствии скончались от ран. Гаспар Монж заболел дизентерией.

Между тем египтяне бунтовали, и это могло иметь самые опасные последствия. Бонапарт был вынужден снять осаду крепости и вернуться в Каир. Вслед за этим турки, окрыленные

успехом, переоценили свои силы и высадили десант в бухте Абукир.

Наполеон собрал армию в кулак, совершил марш-бросок до морского побережья и полностью разгромил янычар. Теперь он думал лишь о способах возвращения во Францию, и момент для этого был выбран самый благоприятный.

Последним известием о делах в Египте, которое услышат французы, будет сообщение о победе при Абукире. И на этой волне Наполеон решил вернуться на родину: «ему будет легко стать во главе республики; он был полон решимости по прибытии в Париж придать ей новую форму и удовлетворить общественное мнение нации, которое с 1798 года призывало его возглавить правительство».

Мотивы своего отъезда из Египта Наполеон позднее представил в ложном свете и при этом сделал оскорбительное заявление:

«Варвар [т.е. русские], залитый кровью несчастных поляков, нагло угрожал французскому народу. Нельзя было больше терять ни минуты; Наполеон решил отправиться на родину и спасти ее от ярости иностранцев и собственных сынов. От него не укрылось, что разгром французских армий был результатом плохих военных планов, принятых в Париже».

Суворов наступал, и Франция нуждалась в «спасителе». Правда, когда Бонапарт вернулся, опасность уже была ликвидирована.

Покидая Египет, он написал инструкции Клеберу и другим генералам и администраторам, как они должны добиться того, чего сам Бонапарт так и не сумел сделать:

«Мамелюки не существуют более как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов; они могут оказать услуги во многих случаях. Мурад-бей и Ибрагим-бей можно будет привлечь на нашу сторону, возведя их в княжеское достоинство; других беев — произведя их в генеральский чин и вернув им их владения».

Наполеон считал себя продолжателем дела Александра Македонского и написал: «Не следует упускать из виду, что Александрия должна стать со временем столицей страны».

Бонапарт касался всего: и торговли, и войны, и политики, и обычаев страны:

«Нужно покровительствовать Суэцу в ущерб Косейру, превратив его в единственное складочное место для импортного кофе и пряностей и экспортных товаров из Европы и Нижнего Египта».

«Нужно приурочиться к обычаям людей Востока, отказаться от шляп и узких штанов и придать обмундированию наших солдат известное сходство с одеянием магрибинцев и арнаутов. Одетые таким образом, они приобретут в глазах жителей характер национальной армии...»

«Политика. Нужно назначить поверенных в делах в Сеннар, в Абиссинию, в Дарфур. Я предложил государям этих стран направить таковых в Египет. Все их сношения с Египтом являются торговыми; но помимо коммерческих целей я имел еще одну — приобрести средства к проникновению во внутренние области Африки и организации регулярной ежегодной закупки 10 000 рабов в возрасте от 14 до 18 лет... Это заменит подкре-

шения, если республика не сможет прислать таковых. Я приказал уже схватить две тысячи молодых мамелюков-рабов — все они принадлежат сирийским вельможам. Их можно без промедления распределить по частям».

Бонапарт не собирался отменять работоторговлю. Он планировал существенно усилить французскую армию за счет местных рабов.

«Напишите великому визирю, что мы не хотим сохранить за собой Египет, что мы приехали туда только как в караван-сарай на пути в Индию».

Два фрегата венецианской постройки трусливо крадутся, часто останавливаясь. Моряки адмирала Эльфинстоуна (лорда Ксйта) их видят по крайней мере дважды — но, кажется, принимают за рыбацкие шхуны.

Между тем на одном из них плывет будущий диктатор и император французов. С ним — небольшая армия. На «Мюрионе» плыли сам главнокомандующий, а также его друзья и соратники Бертье, Монж, Бертолле, пасынок Евгений Богарне и секретарь Бурьени. На «Каррере», которым командовал капитан Дюмануар, нашлось место для генералов Ланна, Мюрата, Мармона, поэта Парсваль-Гранмезона и художника Делона. Бонапарт взял с собой несколько сот человек охраны, отряд мамелюков.

Покидая Египет, он основательно подумал о том, кого назначить своим преемником. «Генерал Дезз был офицером, наиболее способным командовать Восточной армией, но он мог принести больше пользы во Франции, — писал Наполсон в

мемуарах. — На втором месте стоял Клебер, на третьем — Ренье. Наполеону пришла бы мысль увезти во Францию всех троих, поручив командование армией генералу Ланюссу; но, учитывая опасности, связанные с переходом, он понял, что будет правильнее предоставить командование Восточной армией способному полководцу; выбор его пал на генерала Клебера».

Какую роль Бонапарт отводил Дезэ? Что значат слова «он мог принести больше пользы во Франции»? Лишь сам Наполеон знал об этом. В его голове выстраивался замысел, осуществление которого зависело от множества факторов, силу которых он еще должен был оценить.

На море господствовали англичане. Если год назад встреча с ними наверняка привела бы к бою, то теперь не будет и этого: французы явно слабее.

— Что вы предпримите, если англичане нас обнаружат? — спрашивает Бонапарт. — Вяжестесь в бой? Невозможно. Сдадитесь? К этому вы не более склонны, чем я. Следовательно, остается лишь одно: в случае необходимости взорвать корабли.

Человек рока не шутит. Все молчат.

— Эту задачу я поручу выполнить вам, — говорит Бонапарт смертельно бледному Монжу. И улыбается.

Через несколько дней навстречу попался корабль, принятый за вражеский. Бывший якобинец Монж скрылся, чтобы занять боевую позицию у порохового погреба. Тревога оказалась ложной.

Бонапарт играет в карты и шахматы. Бурьени говорит, что, выиграв партию, генерал «тогдаш переставал играть, чтобы остаться на лаврах».

Он играет, а сам вновь и вновь просчитывает варианты — не игровые, а жизненные. Каждому из тех, кто плывет на двух кораблях, предстоит сыграть свою роль в будущих событиях. Они, загорелые, выдубленные ветром, израненные, на время освободившиеся от условностей французской жизни, возвращаются в истерзанную войнами и революциями отчизну.

Первый из них — Бертъс, многолстний начальник штаба армии Наполеона. Он, казалось, был более других рад тому, что египетские приключения закончились: генерал возвращался к своей возлюбленной графине Висконти.

На «Каррере» плывет прямодушный, неустрашимый Ланн. Он получил в Египте и Сирии несколько ранений: одно из них — во время штурма Сен-Жан-д'Акра, когда он ворвался со своими солдатами вовнутрь крепости, а другое — во время Абукирской битвы, в которой сыграл большую роль. Когда турки уже были разгромлены и остатки их армии укрылись в форте на кончике косы, Ланн отказался терпеливо ждать капитуляции и вновь повел свою дивизию в атаку.

Наполеон рассказал подробности этого эпизода:

«Осажденные захватили несколько домов, которые были им нужны; возмущенный этим генерал Ланн хотел было выбить их оттуда, но военный инженер Бертран отговорил его: “Зачем нести потери в бою против отчаянных людей? Предположим, что нам это удастся, — все равно в следующие дни придется опять нести потери, чтобы удержаться в деревне. Нужно оставить осажденных в покое на 2—3 дня, то есть на столько времени, сколько требуется, чтобы заложить траншею. Тогда про-

тивник будет удержан за оградой своего форта, причем это не будет стоять осаждающим ни единого человека”.

28 июня противник, гордый своим небольшим успехом, сделал вылазку и захватил еще несколько домов деревни; после этого он стал дерзким и предпринял еще одну вылазку... Ланн не смог удержаться, пошел на врага и отбросил его, но был ранен ружейной пулей, что вынудило его покинуть осадный лагерь».

Теперь Ланн страдает от последствий своего истерсения и передвигается на костылях.

Ланн и Мюрат стали дивизионными генералами. Карьера этих тридцатилетних храбрецов стремительно развивалась.

Наполеон взял с собой из Египта не только отчаянных рубак. Его выбор пал также на блестящего инженера и аналитика генерала Андреосси — автора трудов по истории и географии. В Египте генерал имел достаточно времени для изучения коптских монастырей, расположенных в пустыне, он также исследовал натриевые озера, куда следом был направлен Бертолле. Залежи соды имели промышленное значение.

Верные Дюрок и Мармон, с которыми Бонапарт познакомился в Тулоне в 1793 году, храбрый Лавалетт, военный, политик и дипломат, — все они готовы разделить судьбу Бонапарта, и генерал может на них положиться.

Когда корабли покидали Александрию, то их движению помогал попутный бриз. Однако вскоре он совершенно стих, и обычный северо-западный ветер снова стал дуть в полную силу.

«Так продолжалось 15 или 20 дней, — вспоминал Наполеон. — Иногда за сутки удавалось продвинуться на 2—3 лье в нужном направлении, но нередко суда оказывались отнесенными назад; они уклонялись под ветер, относимые течениями, которые в этом море дают себя чувствовать в направлении с запада на восток. Армейские офицеры принимались дразнить морских и с иронией спрашивали, когда же они бросят якорь в александрийском порту. Обиженный адмирал решил взять курс на Капдию. Но когда он [Гантом] обратился с этим предложением к главнокомандующему, последний его отклонил и приказал адмиралу держаться возможно ближе к берегу и даже войти в залив Сидра, чтобы лучше спрятаться; он добавил, что скоро равноденствие, и тогда суда пойдут вперед; что дни, потерянные в этих неизведанных водах, — выигранные дни; что нужно стать выше насмешек невсжд. Адмирал тем охотнее подчинился этому приказу, что он согласовался с приобретенным им опытом и всем, что ему было известно об этих морях. Наконец подул ветер равноденствия. В 3—4 дня отряд обогнул мыс Бон, делая по 13 узлов; обогнув берег Африки, он пошел вдоль побережья Сардинии, затем вышел в открытое море, чтобы подойти к берегу в проливе Бонифачо...

30 сентября Бонапарт увидел «горно-суровую Итаку». Капитан «Мюирона» смотрит на карту, стараясь понять, где находится корабль. Бонапарт подходит к нему и кратко роняет: «Это Корсика».

«Не имея уверенности в том, что этот остров все еще за Францией, шлюбка «Форпюн» проникла в залив, спеслась с рыбаками и дала сигнал входа», — рассказывал Наполеон.

Навстречу путешественникам плывут лодки, их тепло встречают. Все узнают Наполеона, а он более всего рад встрече со своей няней-кормилицей.

«Я повсюду разыскивал мадам Бонапарт», — писал Денон. Ее там не было: мать Наполеона будет ждать своего сына в Париже.

В Аяччо французские корабли столкнулись с английским флотом, крейсировавшим вдоль берегов Прованса, но удача не покидала Бонапарта — он снова ушел от преследователей.

«7 октября, когда отряд находился на полпути между Корсикой и Провансом, на него налетел сильнейший шквал (ветер либсаччо), — продолжал свой рассказ Наполеон. — Потом он стих. Восьмого вечером корабли находились в 8 лье от Тулона и быстро продвигались вперед, однако в густом тумане. Было установлено, что они находятся посреди эскадры — притом в непосредственной близости от кораблей ее, судя по пушечным выстрелам с них. Еще на Корсике стало известно, что эскадра [французского адмирала] Брюи вернулась в оксан. Следовательно, теперь корабли находились посреди вражеской эскадры. В 7 часов произошло прояснение, длившееся не более минуты, но позволившее установить, что отряд находился всего лишь на расстоянии выстрела от 74-пушечных линейных кораблей; трудно было решить, как поступить. Адмирал, отличавшийся большой впечатлительностью, приказал повернуть на другой галс, чтобы вернуться к Корсике. “Что вы делаете? — сказал ему главнокомандующий. — Уходя, вы себя выдасте; идите, напротив, на врага”. Это удалось, не возникло никаких подозрений. Несколько минут спустя завеса тумана снова припод-

нялась. Адмирал поступил мудро, захватив в Ляччо две фелуки — быстроходные суда с экипажами, состоявшими из матросов — местных уроженцев, хороших пловцов. Он хотел, чтобы пассажиры пересели на эти фелуки и отправились в Порто-Крос, куда они обязательно прибыли бы к ночи. Фрегаты же вернутся на Корсику. Однако это не встретило одобрения главнокомандующего, который приказал взять курс на Антиб. Несколько часов спустя стало ясно, что был найден правильный выход. Предупредительные пущечные выстрелы отдалились; вражеская эскадра, видимо, направлялась к Корсике. 9-го на рассвете отряд бросил якорь напротив Сан-Рафаэля, в заливе Фрежюс. После 45-дневного плаванья он прибыл во Францию. Было замечено, что на протяжении всего плаванья Наполеон всецело полагался на адмирала и никогда не выказывал беспокойства. Он ни в чем не имел своей воли. Он отдал только два приказания, которые дважды спасли его».

Когда Наполеон высадился в Сан-Рафаэле, то местные жители бросились ему навстречу. Множество лодок окружили корабль «Мюирон». Люди кричали: «Бонапарт!»

По закону путешественники должны были пройти карантин, но, смешавшись с толпой, они получили предлог для уклонения от неприятной процедуры.

К Бонапарту подошел адмирал Гантом и сказал: «Я доставил вас туда, куда вас призывает судьба».

ОДИССЕЙ И ЖЕНИХИ

Бонапарт вернулся в Париж 16 октября — без свиты и без шума.

Вскоре его уютный дом на улице Победы стал центром внимания. Сила притяжения влекла сюда политиков и военных, государственных чиновников, ученых, журналистов и дельцов всякого рода.

Одними из первых были приняты Талейран, Рёдерер — член Института и бывший депутат, Реньо де Сен-Жан-д'Анжели. В течение нескольких дней образовался круг советников, которые информировали Бонапарта о ситуации в стране и подготовили план государственного переворота.

«Так вы считаете это возможным?» — спрашивал генерал. «Дело уже на три четверти сделано», — отвечали ему.

В его отсутствие была проведена немалая подготовительная работа, и важную роль при этом играли члены семьи Наполеона.

Жозеф был избран депутатом Совета пятисот от Корсики в 1797 году, но вскоре был направлен послом в Парму, а затем в Рим. В Вечном городе рядом с ним были Дезире Клари, родная сестра его жены, и ее жених — генерал Леонард Дюфо. Жозеф

вернулся в Париж в начале 1798 года и исполнял обязанности депутата. При этом он много читал и мечтал о карьере писателя. Его умение непринужденно общаться с людьми помогло завязать полезные знакомства в сфере политики.

Люсьен стал депутатом Совета пятисот в 1798 году. При этом он не достиг возраста, по закону необходимого для занятия этой должности. Когда Наполеон высадился во Фрежусе, депутаты Совета пятисот в порыве радости и восторга выбрали Люсьена своим президентом.

Еще до этого он встречался с аббатом Сиейесом, ветераном революции и новым членом Директории, и обсуждал с ним план смены конституции, хотя прежде клялся умереть, защищая основной закон Франции. Новый пост Люсьена давал ему большие возможности влиять на депутатов и добиваться необходимых решений.

Генерал Леклерк, муж Полины Бонапарт, бывший начальник штаба Итальянской и Английской армий республики, должен был сыграть большую роль в установлении контактов с военными, в первую очередь с командирами размещенных в Париже частей. Мюрат, ранее служивший в 21-м стрелковом полку, общался увлечь своих товарищей. Он готовился к женитьбе на Каролине, сестре Наполеона.

Наконец, прекрасная и обаятельная Жозефина, прощенная великодушным мужем и имевшая доступ во многие дома, была способна тактично уговорить и привлечь на сторону Бонапарта важных и нужных людей.

Наполеон не должен был составлять план переворота, поскольку Сиейес и его коллеги уже все продумали. Когда Бо-

напарт договорился с аббатом, дело стало обретать реальные контуры. Переворот замыслился как политический и парламентский. Войска не должны были принимать в нем участия, хотя на всякий случай они будут держаться наготове.

Трое из пяти директоров сразу вошли в постоянные сношения с Наполеоном. Это были Баррас, Гойе, бывший министр юстиции, и малоизвестный генерал Мулен. Сиейес уже был союзником Бонапарта, а значит, и зависимый от него Роже-Дюко встал на сторону заговорщиков.

Наполеон мало выходил из дома — все шло к нему, и он принимал посетителей часто полуодетым, в сером сюртуке и фуражке. Он записался в члены крепостного клуба, считавшегося общим домом офицеров гарнизона, и посетил Дом инвалидов, где общался с ветеранами.

Резкая перемена климата — переход от египетской жары к влажной парижской осени — плохо отразилась на его здоровье. Его кожа потемнела, и общий вид был болезненным. Неизменным был лишь огонь его глаз.

«Из всех военных это еще самый штатский», — говорили о Бонапарте, генерале-академике, друге и коллеге видных ученых Института — Монжа, Бертолле, Лапласа, Кабаниса, Вольнея. Он посетил вдову Гельвеция и участвовал в заседаниях Института.

На одном из них он сделал доклад о состоянии Египта, памятниках древности и о Суэцком канале, когда-то связывавшем Красное и Средиземное моря. Бонапарт рассказал ученым о том, что по его заданию были выполнены замсы и съемки следов древнего канала, и эти исследования помогут восста-

новить важнейшую водную артерию. После доклада генерала слова попросил Монж: он дополнил сообщение Наполеона и подчеркнули его научную ценность.

Просвещенному генералу могли составить конкуренцию представители партии грубой военщины, большинство которых сотрудничали с якобинцами, — Моро, Бернадот, Ожеро и Журдан.

Моро, один из лучших генералов, был авторитетен, но непопулярен. Он не обладал способностью привлекать людей. Накануне переворота выяснилось и то, что у него нет политических амбиций.

Моро прибыл из Италии и был принят в Люксембургском дворце Сиейсом — тот рассчитывал поставить генерала во главе военного переворота. Сиейс ждал прихода Моро и в это время получил известие о высадке Бонапарта во Фрежюсе. Он послал за Боденом Арденнским — своим близким другом, посвященным в его планы. Боден и Моро одновременно вошли в кабинет аббата, и тот сообщил им важную новость. Боден был потрясен и счастлив: спаситель Франции вернулся! И он слышал, как Моро сказал Сиейсу: «Вот тот, кто вам нужен; он устроит переворот гораздо лучше меня!» Генерал сам отказался от участия в политике, а Боден умер на следующее утро, едва поднявшись с постели, — говорили, что от радости.

Генерал Жан-Батист Бернадот был убежденным якобинцем, другом Сен-Жюста. Он был высок ростом и наделялся крайне самодовольным и тщеславным характером. Уроженец Гаскони, он отличался пылкостью и вызывал соперников на дуэль по малейшему поводу. Колочество и хвастливость гасконца портили

его репутацию компетентного военного командира. Он широко демонстрировал свою приверженность республиканским принципам, но имел манеры величественного аристократа — явное противоречие, заметное для многих. Но при этом Бернадот был фигурой настолько яркой, что люди, увидевшие его впервые, не могли не задать вопрос: «Кто это такой?»

Бонапарт и Бернадот сразу невзлюбили друг друга. Их первую встречу в Италии Бернадот описал следующим образом:

«Я увидел человека двадцати шести или двадцати семи лет, который хотел выглядеть на пятьдесят. Это не сулит ничего хорошего для республики... Я понимаю это. Бонапарт относится ко мне с ревностью и хочет унижить меня. Мне ничего не остается, кроме того, как пустить себе пулю в лоб».

Во время Первой Итальянской кампании Бернадот был переведен с Рейнского фронта и поступил под начало Бонапарта. Для гасконца было невыносимо подчиняться крайне честолюбивому корсиканцу, который постоянно одергивал его и делал незаслуженные выговоры.

Вернувшись из Египта, Наполеон узнал неприятную для себя новость: Бернадот женился на Дезире Клари, бывшей возлюбленной Бонапарта, и это также осложняло отношения двух генералов.

Бернадот успел короткое время побыть военным министром Французской республики, но испортил отношения с аббатом Сиейесом, влиятельным членом Директории, и вынужден был уйти в отставку. Хотя генерал не пользовался доверием правительства, имел плохую прессу и нажил себе много врагов,

он продолжал держаться независимо и не ответил на призыв Бонапарта.

Болсее того, он предложил Директории судить Наполеона за дезертирство из Восточной армии и отказ пройти карантин в порту прибытия. Бернадот не принял приглашения на официальный обед в честь Бонапарта под предлогом того, что последний мог быть носителем чумы.

Бонапарт действовал хитрее: он решил не отвечать на явные провокации гасконца, но нейтрализовать его, плавно вовлекая в свою орбиту. При этом Дезире, родная сестра жены Жозефа Бонапарта, рассказывала в семейном кругу о поведении мужа.

Договорившись с Сисейсом, Бонапарт еще размышлял о том, брать ли в союзники Барраса, или оставить того в дураках. Реаль, один из приближенных генерала, считал, что Барраса лучше держать при себе: заручившись его поддержкой, можно быть уверенным, что большинство членов Директории поддержат переворот или, по крайней мере, не будут ему мешать.

Вскоре Бонапарт и Баррас выяснили отношения. Генерал обедал в Люксембургском дворце, а после трапезы зашел разговор о политике и будущем страны. Баррас говорил о перспективах военных побед, которые одержит Бонапарт. Тем самым он указывал генералу на его место, а сам пустил «пробный шар». Не смея прямо предложить себя в будущие президенты республики, он вдруг назвал генерала Эдувиля как кандидата на высший пост. Ничего не сказав в ответ, Бонапарт бросил на Барраса взгляд, полный презрения. Тот растерялся и забормотал что-то невнятное. Через минуту генерал поднялся и ушел.

От Барраса он немедленно направился к Сиейсу, жившему в другой части дворца, и скрепил союз с аббатом. Бонапарт окончательно решил делать переворот вместе с Сиейсом, при поддержке лояльных ему депутатов Совета старейшин и Совета пятисот.

На Баррасе он поставил крест, решив просто откупиться от этого коррумпированного политика. Однако союзники и помощники Бонапарта — Мюрат, Евгений Богарне, Талейран — продолжали поддерживать видимость хороших отношений с Баррасом, бывая в Люксембургском дворце. Мюрат и Евгений завтракали с адъютантами директора, пили за его здоровье и уверяли, что их начальники делают общее дело на благо республики.

Между тем Сиейс раскрыл Бонапарту детали плана. Заговорщики собирались похоронить старый порядок и ввести новую форму правления почти конституционным путем. Дело в том, что три статьи органического закона давали старейшинам право сменить резиденцию законодательного корпуса. Местом заседаний хотели назначить дворец Сен-Клу, расположенный в пригороде Парижа. Изобрести предлог будет несложно — необходимо запугать депутатов угрозами, исходящими от мнимых заговорщиков.

Вдали от политически активных народных масс депутаты легко поддадутся давлению и примут нужные решения. Сиейс и Рожс-Дюко поддерживают «революцию», Барраса необходимо отправить в отставку, Гойс можно будет перестянуть на свою сторону, а генерал Мулен не имеет политического веса. Директория распадется, а вместо нее будет создан новый исполнительный орган республики — консульство.

Бонапарт, не занимавший никаких официальных постов, будет назначен главнокомандующим войсками. Он призван обеспечить общественный порядок и безопасность депутатов.

До переворота оставались считанные дни. Бонапарт подолгу совещался с Сисейсом, а однажды, вернувшись домой, нашел у себя визитную карточку Журдана — видного военачальника и политического деятеля. Журдан надеялся склонить Бонапарта к тому, чтобы произвести переворот вместе с якобинцами и в их пользу.

До визита Журдана к Наполеону все депутаты от якобинцев собрались у Бернадота, чтобы выработать программу действий. Там был и знаменитый герой Итальянской кампании генерал Ожеро, уже сделавший несколько неудачных попыток вхождения во власть. На этом совещании единомышленников Журдан предложил: «Пойти к Бонапарту и сказать, что мы готовы поставить его во главе исполнительной власти при условии, что представительное правительство и свобода будут гарантированы хорошими учреждениями».

В ответ Ожеро начал грубо ругать Бонапарта, своего бывшего командующего, обвинял его в дезертирстве из Восточной армии и предложил «дать ему пинка под зад». Журдан смог отстоять предложенную позицию и направился на улицу Победы. Он не дождался хозяина дома, но вскоре получил через Дюрока привет от Бонапарта и приглашение вместе пообедать.

Наполеон уважал Журдана, но не принимал всерьез политических амбиций Ожеро. Люсьен заявлял, что генерал-хвостун не посмеет ослушаться приказа: «Я позову его с пистолетом в руке, и он придет».

Бонапарт и Моро никогда не видели друг друга. Их свел у себя президент Гойс — человек плотного телосложения, ростом немного ниже среднего. Наполеон был очень внимателен и любезен со своим конкурентом. Он сделал Моро комплимент: «Генерал, несколько ваших лейтенантов были со мной в Египте, — прекрасные офицеры». Между ними установились хорошие отношения, и Бонапарт подарил Моро дамаский кинжал, усыпанный бриллиантами. Моро не вникал в детали переворота, однако заявил, что готов в нем участвовать и явится по первому сигналу — как на службу.

Бонапарт имел беседы с Гойсом и Мулсом и заговорил с ними о своем возможном членстве в Директории. Оба директора отвергли эту идею, поскольку Бонапарт не достиг необходимого возраста (сорок лет). Таким образом, генерал был лишен возможности легально войти в состав высшего исполнительного органа власти республики.

Бонапарт продолжал искать пути сотрудничества с военными лидерами. Бернадот, бывший министр, уволенный по обвинению в организации антиправительственного мятежа, не поддавался ни на какие уговоры. Бонапарт дразнил его, подтрунивал над родственником, называя «шюаном», однако не мог добиться от того безусловной поддержки. Бернадот бывал на семейных сборах и пикниках, в том числе в Мортелфонтене — загородном имении Жозефа, сам устраивал обеды для Бонапартов, был любезен и словоохотлив, но упорно держался республиканских принципов.

По приглашению Бонапарта явился Журдан. Генералы пообедали, а затем выяснили отношения. Журдан согласился с

тем, что учреждения республики нужно менять, «но только без ущерба для основных принципов представительного правительства и великих принципов свободы и равенства». 37-летний генерал-якобинец заявил, что он сам и его друзья готовы присоединиться к Бонапарту, если тот сообщит им свои планы.

Наполеон ответил, что якобинцы не имеют большинства. Он не свяжет себя с одной из партий, которая к тому же недавно напугала совет предложением объявить отечество в опасности. Грядет не революция якобинцев, а важная перемена в пользу всей Франции. «Впрочем, вы не беспокойтесь — все будет сделано в интересах республики». Вероятно, Бонапарт предложил Журдану личные гарантии и удовлетворение.

Ночью накануне пересворота Жозефина передала через сына Евгения записочку для президента Гойе:

«Приходите, дорогой мой Гойе, с женой позавтракать со мной завтра в 8 ч. утра. Непременно приходите, мне нужно поговорить с Вами об очень интересных вещах. Прощайте, милый мой Гойе. Можете всегда рассчитывать на мою искреннюю дружбу. Ляпажери-Бонапарт».

На те же восемь часов утра было назначено чрезвычайное заседание Совета старейшин. Гвардейские офицеры разносили приглашения по домам депутатов, лояльных к заговору.

Старейшины потянулись по темным парижским улицам к дворцу Тюильри. Люсьен открыл заседание части своей палаты, Совета пятисот, между семью и восемью часами.

Нужный Бонапарту декрет должны были принять старейшины. Их заседание началось с доклада о заговоре террори-

стов против родины и свободы. Поскольку лидеры оппозиции отсутствовали, никто не возражал против предложенного решения. План заговорщиков безукоризненно выполнялся, и Бонапарт был назначен командующим войсками. Два инспектора направились к нему, чтобы сообщить о принятом решении.

Дом Бонапарта уже был окружен офицерами и генералами в полной парадной форме, приглашенными к шести часам утра. Они громко разговаривали и подбадривали друг друга. Солдаты, офицеры и генералы, прибывшие с Бонапартом из Египта, были вызваны все до единого.

Бертье и его адъютанты встречали вновь прибывших военных. Бонапарт сидел в своем маленьком кабинете и время от времени открывал дверь, чтобы принять очередного важного гостя.

Жозефина находилась в своих апартаментах, ожидая Гойе, но опытный политик почуял подвох и направил жену на разведку. Та увидела сборище военных и все поняла. Бонапарт, все еще надеясь добиться желаемого, попросил гражданку Гойе написать мужу записочку с просьбой непременно приехать. Она написала мужу, предупредив его о подготовленной ловушке.

Жозеф привел Бернадота, одетого в гражданский костюм. Гасконец сказал Наполеону, что он не хочет принимать участия в заговоре.

Бонапарт пустил в ход все свое обаяние. Он менял гнев на милость, угрожал взять генерала под стражу, потом снова смягчал тон. Наполеон умолял Бернадота не противиться и дать честное слово, что не выступит против родственника. Гасконец размахивал палкой, в которой была спрятана пшлага, отделы-

вался уклончивыми словами и заявлял, что останется в распоряжении законных властей. Закончив разговор с Бонапартом, он направился завтракать к своему шурину Жозефу, за столом у которого собралось множество политиков.

Прибыли инспекторы, доставившие Бонапарту текст декрета старейшин. Генерал читает бумагу и находит недостаток в принятом решении: в его распоряжение переданы все войска, национальная гвардия, гренадеры советов, но ничего не сказано о гвардии, охранявшей Директорию. Он тут же меняет подлинный текст декрета и издает приказ по армии. Бонапарт объявляет себя генералиссимусом и призывает всех к дисциплине.

Теперь он в сопровождении кортежа направляется к Тюильри. По пути к ним присоединяются кавалерийские части, которыми командует Мюрат.

Мармон, живший на улице Сен-Лазар, пригласил к себе на завтрак нескольких офицеров и предложил им участвовать в деле. Офицеры согласились, Мармон привел их на бульвар Мадлен, но двое все же сбежали. Оставшиеся должны были тронуться в путь вместе с заговорщиками, но не было лошадей. Тогда Мармон взял лошадей в соседнем Мансже.

Они скакали по улицам, заполненным людьми, живо обсуждавшими события. И Сиейес прибыл верхом в сопровождении двух адъютантов. Другие директора оставались в Люксембургском дворце, не понимая, что происходит.

Бонапарт въехал во дворец Тюильри около десяти часов. Он должен был принести присягу перед депутатами Совета старейшин — и сделал это в выражениях красноречивых и ту-

манных, ни единым словом не упомянув о конституции. Когда он произнес слово «клянусь», солдаты в один голос повторили: «Клянемся!» На трибунах раздались аплодисменты.

Заседание Совета старейшин было прервано. День только начинался, а его программа уже была выполнена. Однако Бонапарту пришлось произнести еще одну речь, и слова ее были заранее подготовлены. Дело в том, что Баррас решил наконец узнать, что происходит, и направил на разведку своего секретаря Ботто.

Посол Барраса пробился к Бонапарту сквозь толпу и внезапно получил психологический удар страшной силы. Этот удар был предназначен не ему, а ушедшему в отставку Директории.

«Что вы сделали с Францией, которую я оставил вам в таком блестящем состоянии?» — начал Бонапарт. Ботто был ошеломлен, а речь генерала слышали все военные и гражданские лица, собравшиеся в саду Тюильри. Бонапарт громко и образно говорил о бедах Франции и плохом управлении страной.

Хотя следовавшие за тем фразы были просто политическими лозунгами, впечатление было глубоким. Покорив слушателей, Бонапарт подошел к Ботто и вполголоса сказал ему о своих неизменных личных чувствах к Баррасу. Следом он провел смотр войск.

Во время смотра явился Журдан и не получил никакой роли. Для Бонапарта было достаточно, чтобы он не мешал переводу. Ожеро кинулся на шею бывшему начальнику со словами: «Как, генерал, разве вы не надсестесь больше на вашего маленького Ожеро?»

К полудню в Люксембургский дворец пришли Талейран и адмирал Эсташ Брюи и вручили Баррасу черновик прошения об отставке. Проигравший политик подписал бумагу, адресованную старейшинам, и тут же попросил разрешения удалиться в свое имение в Гробуа. Когда в Тюильри получили эту бумагу, Бонапарт тут же отрядил сотню драгун, составивших эскорт Барраса.

Между тем Гойс и Мулен артачились и не поддавались на уговоры Сийесса и Роже-Дюко, заявивших о своих отставках. Другие сторонники Бонапарта и Сийесса также не смогли убедить упрямых директоров сложить властные полномочия.

Тогда решено было использовать Моро, и он стал тюремщиком непокорных членов Директории. Бонапарт быстро провел дислокацию войск и расставил своих людей на важные посты: Андресси исполнял обязанности начальника генерального штаба, имея одним из помощников Каффарелли, брата погибшего в Сирии руководителя инженерного корпуса Восточной армии, Ланн заведовал дворцом Тюильри, Мюрат направился охранять дворец Бурбонов, резиденцию Совета пятисот, а Мармон был поставлен во главе кавалерии.

Остаток дня Бонапарт давал приказы и принимал людей. Поздно вечером он вернулся домой. Впереди был второй день, трудный и непредсказуемый. Ложась спать, Бонапарт зарядил пистолеты и положил их возле себя.

Войска, расположившиеся во всех парламентских помещениях, спали, не снимая сапог. Генерал Ланн был начеку.

9 ноября все прошло гладко, и даже противники заискивали перед Бонапартом. Но как завтра поведут себя Журдан, Ожеро,

Бернадот? Какую роль думает сыграть Люсьен? На совещаниях со сторонниками брат уверял, что контролирует Совет пятисот и заставит депутатов вотировать все что угодно. Он просил лишь одного — полной свободы действий.

Между тем Журдан и Ожеро решили не ехать в Сен-Клу, а активизироваться в случае неудачи Бонапарта. Бернадот появлялся в Тюильри и затем решил сойтись с Моро и привлечь того на свою сторону. Вечером он совещался с якобинскими депутатами и изложил им амбициозный план: Совет пятисот должен издать декрет и поставить его, Бернадота, на одну выставку с Бонапартом, и они вместе будут командовать войсками. Не все его поняли, но некоторые решили дать бой побеждающей партии сторонников Бонапарта. Бернадот пригласил якобинских лидеров к себе домой к пяти часам утра.

Лапн, охранявший Тюильри, утром хотел отправиться в Сен-Клу, чтобы участвовать в решающих событиях. «Нет, генерал, вы ранены, а нам придется долго не сходить с коня, — ответил Бонапарт. — Нет, мой друг, оставайтесь здесь».

«Бертье, — обратился он к своему главному штабисту, — вы едете со мной; вы тоже, толстый папаша (хлопнув по животу генерала Гарданна). Но что с вами, Бертье? Вы нездоровы?» Бертье: «У меня гвоздь в сапоге; я наколол себе ногу; пришлось наложить припарку». Бонапарт: «Так оставайтесь». Бертье: «Ну уж нет! Если бы даже мне пришлось едва тащиться и терпеть адские муки, я вас не покину».

Бонапарт выехал в карете со своими адъютантами. Их сопровождал отряд кавалерии. Адъютант Лавалетт ехал вместе с Бурьенном. Они проезжали место казней на площади Согла-

сия, и тут Бурьени сказал своему попутчику: «Мы будем ночевать сегодня в Люксембурге или сложим головы здесь». Сиейсс приготовил экипаж на случай неудачи и бегства и держал его в Сен-Клу, в укромном месте.

Депутаты заполнили залы. Старейпинам выделили лучшее помещение, занимавшее в длину весь первый этаж правого флигеля дворца, члены Совета пятисот разместились в оранжерее, соединенной с дворцом крытым ходом. Заседания палат открылись.

Каждые десять минут Лавалетт, дежуривший на одной из трибун Совета пятисот, являлся к Бонапарту и докладывал, что происходит. Дело двигалось очень медленно, и Наполсон терял терпение.

Прибыли Ожеро и Журдан, одетые в штатские плащи. Они изменили свое первоначальное решение оставаться в Париже и теперь бродили в окрестностях дворца, приглядывались к солдатам и слушали их разговоры.

Затем Ожеро проник в кабинет Бонапарта. Сочувственным и одновременно укоризненным тоном он посоветовал генералу сложить с себя внесконституционные полномочия. «Сиди смирно, — отвстил Наполсон, — снявши голову, по волосам не плачут».

Перемена в поведении Ожеро очевидна (он чувствует явную пробуксовку процесса). Бонапарт понимает, что пора действовать, и идет к депутатам.

Но, увы, потенциальный диктатор говорит не по делу. Он бездоказательно обвиняет и использует неудачные образы. Ничего не добившись в Совете старейшин, он направляется в Совет пятисот, где его подвергают обструкции.

Он будто забыл, что перед ним — опытные политики передовой европейской страны, и пытается общаться с ними на том языке, на котором разговаривал с каирскими шейхами. Во время перерыва между собственными выступлениями в двух палатах он бросил своему ненадежному другу: «Ожеро, вспомни Арколу!»

Бонапарт будто снова бросается на мост и слышит в ответ: «Долой диктатора! Долой тирана!» И самое страшное: «Вне закона!» Так они кричали тем, кто следом отправлялся на эшафот.

Люсьен, обещавший держать депутатов в узде, не может утихомирить собрание. Дело доходит до драки: депутаты и солдаты ринулись врукопашную, генералы Мюрат, Гарданн, Лефевр участвуют в потасовке и пускают в ход кулаки, а самому Бонапарту достается от великана Дестрема, который кричит ему в лицо: «Разве для этого ты побеждал?» И Бонапарт чувствует тяжелую руку этого депутата на своем плече. Солдаты вырывают генерала из рук парламентариев и выводят его из зала.

Люсьен пробует говорить, но его не слушают и требуют слова. С новой силой открываются прения.

Бонапарт вернулся в кабинет, где его ждали Сисейс, Рож-Дюко, генералы и другие союзники. Его речь была бессвязной, он плохо узнавал людей. Он сказал Сисейсу: «*Генерал*, они хотят объявить меня вне закона». Тот ответил: «Они сами поставили себя вне закона».

Главные слова произнесены, осталось подкрепить их действием. Мюрат и Леклерк, весь день ждавшие этого момента, просят доверить дело армии. Сисейс их поддерживает.

Бонапарт колеблется: можно ли положиться на все войска? Он выходит на воздух и приказывает подать ему коня. Он направляется в ряды гренадер и спрашивает их: «Солдаты, могу я положиться на вас?» Солдаты смущены. Бонапарт называет депутатов негодьями и изменниками: «Я шел научить их, как спасти республику, а они хотели убить меня».

Этой лжи недостаточно, и один в поле не воин. Но генералы и офицеры окружают Бонапарта, ловят каждое его слово и ведут агитацию среди солдат, добавляя многое от себя. Мюрат по пятам следует за Бонапартом, Леклерк проявляет колоссальную энергию.

И когда Бонапарт повторяет вопрос, может ли он рассчитывать на солдат, то слышит дружные крики: «Да! Да!» Это придаст ему новые силы.

Но все же, признает Лавалетт, если бы перед гвардией предстал энергичный и отважный соперник, то неизвестно, чем бы дело закончилось. Но Бернадот струсил и не явился, отсиживаясь дома, Журдан бродил в нерешительности, а Ожеро так и не напел в себе сил бросить вызов будущему тирану.

День догорал, и начался заключительный акт политической драмы. Люсьен вновь заговорил и потребовал от депутатов, чтобы они «вернули сюда генерала».

«Мы не признаем его!» — кричали ему в ответ. «К делу! К делу!» — ревели якобинцы и требовали объявить генерала Бонапарта вне закона.

И тогда Люсьен использовал последнее средство. Он сбросил с себя депутатскую тогу и швырнул ее на пол трибуны. За тогой последовали ток и шарф с золотой бахромой.

Люсьен закричал: «Я должен отказаться от надежды быть выслушанным, а так как меня не хотят слушать, я слагаю с себя на трибуну, в знак прискорбия, знаки народной магистратуры!»

Это действие дало кратковременный эффект, но Люсьен понимал, что необходимо вмешательство извне. Разглядев в толпе инспектора залы, генерала Фрежевилля, человека надежного, Люсьен наклонился к нему и быстро прошептал: «Надо прервать заседание; еще десять минут, и я уже ни за что не отвечаю!» Он попросил передать это генералу Бонапарту.

Получив сигнал, Наполсон наконец понял, что пора вывести Люсьена из зала. Капитан гренадер получает приказ и ведет с собой десять солдат. Он входит в зал заседаний Совета пятисот с громким криком: «Да здравствует республика!» Депутатам нравится этот призыв, и они умолкают.

Люсьен, усталый, близорукий, не может понять, зачем пришли солдаты. Возможно, они будут арестовывать его? Капитан доходит до трибуны, за ним гренадеры. Он приглашает Люсьена следовать за собой, но тот цепляется за перила трибуны. Офицер настаивает, а затем, став сзади него, просто берет председателя палаты под руки, насильно поднимает и ставит на пол у подножия трибуны. Гренадеры тащат Люсьена из залы, ведут его через весь замок и приводят к брату.

Теперь они были вместе — два брата, военный и парламентарий, и в глазах гвардии это очень сильный фактор. Если Люсьен сейчас заговорит, то это будет призыв от имени совета.

И младший брат, который в начале переворота мог иметь мысли о разделе власти с Наполеоном, ставя при этом себя на

важное место в государстве, теперь понимал, что необходимо последнее усилие в пользу старшего брата. Он вдохнул свежего воздуха и потребовал драгунскую лошадь.

Два брата подскакали к гренадерам, и Люсьен сказал речь, которая принесет Бонапартам победу. Он говорил о том, что работа совета парализована, поскольку его держат в страхе «несколько представителей, со стилетами осаждающих трибуну, угрожая смертью своим товарищам и добиваясь этим путем ужасающих постановлений». Не генерал, исполнитель законного декрета, а они, эти «дерзкие разбойники, без сомнения, подкупленные Англией», должны быть поставлены вне закона! Они уже не представители народа, а «представители кинжала».

Люсьен указывает на лицо Наполеона, на котором запеклась кровь, и ставит эффектную точку: он велит подать себе обнаженную шпагу, приставляет ее острие к груди брата и клянется, что убьет его, если тот когда-либо посягнет на свободу французов.

Солдаты верят этим словам. Они потрясены, тронуты и уже сами рвутся вперед. Наполеон приказывает, офицеры заносят сабли и дают знак барабанщикам.

Раздается барабанная дробь, Мюрат строит гренадер в колонну, и они идут в атаку. Первыми в зал заходят воины Мюрата, затем к ним присоединяются бойцы Леклерка.

Напрасно депутаты кричат, что солдаты «марают свои лавры». Они слышат приговор, произносимый Мюратом и офицерами: «Граждане! Вы распущены!» Скрестив штыки, воины

идут на депутатов, и те вынуждены покинуть зал заседаний — кто в страхе, бегом, а кто медленно и с достоинством.

Прошел лишь месяц со дня высадки Бонапарта во Фрежюсе, как он и его сторонники покончили с режимом Директории. В результате государственного переворота тридцатилетний молодой человек получил власть над великой страной.

ТЕАТР СЛАВЫ

Узнав об отъезде Бонапарта, Клебер был в ярости. И было от чего. Армия брошена. Казна пуста, и нечем платить людям жалованье. Пресмник справедливо обвинил Бонапарта в краже двух миллионов франков. В разговорах с приближенными офицерами он презрительно называл дезертира «герой», «Всевышний» или просто «типчик».

— Этот жулик, — негодовал Клебер, — бросил нас с его пштанами, полными дерьма. Когда мы вернемся во Францию, мы ткнем его лицом в это.

В переданном Наполеоном письме говорилось:

«Если до мая вы не получите какой-либо помощи или новостей, или если до этой стадии, несмотря на все предосторожности, вы потеряете в течение года более 1500 человек от чумы, вы уполномочены заключить мир с Османской Портой, даже если они сделают эвакуацию Египта их первым условием».

Он тут же добавлял:

«Все, что вы должны делать, — выигрывать время и фактически откладывать [репение] в соответствии с этим условием, если возможно, до заключения общего мирного договора [в Европе]».

Генерал Бонапарт, устранившись от египетских дел, не мог передать генералу Клеберу «полномочий» делать что-либо. Однако, оставляя пост и рискуя быть обвиненным в дезертирстве, Наполеон дал Клеберу инструкции и советы. Среди них были и такие:

«Я уже несколько раз просил послать в Египет труппу комедиантов, я буду проявлять особую заботу о том, чтобы они добрались до вас. Это очень важно для армии, а также для того, чтобы начать изменять привычки египтян».

Солдаты и гражданские члены экспедиции узнали о большой перемене. Теперь Египтом управлял генерал богатырской наружности, с зычным голосом и роскошными вьющимися волосами. Ни прежде, ни теперь он не верил в возможность колонизации Египта. На его взгляд, не было нужды приспособляться и корчить из себя мусульман.

Когда Клебер изучил положение дел, он написал Директории о том, что сила армии уменьшилась наполовину, многие солдаты одеты в лохмотья и не имеют обуви. Финансовое состояние армии ужасно:

«Бонапарт не оставил ни су в кассе, ни даже каких-либо аккредитивов. Напротив, он оставил дефицит около 10 миллионов франков; это более чем годовой доход в теперешних обстоятельствах. Долг перед армией составляет 4 миллиона... Из-за сезонного разлива Нила... мы не сможем начать сбор налогов до фримера [поздний ноябрь]».

Письмо было перехвачено англичанами. Премьер-министр Уильям Питт Младший решил, что в Париже это послание должно вызвать эффект разорвавшейся бомбы, и переправил

его Директории. Однако Директория доживала последние дни, и адресованные правительству Франции письма будут читать консул Бонапарт.

Первое обращение Клебера к армии гласило:

«Солдаты, скоро прибудет действенная помощь, а если нет, то мы достигнем славного, достойного мира, который оценит вас и ваши усилия и вернет вас на родину».

Ситуация была тяжелой. Турки наступали из Сирии, а в Египте нарастало народное сопротивление. Клебер решил начать переговоры. Он согласен был вернуть султану Египет и восстановить франко-турецкий союз.

В роли посредника выступил коммодор сэра Сидней Смит, победитель Бонапарта при Сен-Жан-д'Акре. Необходимо отметить, что полномочия генерала Клебера были недостаточными для того, чтобы подписывать договоры от имени Франции, а срок полномочий Смита истек.

Поначалу великий визирь был против самой идеи переговоров, но англичанину удалось добиться компромисса. Соглашение было достигнуто. Клебер, Смит и турки подписали Аль-Арипскую конвенцию, согласно которой французы должны покинуть Египет с оружием в руках, а турки оккупируют страну. Порта должна предоставить транспортные суда для возвращения французов на родину.

Все могло рухнуть в тот момент, когда турки устроили резню в Аль-Арише. Французы оказались жертвами иллюзии мирного урегулирования.

Турецкая армия под началом великого визиря наступала через Сирию на Египет. Смит протестовал против этого, но

движение продолжалось. Когда турки подошли к крепости Аль-Ариш, командир французского гарнизона численностью 250 человек приказал закрыть ворота и приготовиться к защите форта. Но солдаты, уставшие от войн, спустили национальный флаг и начали попойку. Они сбросили веревки со стен крепости, приглашая солдат великого визиря присоединиться к пиршеству. Турки влезли на стены и перерезали французский гарнизон.

Несмотря на эту трагедию, Клебер был настроен на продолжение переговоров. Он следовал «точному математическому расчету: мы должны не воевать, а достичь компромисса с этими варварами, пока мы достаточно сильны, чтобы принудить их точно выполнять условия соглашения... С момента возвращения Бонапарта во Францию прошло достаточно времени, чтобы послать нам не одно, а десять транспортных судов. Ничего послано не было... Если я выиграю битву, то получу лишь трехмесячную передышку... Если буду бит, то отвечу перед республикой за 20 000 граждан, которые, не имея возможности спастись, будут зарезаны беспечной и необузданной солдатней... поскольку в этом отношении мы сами подали роковой пример».

Клебер послал своего представителя в Аль-Ариш. Прибыв на место, француз увидел головы товарищей, напизанные на турецкие пики. Сама армия великого визиря представляла собой многоплеменное воинство — турки, арабы, сирийцы, албанцы, мамелюки, марокканцы и нубийцы. Все были в традиционных одеждах и прятались от солнца в разнообразных убежищах: одни — в примитивных палатках, обтянутых кожей, другие —

в богатых павильонах, внутри увешанных шелковыми коврами.

Как первого, так и следующих посланцев Клебера великий визирь принимал очень вежливо, однако выполнять условия соглашения и отступать турки не собирались. Французам объяснили, что отступление — не в обычаях великого визиря. Его армия была похожа на силу, которая идет вперед, направляемая собственной коллективной волей.

Сидней Смит узнал о том, что лорд Кейт, главнокомандующий Средиземноморским флотом Британии, дезавуировал Аль-Арипскую конвенцию. Кейт посчитал условия соглашения слишком мягкими для французов, находившихся в бедственном положении. Это полностью соответствовало позиции Уильяма Питта, который рассматривал лишь один сценарий — безусловную капитуляцию французской армии. Правительство Британии не могло допустить, чтобы Восточная армия вернулась во Францию для усиления Наполеона.

Смит совершил феноменальный поступок: следуя логике джентльмена, он сообщил Клеберу об отказе лорда Кейта.

18 марта 1800 года Клебер, до того колебавшийся, вынужден был покончить со всякой неопределенностью. Он получил составленную в резких выражениях британскую ноту, в которой сообщалось об отказе в ратификации Аль-Арипского договора.

Между тем турецкая армия приблизилась к Каиру. Клебер мобилизовал войска. У него было 10—12 тысяч солдат, у турок, по разным оценкам, — от 40 до 70 тысяч.

Рано утром 20 марта Клебер вышел из Каира навстречу армии великого визиря. Бой у древнего Гелиополиса, в пяти милях к северо-востоку от Каира, стал последней батальей генерала Клебера. Победа была решительной и имела важные последствия — в течение нескольких дней турки были изгнаны из Египта.

Когда генерал Мену поздравлял Клебера с успехом, главнокомандующий ответил:

«Моя тупость столь велика, что даже сегодня я не считаю Аль-Арипскую конвенцию политической ошибкой. Не нужно, чтобы кто-либо сложил голову ради победы, которую я одержал с моей армией. Даже сегодня я глубоко убежден, что посредством договора я добился того, чтобы положить разумный конец безрассудному предпринятию. Даже сегодня я остаюсь в убеждении, что мы не получим никакой помощи из Франции и что мы никогда... не сможем основать никаких колоний в Египте, пока хлопчатники и пальмовые деревья не начнут давать солдат и пуль».

Однако сын великого визиря, Нассиф-папа, не разделил всеобщей паники, охватившей турок, и сразу же после катастрофы у Гелиополиса повел подчиненные ему войска на Каир, прикрытый небольшим отрядом французов. Нассиф-папа объявил жителям Каира, что «неверные» разбиты.

Эта ложь вызвала мятеж, который Клебер подавил самым жестоким образом. Он вновь согласовал условия мира. Нассиф-папа убрался в Сирию, и Клебер взял Египет под контроль.

В разгар беспорядков в Каире к генералу Клеберу прибыл нарочный от Мурад-бея, чтобы сообщить о том, что уставший

от кочевой жизни вождь мамелюков принял ранее сделанные французским главнокомандующим предложения.

Клеберу удалось то, что так и не получилось у Бонапарта, — помириться с мамелюками. Суть его предложения была предельно проста: Мурад-бей становится губернатором Верхнего Египта, если поддержит французское правление.

Однако воспользоваться плодами своего дипломатического успеха Клеберу не пришлось. 14 июня 1800 года он был убит во время прогулки в саду дворца, являвшегося штаб-квартирой французской армии.

Убийцу Клебера звали Сулейман. Это был молодой сириец родом из Алеппо. Его судили и подвергли мучительной казни.

Генерал Мену, сменивший Клебера на посту главнокомандующего, должен был противостоять не только туркам, но и англичанам. В марте 1801 года вблизи Александрии высадился экспедиционный корпус сэра Ральфа Аберкромби, а немного позже на побережье Красного моря появилась объединенная англо-индийская армия.

После ряда сражений, неудачных для французов, стороны договорились о мире. Первую конвенцию подписал в июне генерал Бельяр, стоявший во главе каирского контингента французских сил. Условия соглашения почти в точности повторяли пункты Аль-Аришской конвенции.

Бельяр рассматривал возможность движения на юг для соединения с новым союзником — Мурад-беем. Но вдруг произошло то, что можно назвать исторической случайностью: Мурад-бей умер от чумы, а его преемник решил сотрудничать с англичанами.

Генерал Бельяр выполнил условия конвенции. 6 июля 1801 года английские солдаты, держа ружья наготове, наблюдали торжественное и печальное зрелище: первая партия французов, покорителей Египта, покидала Каир. Военные оркестры играли похоронную музыку. Французы шли молча, с полной военной выправкой. Они несли гроб с забальзамированным телом Жана-Батиста Клебера.

Тринадцать тысяч воинов, ученых, администраторов, офицерских жен шли под палящими лучами солнца — Франция покидала берега Нила. Гроб с телом Клебера был помещен на борт судна в Булаке, над гробом реял большой черный флаг. Двумя неделями позже из Каира ушли последние участники Египетской экспедиции генерала Бонапарта.

За три года, которые они провели здесь, французы многое успели. О военных победах теперь вспоминали нечасто, но следует сказать о других достижениях. Об измененном облике Каира и капале, связавшем Александрию и Нил. О восстановленной оросительной системе и новых мельницах, что способствовало развитию сельского хозяйства. Об организации госпиталей в Александрии, Розетте, Дамiette, Каире, исследованиях причин чумы и офтальмии и организации карантинной системы. О находке Розеттского камня и о достижениях Каирского Института — о начале египтологии и первых шагах на пути расшифровки иероглифов; об объяснении эффекта миражей, данном Монжем; об исследованиях натриевых озер, проведенных Бертолле и генералом Андреосси; об исследовании коптских монастырей, сделанном тем же Андреосси; о проведенных раскопках и найденных ценностях; о первом

исследовании древнего канала, следы которого обнаружили Наполеон и его спутники, что в конце концов воплотилось в строительстве Суэцкого канала; о работах Фурье в области алгебраических серий; о достижениях Бертолле, приведших его к созданию теории химических реакций; о проведенных им исследованиях свойств каустической соды, которую древние египтяне использовали при мумификации; об исследованиях геологии, демографии, флоры и фауны, минералов, физики и географии Египта, о созданных картах и календарях, о широкомасштабном изучении нильских рыб и минералов Красного моря, растений дельты Нила.

К этому нужно прибавить художественные образы страны, позднее воплощенные в книге Денона и «Описаниях Египта»: сотни рисунков древних городов и селений — живых и полуразрушенных, нетронутой природы, мужчин и женщин, бесчисленных иероглифов, морей и чудных островков, степных битв, морских баталий и лесов корабельных мачт. Здесь оружие мамелюков и их лошади, шейхи и феллахи, выразительные лица старцев и гаремные покои, одежды египтян и жанровые сценки, бытовые зарисовки и похоронные процессии, мечети и минареты, богатые кладбища и части мумий, колонны и дворцы, сады и пальмы, мулы и верблюды, змеи и насекомые, пирамиды и надписи на гробницах — мир новый, бурлящий и царство вечного покоя.

Солдаты, ученые и инженеры, медики, архитекторы и деятели культуры покидали Египет. Они были доставлены в Розетту и помещены на британские суда, готовые отплыть во Францию.

Мену продолжал сопротивление в Александрии, но и он 2 сентября принял условия, на которые ранее пошли Клебер и Бельяр.

Бонапарт был крайне недоволен потерей Египта. Он пытался помочь своей Восточной армии, но посланные им по морю подкрепления оказались явно недостаточными для того, чтобы удержать страну под владычеством Франции.

В октябре 1801 года французы окончательно покинули Египет. Воля великого гения привела их сюда, воля великого человека спасла их от смерти и бесчестия.

СОПУТНИКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Не все участники экспедиции терпеливо ждали естественной развязки событий — некоторые искали и находили способы отправиться домой как можно раньше. Обстоятельства сложились так, что на одном из кораблей оказались два очень непохожих человека — генерал Александр Дюма, будущий отец знаменитого писателя, и минералог Доломье.

Последний был членом Института в Каире по секции физики и принимал участие в научных экспедициях по Египту. Одну из них возглавил генерал Мену. В середине сентября 1798 года он направился в дельту Нила в сопровождении Доломье, Денона, музыканта Вийото и гражданина Джоли. Группу сопровождали местные гиды и охранял кавалерийский эскорт из двухсот всадников под командованием бригадного генерала Мармона.

Участники экспедиции углубились в районы восточной дельты, затопленные разливом великой реки, и встречали теплый прием местного населения. В одном из пунктов генерал Мену, несколько ученых и гидов отделились от основной группы и поскакали вперед.

Мену рассказал следующее:

«Мы слышали крики, доносившиеся из близлежащей деревни, и толпа вооруженных людей атаковала нас. Местные гиды пытались их успокоить, но они произвели несколько выстрелов в нашу сторону. Ввиду того что нас было мало и вооруженный эскорт также был малочисленным, мы почувствовали необходимость ответить им, вначале несколькими предупредительными выстрелами и затем более серьезно».

Французы столкнулись с группой из двухсот разъяренных аборигенов. Вскоре они увидели, как египтяне окружают их и пытаются отрезать пути отступления. Участникам экспедиции не оставалось ничего другого, кроме как пробиваться сквозь толпу.

Денон, Доломье и Вийото обнажили шпаги, вынули пистолеты и начали прокладывать себе дорогу. Однако, рассказывает Мену, «один из художников, бывших с нами, гражданин Джоли, совершенно потеряв голову, прыгнул с лошади и кричал от страха пронзительным голосом... Мы все кричали, кружа вокруг него, умоляя вновь оседлать лошадь или запрыгнуть на одну из наших лошадей».

Однако Джоли обезумел от ужаса и упал на землю, словно эпилептик. Враги приблизились, и французы были вынуждены оставить Джоли на растерзание толпы.

Появился вооруженный эскорт. Египтяне вернулись в деревню, забаррикадировались и удерживали оборону остаток дня и ночью. Они исчезли под покровом тьмы.

«Мы потеряли двадцать солдат, — вспоминал Мармон, — убитыми либо ранеными; под генералом Мену пала лошадь.

*Наполеон Бонапарт
на Аркольском мосту.
Художник А. Ж.Гро*

*Контр-адмирал сэр Горацио Нельсон.
Художник Л.-Ф. Абботт*

*Генри Дандас, первый виконт
Мелвилл. Художник Т. Лоуренс*

*Жозефина Богарне.
Художник А. Анпиани*

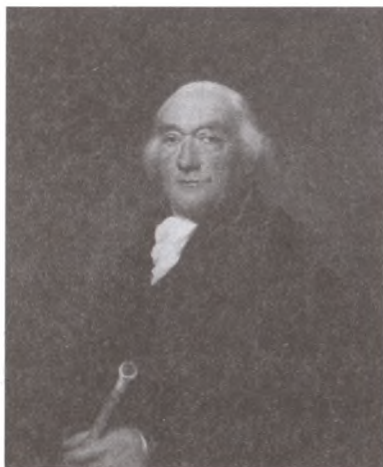
*Французский химик Клод-Луи
Бертолле. Художник Ж.П. Сюдр*

*Французский геолог и минералог
Деода де Доломье.
Художник А. Тардю*

*Адмирал Джон Джервис
Художник Л.-Ф. Абботт*

*Капитан Уильям Локер.
Художник Л.-Ф. Абботт*

*Премьер-министр Великобритании Уильям Питт Младший.
Художник Т. Гейнзборо*

Нельсон в сражении у мыса Сент-Винсент. Художник Р. Кливли

Нельсон ранен при попытке атаковать город Санта-Круз, столицу Тенерифе. Неизвестный художник

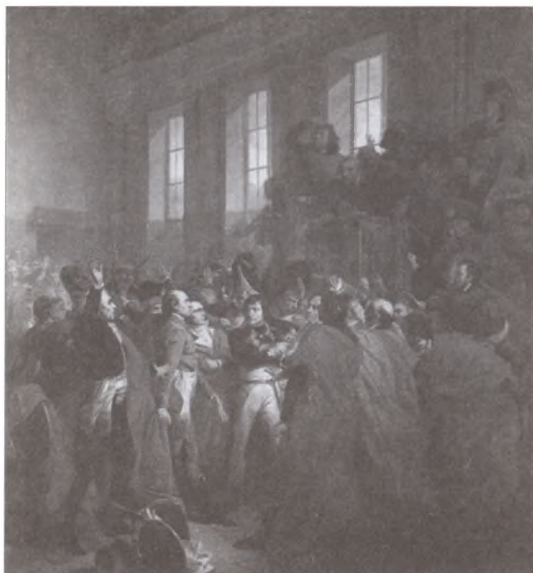
Контр-адмирал сэр Горацио Нельсон принимает шпагу французского офицера из рук гардемарина на борту корабля «Вэнгвард» после Нильской баталии. Художник Г. Хэд

*Коммодор Горацио Нельсон
в бою у мыса Сент-Винсент. Художник Р. Холингфорд*

Битва у Нила 1 августа 1798 года. Художник У. Андерсон

Генерал Бонапарт в окружении членов Совета пятисот в Сен-Клу, 10 ноября (19 Брюмера) 1799 года. Художник Ф. Бушо

Наполеон в Египте. Художник А.Ж. Гро

Египетская экспедиция Бонапарта. Художник Л. Конье

*Генерал Жан Виктор Моро.
Гравюра А. Кардона*

*Взрыв «Ориента».
Художник Ж. Арно*

*Люсьен Бонапарт.
Художник Ф.К. Фабр*

*Фронтиспис французской книги
«Описания Египта»*

*Коммодор сэр Сидней Смит при осаде
Акра. Художник Д. Экштейн*

*Иоахим Мюрат.
Ф.П. Жерар*

Король Фердинанд IV с семьей. Художник А. Кауфман

*Битва при Копенгагене 2 апреля 1801 года.
Картина XIX века*

Наполеон пересекает Альпы. Художник П. Деларош

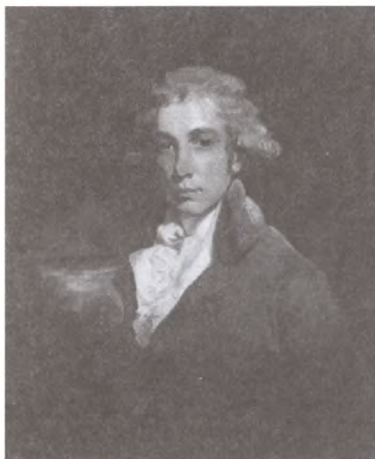
Извержение Везувия. Художник Д. Райт

*Наполеон Бонапарт —
Первый консул Республики.
Художник А.Ж. Гро*

*Британский политический деятель
Чарльз Джеймс Фокс.
Художник А. Хикель*

*Британский писатель и политик
Ричард Бринсли Шеридан.
Художник Д. Хоппнер*

*Адмирал Эшташ Брюи.
Гравюра XIX века*

Наполеон Бонапарт посещает верфи в Булони. Художник М. Оранж

Церемония награждения орденами Почетного легиона в Булони 16 августа 1804 года. Картина XIX века

Перед Трафальгарской битвой, на борту флагманского корабля «Виктори». Нельсон объясняет план атаки. Гравюра Ф. Крейга

*Флагманский корабль «Виктори»
в проливе Гибралтар.
Гравюра XIX века*

*Трафальгарская битва.
Фрагмент картины
К. Стэнфилда*

Битва при Трафальгаре. Картина XIX века

Трафальгарская битва. Художник Д.М. Тернер

Трафальгарская битва. Художник Н. Полок

Капитан Харви и его команда «очищают палубу» от французов и испанцев в битве при Трафальгаре. Картина XIX века

*Адмирал Нельсон смертельно ранен.
Фрагмент картины Д. Дайтона*

*Смерть адмирала Нельсона.
Гравюра XIX века*

*Смерть Нельсона во время битвы при Трафальгаре.
Художник Б. Уэст*

*Горацио Нельсон.
Гравюра XIX века*

*Наполеон Бонапарт.
Гравюра XIX века*

Несчастному Джоли отрубили голову, позже мы нашли его изуродованное тело».

А в октябре Доломье и Денону вместе со знаменитым биологом Жоффруа Сент-Илером пришлось с оружием в руках держать оборону в одном из зданий Института в Каире, отбиваясь от мятежников.

Доломье, которому было сорок восемь лет, тяжело переживал эти события. И он возмущался авторитаризмом Бонапарта. Ученый не мог простить генералу нелепой попытки вовлечь себя в переговоры с рыцарями Мальты.

Он подготовил доклад для Института в Каире, названный «Время разрушает все». Труд был посвящен руинам Александрии, но все поняли, что истинный смысл работы — критика Бонапарта.

К тому времени главнокомандующий стал получать множество рапортов от военных с просьбой разрешить им покинуть Египет, в основном по состоянию здоровья. Наполеон заявил, что готов давать такие разрешения, — только пусть военные при этом не ссылаются на мнимые болезни.

Однако многие боялись, что их карьера пострадает, и оставались служить в рядах Восточной армии. У Доломье не было подобных опасений, и он решил покинуть Африку.

Он быстро получил разрешение и составил компанию генералу Дюма, недовольному и Бонапартом, и условиями службы. Силач и храбрец Дюма получил у доктора Деженетта справку о плохом состоянии здоровья, чем вызвал гнев главнокомандующего.

Первый корабль, на борту которого находились солдаты Восточной армии, имевшие тяжелые увечья и совершенно ослепшие от офтальмии, покинул порт Александрии 15 декабря. Это было геноуэзское торговое судно, и ему удалось ускользнуть от англичан, блокировавших африканский берег.

Три недели спустя корабль бросил якорь на острове Сицилия — владении короля Неаполя. Капитан судна не знал о том, что король объявил войну Франции, и это неведение имело ужасные последствия. Все больные и раненые были доставлены в местную тюрьму. Вскоре туда ворвалась разъяренная толпа, и пленники были насмерть забиты камнями.

Трагедия произошла 20 января 1799 года, и подобные события нельзя считать лишь эксцессами отдельных лиц. Правительство Неаполя призывало вести против Франции негласную войну, прибегая к убийствам и отравлениям.

Наполеон был страшно возмущен зверством жителей Сицилии. Среди погибших был его друг Симон де Сюси, с которым он был дружен до революции. В своих мемуарах Наполеон написал:

«Начальник военно-строительных работ Сюси был болен; его рана не заживала; он пожелал вернуться во Францию. Он ушел из армии и в Александрии был принят на борт большого транспорта вместе с двумястами инвалидами — слепых или с ампутированными конечностями. Плавание протекало сначала удачно, но в связи с истощением запаса воды судно пристало к берегу Сицилии, чтобы набрать свежей. Свирские островитяне напали на судно, зарезали Сюси и несчастных солдат, которые избегли стольких опасностей и бед в стольких

сражениях; виновники этого ужасного преступления не были наказаны; говорили, что они получили за него награду!!!».

Наполеон излагает несколько иную версию событий, но суть от этого не меняется. И плохо было то, что оставшиеся в Египте французы ничего не знали о случившемся.

Дюма зафрахтовал небольшой корабль «Бель-Мальтэз», к нему присоединились Доломье и несколько товарищей. Судно покинуло Александрию, миновало блокадные кордоны англичан и направилось примерно по тому же маршруту, что и первый корабль. Сильный шторм заставил капитана искать убежище в Таранто — владении короля Неаполя. Здесь ученый и генерал были схвачены и брошены в темницы.

Все было против несчастных французов. Доломье попал в руки неаполитанских судей, среди которых оказались бывшие рыцари Мальты, лишенные владений. Они сполна отомстили Доломье, продержав его в тюремном заключении двадцать один месяц.

Мужественный ученый страдал от болезней, но продолжал свои труды: он использовал куски угля и написал ими на полях Библии трактат под названием «Философия минералогии». Позднее он был признан одним из важнейших трудов эпохи, поскольку «поднял минералогию на уровень точности, ранее достигнутый химией».

Доломье удалось сохранить свою работу, и после освобождения из тюрьмы он вернулся во Францию. Его здоровье было окончательно подорвано, и ученый скончался в 1801 году, вскоре после публикации трактата.

Богатырь Дюма был переведен в Бриндизи. «На следующий день после моего приезда в замок Бриндизи, — вспоминает он, — когда я прилег отдохнуть, через прутья зарешеченного окна ко мне в комнату влетел большой пакет и упал на пол. В нем были два тома книги Тиссо под названием «Сельский врач». Записка, вложенная между страницами, гласила: “От патриотов Калабрии: смотри слово *ЯД*”. Я отыскал это слово в тексте: оно было дважды подчеркнуто. Я понял, что мне грозит опасность...

Прошло несколько дней... Тюремный врач посоветовал мне есть бисквиты, размоченные в вине, и вызвался мне их прислать. Через десять минут после его ухода принесли обещанные бисквиты. Я точно выполнил его предписание, но к двум часам пополудни у меня начались такие сильные спазмы в желудке и рвота, что я не смог обедать. Приступы боли все усиливались, и я лишь чудом не отправился на тот свет. Характер спазм и рвоты свидетельствовал об отравлении мышьяком...

Как следствие отравления я сильно оглох, полностью ослеп на один глаз, и меня разбил паралич... Эти симптомы одряхления появились у меня в тридцать три года и девять месяцев, что явно доказывает, что в мой организм ввели какой-то яд...

Как и Доломье, он провел в тюрьме два года, страдая от жестокого обращения. Прославленный генерал вышел из заключения изувеченным, полупарализованным, с язвой желудка. Во Флоренции он встретился с Мюратом, старым другом и товарищем по оружию. Им было что вспомнить: оба великих кавалериста, не боявшихся ни черта, ни дьявола, сделали блестящую карьеру в годы революции и сражались бок о бок в Италии и Египте.

С самого начала своей службы в армии Дюма, сын маркиза и чернокожей рабыни-гаитянки, прославился подвигами, достойными Геркулеса. Он мог засунуть по пальцу в четыре ружейных дула и нести на вытянутой руке все четыре ружья. Или зажать лошадь в шенкелях и подтянуться вместе с нею, ухватившись за потолочную балку в конюшне.

Он быстро дослужился до дивизионного генерала. Когда в одном месте он приказал изрубить на дрова гильотину, его прозвали «Человесколюбцем».

В Альпах он захватил гору Сенис с отрядом в несколько человек. Храбрые вскарабкались по отвесному утесу с помощью кошек. Добравшись до вершины, солдаты остановились перед палисадом противника и не знали, как преодолеть препятствие. Тогда Дюма начал хватать их за штаны и одного за другим персбрасывал через палисад, прямо на ошеломленных австрийцев.

Поступив под начало Бонапарта, Дюма продолжал совершать подвиги, о которых известно из писем главнокомандующего: он лично отбил шесть знамен у численно превосходившего врага, умело допросил шпиона и узнал планы австрийцев, а под Мантусей остановил армию Вурмсера (в том бою под ним пали две лошади).

При Клаузене, у въезда на Бриксенский мост, Дюма задержал в одиночку целый эскадрон. Поскольку мост был узким, то на Дюма могли наступать одновременно не более двух или трех человек. Герой был трижды ранен, его плащ был пробит пулями в семи местах, но он продолжал разить врагов одного за другим и остановил наступление австрийцев.

Он пользовался огромной популярностью в армии, и солдаты души в нем не чаяли. Австрийцы прозвали его «Черным дьяволом». Генерал Жубер, друг и начальник Дюма, сравнил его с Баярдом.

«И все же, — считает генерал Тибо, служивший вместе с богатырем-мулатом, — несмотря на его храбрость и на все его заслуги, из бедняги Дюма, которого можно было назвать лучшим солдатом своего времени, генерала не получилось».

Клеветники не упускали случая опорочить прямодушного и честного Дюма. Генерал Бертье, начальник штаба армии, всячески принижал его заслуги.

Однако Наполсон ценил незаурядных людей и, собираясь в Египет, вновь пригласил генерала под свои знамена. Дюма возглавил кавалерию, сражался в Битве у пирамид, а во время подавления каирского бунта захватил мечеть Аль-Азхар, в которой засели повстанцы. Найденные в мечети сокровища он отослал главнокомандующему, остро нуждавшемуся в деньгах.

Бонапарт использовал Дюма, а затем бросил его в трудную минуту на произвол судьбы по причине вполне понятной. Дюма считал, что экспедиция в Египет предпринята ради выпендривания одного человека, и в резких выражениях публично критиковал действия Бонапарта. Тот не простил ему «призыва к мятежу».

Мюрат помог Дюма, поддержав его морально и материально. Но первый консул был непреклонен и написал главному врачу Деженетту, который хлопотал за генерала-инвалида:

«Так как вы считаете, что по состоянию здоровья он уже не сможет спать по шесть недель кряду на раскаленном песке или

в трескучие морозы на снегу, прикрывшись лишь медвежьей шкурой, то как кавалерийский офицер он мне больше не нужен. Его с успехом можно заменить первым попавшимся капитаном...»

Тогда Дюма сам написал первому консулу, указав на свои стесненные обстоятельства и напомнив о «сокровищах Каира». Ответа не было, и не будет в дальнейшем.

Дюма не получит ни жалованья, ни пенсии. Лишь Бертье выхлопотал для него постоянное разрешение на охоту в лесах Вилле-Котре.

«Оказавшись в запасе, тяжелобольной, он не переставал молить Бога о победе французского оружия, — вспоминал Жан-Мишель Девиилен, инспектор лесов. — Воистину трогательно было слышать, как за несколько часов до смерти он говорил, что ему хотелось бы быть похороненным на поле Аустерлица».

Лишь два участника Египетской экспедиции получили титулы «султанов»: Бонапарт был назван великим султаном, а генерал Дезэ — справедливым султаном. Дезэ получил этот титул от местных жителей, и это был знак великого уважения к его заслугам и человеческим качествам.

С самого начала экспедиции Дезэ играл особую роль — Бонапарт назначил его командиром авангарда. Дивизия Дезэ первой входила в незнакомые селения, а ее разведчики первыми узнавали о передвижениях вражеских сил.

В Битве у пирамид солдаты Дезэ приняли первый удар кавалерии мамлюков, а затем поплы в контратаку. Когда после

победы в этой битве Наполеон узнал о нежелании разбитого Мурад-бея сотрудничать с французами, он приказал Дезэ преследовать вождя мамелюков. Это была удивительная эпопея — по сути дела, отдельная кампания по завоеванию Верхнего Египта.

Дезэ в точности выполнил приказ Бонапарта «вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой», хотя ему пришлось испытать многие приключения. Простившись со своими войнами, он отправился из Александрии в опасное плавание через Средиземное море на бриге «Санта-Мария делла Грация». На другом корабле шёл генерал Даву, который во время похода в Верхний Египет служил под началом Дезэ.

Герои многотрудного похода успешно пересекли Средиземное море, миновали Сицилию, Сардинию и Корсику, но вдруг их задержал английский фрегат. Великобритания и Франция находились в состоянии войны, и два генерала должны были рассматриваться англичанами как военнопленные. Однако в январе 1800 года французы, англичане и турки подписали конвенцию, суть которой заключалась в том, что французы оставляют Египет и возвращаются на родину на своих и турецких судах, а британцы и русские гарантируют им свободный путь. Дезэ и Даву, «египетские французы», подпадали под действие конвенции (которая в итоге не будет ратифицирована), и их сопровождал парламентар-англичанин. Однако капитан фрегата сослался на приказ лорда Кейта, согласно которому всех французов, возвращавшихся из Египта, следовало доставлять в итальянский порт Ливорно, что и было сделано.

С республиканских судов сняли паруса и рулевые колеса, а Дезз, Даву и сопровождавшие их лица были направлены в лазарет для прохождения карантина. Там они вели беседы, играли в различные игры и устраивали шуточные военные действия, взламывая окна и двери.

Наконец через месяц им выдали паспорта, и генералы могли продолжить плавание. Они были вблизи Фрежюса, когда внезапно появились два пиратских корабля. Французам грозил тунисский плен, но капитан одного из их кораблей знал капитана корсаров. Дружба двух капитанов спасла французов. 24 апреля Дезз и его спутники прибыли в Тулон, откуда экспедиция начиналась. Им пришлось пройти 25-дневный карантин.

В ночь с 5 на 6 мая 1800 года Наполеон вышел из Парижа и направился в Женеву. 50-тысячная армия готовилась к походу. Дезз прибыл как раз вовремя и получил приказ присоединиться к первому консулу.

К тому времени Россия вышла из антифранцузской коалиции, и Австрия в одиночку продолжала войну на континенте. Наполеон принял на вид простое, но трудновыполнимое решение: пересечь заснеженные Альпы и атаковать австрийцев с тыла.

Он совершил этот тяжелейший и опасный переход, потеряв значительную часть оборудования, и оказался на знакомой равнине. В это время английский флот со стороны Средиземного моря и австрийцы под командованием Меласа на суше блокировали в Генуе армию генерала Массены. У последнего закан-

чивались съестные припасы, и Бонапарт должен был освободить заблокированную армию.

Однако первый консул не выручил Массену, и тот был вынужден сдаться Меласу, хотя и на выгодных условиях. Бонапарт намерен был разгромить войска австрийского генерала, но тому удавалось избегать столкновения в течение нескольких дней.

Наконец оно все же произошло — и в плохом для французов варианте. 14 июня Наполеон столкнулся у Маренго с австрийской армией, имевший 30 000 солдат и сотню орудий. Бонапарт, распыливший свои силы, имел 23 000 воинов и лишь 20 пушек.

Битва началась в девять часов утра, причем Наполеон сумел достичь поля боя только к одиннадцати часам. К тому времени почти вся армия уже была втянута в сражение, и у первого консула оставалось мало возможностей влиять на события.

Он направил приказы командирам разрозненных частей, в том числе Дезэ, прося прибыть на поле боя. Дезэ решил это сделать еще до того, как получил письмо Бонапарта.

Между тем австрийцы теснили французов по всей линии. Они были настолько уверены в успехе, что начали располагаться на отдых целыми воинскими частями и готовили обед.

71-летний Мелас был легко ранен и покинул поле боя. Он считал себя победителем.

Когда Дезэ прибыл, он спокойно оценил обстановку. Генерал сказал Наполеону, что битва проиграна, но есть время дать новое сражение. Дезэ имел одну дивизию и несколько орудий.

Бонапарт начал контрнаступление, которому предшествовала артиллерийская канонада. Вдруг взлетела на воздух телега с боеприпасами, и на шокированных австрийцев накатилась волна пехотинцев Дезэ и кавалеристов Келлермана-младшего.

Взрыв телеги оказал огромное воздействие на психику австрийцев. Случись он чуть раньше или позже, эффект не был бы столь сильным.

Дезэ повел своих воинов и получил смертельное ранение — трагедия произошла в самом начале боя. Осталось тайной, была ли это австрийская или пальная французская пуля.

Австрийцы смешались, а затем побежали. «Судьба битвы зависит от единственного момента», — заметил Наполеон. Он снова стал победителем, но одновременно был убит горем — погиб его друг, блестящий, непобедимый генерал. Бонапарт говорил о своей глубокой боли, вызванной смертью человека, которого он любил и уважал более чем кого-либо еще.

— Если бы я мог сейчас обнять Дезэ! — воскликнул первый консул.

Австрийцы потеряли 6000 солдат убитыми, 8000 пленными и 40 пушек. Потери французов составили около 6000 человек.

Хотя раны, нанесенные австрийской армии, не были смертельными, Мелас запросил перемирия. Согласно условиям конвенции, подписанной в Александрии, австрийцы вывели войска за реку Тичино, сдали крепости в Пьемонте, Ломбардии и Миланскую цитадель. Франция восстанавливала контроль над Северной Италией.

Бонапарт направил Мюрата в папские государства и послал небольшую армию для захвата Тосканы.

Он был вне Парижа в течение двух месяцев, и в это время военный министр Карно, якобинец Бернадот и герой революции Лафайет плели политические заговоры.

Однако новости о победе при Маренго положили конец всем разговорам о «правительстве без Бонапарта» и интригам недоброжелателей. Парижане ликовали по случаю победы и верили в то, что Наполеон вновь принесет Франции мир.

К концу года Моро победил при Гогенлиндене и открыл дорогу на Вену. Начались мирные переговоры между Французской республикой и Австрией, выступавшей от своего имени и от имени Священной Римской империи германской нации. Они должны были вестись в Люнсвиле.

Империя снова договаривалась с республикой, а Англия теряла важнейшего союзника в лице Австрии, оставаясь наедине с Францией. Главные актеры на европейской политической сцене должны были пересмотреть свои роли и перераспределить сферы влияния.

Австрийский император Франц назначил своим представителем графа Кобенца и уполномочил его отправиться в Париж до начала мирных переговоров. Выбор был понятен — переговоры, которыми завершилась Первая Итальянская кампания, вел именно он.

Граф Кобенцль надеялся легко восстановить прежние отношения с Бонапартом, но первый консул повел себя так, что Кобенцлю пришлось забыть о том, что он ранее был «накоротке» с генералом.

«Бонапарт, — писал Талейран, — дал ему первую аудиенцию в девять часов вечера в Тюильри. Он сам выбрал комнату для его приема; это была гостиная перед кабинетом короля. В углу он велел поставить маленький столик, за который сел сам; все кресла были вынесены, и оставались одни только кушетки, находившиеся далеко от Бонапарта. На столе лежали бумаги и стояла чернильница; горела лишь одна лампа; постра не была зажжена. Кобенцль вошел; я сопровождал его. Мрак в комнате, расстояние, которое нужно было пройти, чтобы приблизиться к столу Бонапарта, которого он с трудом мог разглядеть, некоторое замешательство, возникшее вследствие этого, движение Бонапарта, который встал и снова сел, невозможность для графа Кобенцля сесть немедленно поставили каждого на свое место или, по крайней мере, на место, предназначенное каждому первым консулом».

Такой встречей австрийского дипломата Бонапарт задал свой стиль общения с государственными деятелями и главами государств европейских стран, стиль презрительный и высокомерный. Он считал, что обладает исключительным правом вести себя подобным образом. Наполеон выше всех королей, императоров и министров, поскольку они все похожи друг на друга, а его власть — новая, и человек он уникальный. И удивляться надо не тому, что он так думал, а тому, что ему действительно удалось внушить это и современникам, и потомкам.

ПЛОХИЕ ВРЕМЕНА

Нельсон надолго задержался в Неаполе.

Британский посол убедил его в том, что дальнейшая миссия адмирала заключается в вытеснении французов из Италии. Они якобы угрожают Неаполю. Первыми, кто так думал, были король и королева, и Нельсон согласился с доводами посла и монаршей четы.

Английский адмирал высоко оценил армию Неаполя. «Насколько я разбираюсь в этих вопросах, я согласен, что лучшей армии нельзя себе представить», — доложил он Адмиралтейству.

Считая, что французов надо опередить, неаполитанцы выступили в поход. В ноябре 1798 года их армия под командованием австрийского фельдмаршала Мака двинулась в северном направлении, в то время как Томас Тробридж был послан Нельсоном для помощи герцогу Тосканы в Легхорне.

Неделей позже король Фердинанд вошел в Рим и занял дворец Фарнезе. Но он недолго наслаждался успехом: французы перешли в контрнаступление, нанесли королевским войскам жестокое поражение и взяли в плен десять тысяч солдат. Остальные бежали, бросив багаж.

Разбитый король вернулся домой, а Мария-Каролина смертельно боялась возможного якобинского бунта — она помнила о судьбе своей сестры Марии-Антуанетты. Французы наступали, и нужно было немедленно бежать.

Нельсон вынужден был отозвать корабли Тробриджа из Легхорна и согласился перевезти королевскую семью и весь двор в Палермо, на остров Сицилия. Это вызвало крайнее недовольство графа Франческо Караччиоло, командующего военноморскими силами Исаполя.

Эмма Хэмилтон провела королевскую семью и слуг по секретному проходу из дворца в бухту. Флагманский корабль адмирала Нельсона был нагружен ценностями на сумму 2,5 миллиона фунтов стерлингов.

Ненастная погода целый день удерживала корабль в бухте. Беглецы очень боялись быть обнаруженными.

Шторм не утихал, и Нельсон решил отчаливать. Позднее он вспоминал, что никогда не сталкивался с подобной стихией. Король и королева были в угнетенном состоянии, а их младший сын, шестилетний принц Альберт, умер от истощения во время плавания на руках Эммы Хэмилтон. Сэр Уильям сидел в каюте, держа заряженные пистолеты. Он объяснил жене, что не хотел бы захлебнуться соленой водой.

Несмотря на все несчастья, королевская семья была с восторгом встречена в Палермо. Король на некоторое время отошел от политики и занялся своим любимым делом — охотой. Этот человек любил хвастаться тем, что никогда не читал книг. Королева родила ему восемнадцать детей.

Между тем в Англии и Британском адмиралтействе все настойчивее задавали очевидный вопрос: что делает прославленный Нельсон в Неаполе? Разве он не должен продолжать преследовать французов? Почему он занят делами прогнившей, коррумпированной монархии?

Французы вошли в Неаполь, Нельсон при этом отступил. Могла ли Франция считать это реваншем за Абукир?

Бонапарт узнал о захвате французами Неаполя, находясь под стенами Сент-Жан-д'Акра. Он сразу понял, что «этот поход в Нижнюю Италию будет иметь гибельные последствия, и что 30 или 40 тысяч французов, находящихся у Везувия, будет недоставать на Адидже».

После бегства неаполитанского двора в городе вспыхнул бунт. Его участники освобождали узников тюрем, врываются в замки и убивали тех, кого считали врагами.

Французы, которыми командовал генерал Жан-Этьенн Шампионне, решили взять ситуацию под контроль и учредить республику. Она должна была опираться на средние классы общества.

Столкновение войск с восставшими привело к многочисленным жертвам: были убиты около тысячи французов и четыре тысячи бунтовщиков. Итальянцы сражались за каждый дом, взяли втурмом и разрушили королевский дворец. Когда они наконец сдались, один французский офицер заметил, что если бы здесь был Бонапарт, то он камня на камне не оставил бы от города. И местным жителям очень повезло, что генерал Шампионне такой умеренный и гуманный человек.

23 января 1799 года оккупанты официально провозгласили Партенопейскую¹ республику, которую Нельсон окрестил «Везувийской республикой». Он направил Трuebasриджа для блокады города и захвата трех близлежащих островов.

Выполняя приказы Нельсона, Томас Трuebasридж проявил свою обычную силу и жестокость. Он высмеял мягкость судьи к своим жертвам:

«Он говорит, что нужен епископ, чтобы липить священников сапа перед тем, как их казнить. Я сказал ему, что вначале их нужно повесить, и если он думает, что повешения недостаточно для липления сапа, то я бы помочился на их чертовы якобинские шкуры. Я рекомендовал ему казнить главных предателей, и после вынесения приговора никакой мессы, никакой исповеди — немедленная смерть, ад был бы правильным местом для них».

Трuebasридж извинился перед Нельсоном за то, что не смог послать ему голову лидера республиканского мятежа, поскольку погода была слишком жаркой. Нельсон был доволен принятыми мерами. Он написал одному из капитанов:

«Новости о повешении тринадцати якобинцев (на острове Прочида) доставили нам великое удовольствие; а три священника (посланных в Палермо), я думаю, лучше вернуть в Аврору, чтобы повесить на дереве...»

Между тем король и королева очень страдали на Сицилии. В доме, который считался их дворцом, не было ни каминов, ни ковров. Зима выдалась очень холодной, выпал снег — очень

¹ *Партенопей (Парфеноней)* — древнегреческое название Исаулия.

редкое явление в Палермо. Мария-Каролина говорила, что такая жизнь «хуже, чем смерть».

Король и королева испытали большие душевные муки, когда узнали об участии своего дворца в Неаполе. Монарх обвинял супругу в том, что она втянула его в военную авантюру и надоумила связаться с бездарным генералом Маком. Мария-Каролина сохраняла полное самообладание и убеждала мужа в том, что грядет возмездие.

И тогда король Фердинанд поддержал усилия кардинала Фабрицио Руффо. 54-летний кардинал раньше служил казначеем римского папы Пия VI. Он предложил понтифику провести реформы, которые были отвергнуты как излишне радикальные. Руффо оставил свой пост и отправился в Неаполь, а затем и в Палермо вместе с королевской четой. Он предложил высадку в своей родной Калабрии, чтобы защитить ее от французов и итальянских республиканцев, а затем освободить Неаполь и восстановить короля на его престоле.

Высадившись на полуострове 7 февраля вместе с восемью товарищами, Руффо к концу месяца привлек под свои знамена 17 000 человек. Это импровизированное войско, названное Христианской армией Святой Веры, двинулось на Неаполь.

Кардинал был истинным вождем и быстро завоевывал любовь и доверие людей. В 1799 году, как писал его секретарь-биограф Сачинелли, «не было ни одного бедного крестьянина во всей Калабрии, который не держал бы по одну сторону кровати распятия, а по другую — ружья». Его «крестоносцы» творили бесчинства и разграбили город Коттроне. Кардинал не остановил своих «воинов».

Наступление кардинала вызвало движение по всей Южной Италии. Добившись успехов в Калабрии и Апулии, он подошел к воротам Нсаполя. Его армия соединилась с русским десантом — моряками адмирала Ушакова. Томас Тробридж блокировал порт, и жители города были на грани голода. Узнав о приближении армии кардинала Руффо, они 11 июня подняли восстание.

Французы оставили в городе лишь 500 солдат в форте Святого Эльмо, а профранцузские республиканцы занимали замки Нуово и Уово, что позволяло контролировать порт.

Нельсон решил, что настало время для контрудара, и взял курс на Нсаполь вместе с посольской четой. Прибыв в порт, он узнал, что Руффо согласился на перемирие с французами и их союзниками. Нельсон расценил этот шаг как равносильный капитуляции и вызвал кардинала на борт своего флагманского корабля. Его эскадра теперь состояла из девяти боевых судов, производивших устрашающее впечатление на противников.

Протестант Нельсон не доверял католическому кардиналу. Он предложил Руффо разорвать соглашение, но кардинал отказался это сделать. Другой союзник Великобритании в Нсаполе, Ахмет, который действовал от имени Турции и России, поддерживал позицию Руффо. Он призвал Нельсона уважать подписанный договор, поскольку он «полезный, необходимый и честный... ввиду того, что смертоубийственная гражданская и национальная война была окончена вместе с этим договором без дальнейшего кровопролития, и он способствовал вытеснению вражеской армии из королевства». Договор формально

введен в действие, и «честь общества будет ужасным образом поругана, если он будет нарушен».

Только после этого адмирал уступил и нашел другой объект внимания: граф Караччиоло, переметнувшийся к французам и после поражения республиканцев скрывавшийся от роялистского террора. Его выдали и арестовали. Нельсон приказал отдать графа под суд, составленный из неаполитанских офицеров.

Суд, состоявшийся утром 30 июня, быстро приговорил Караччиоло к смертной казни через повешение большинством голосов. Нельсон немедленно привел приговор в исполнение. Он отверг все апелляции и просьбу графа заменить повешение расстрелом. Караччиоло не имел защитника во время суда, и к нему не приходил священник для последней исповеди.

Сэр Уильям Хэмилтон написал:

«Караччиоло и двенадцать наиболее мерзких бунтовщиков должны были в этот день предстать перед лордом Нельсоном... Что за зрелище мы увидели в это утро! Караччиоло, с длинной бородой, бледный, полумертвый и никогда не поднимающий глаз, был притащен на борт судна, где он теперь находился вместе... с другими подлыми предателями... Лорд Нельсон приказал казнить его в пять часов пополудни, повесив на фок-мачте... "Минервы" [неаполитанского фрегата]».

Тело повешенного Караччиоло было выброшено в море, и это шокировало многих жителей Неаполя. Караччиоло был другом и коллегой Нельсона. Он совершенно справедливо обвинял короля Фердинанда в позорном бегстве и ограблении Неаполя, а английского адмирала — в бессмысленном сожжении недо-

стронных неаполитанских судов, которые можно было взять на буксир.

Нельсон защищал политических банкротов. Он открыто вмешивался в дела другого государства и вершил суд, не будучи судьей. Адмирал, не являясь политиком и не зная иностранных языков, получал сведения о ситуации в Италии большей частью со слов Хэмилтонов.

Теперь Нельсон решил покончить с последним оплотом франгузов в Неаполе — фортом, в котором засели республиканцы. При этом он попустительствовал разгулу террора против якобинцев, многие из которых подверглись различным видам казней. На улицах города совершались зверства — тела убитых толпой людей сжигались, и убийцы вкушали человеческую плоть. Женщин, обвиненных в симпатиях к якобинцам, подвергали жутким, отвратительным унижениям.

Король и королева жаждали реванша. Руффо и его друзья хорошо понимали, какие опасности таит в себе возвращение монаршей чсты в Неаполь. Фердинанд, Мария-Каролина и Хэмилтоны считали, что якобинцы должны быть беспощадно истреблены.

25 июня королева писала Эмме Хэмилтон о том, что она даст адмиралу самые широкие полномочия в борьбе против «каналлий-мятежников». Она настойчиво рекомендовала милорду Нельсону относиться к Неаполю как к взбунтовавшемуся ирландскому городу: «Не нужно заботиться о количестве (наказанных), уменьшение числа злодеев (в Неаполе) на несколько тысяч сделает Францию более слабой, а мы почувствуем себя лучше».

Республиканцев заверили в том, что им сохраняют жизнь и доставят в Тулон. Защитники форта поверили обещанию, но жестоко за это заплатились. Девяносто девять человек были казнены, причем некоторые четвертованы и сожжены. Нельсон мог предотвратить трагедию, но не стал вмешиваться.

«На улицах вновь установился порядок: лаццарони [чернь] больше не жонглировали головами жертв, казненных для потехи адмирала Нельсона и леди Хэмильтон», — написал Шатобриан.

В Неаполь прибыл король Фердинанд. Однако ему было тяжело свыкнуться с мыслью, что у него есть враги в городе, и он вскоре вернулся на Сицилию, где мог и дальше тешить себя иллюзией собственной популярности.

Первая годовщина победы в Нильской битве была отмечена со всей возможной пышностью, о чем Нельсон написал Фанни:

«Большое судно было оборудовано, как римская галера. К веслам были прикреплены лампы, в центре воздвигнута роstralная колонна с моим именем, а на корме помещены ангелы, поддерживающие картину с моим изображением. Более двух тысяч разноцветных светильников были закреплены вокруг судна, нарядный оркестр состоял из лучших музыкантов и певцов. Музыкальное произведение большей частью восхваляло меня, описывая их бедствия, но приходит Нельсон, непобедимый Нельсон, и мы снова в безопасности, мы снова счастливы».

Нельсон принял титул герцога Бронте от короля Фердинанда и получил именис на вулканических склонах горы Этна.

Ост-Индская компания подарила ему 10 000 фунтов стерлингов в знак признания его заслуг «на Ниле». Эту сумму он разделил с отцом, братьями и сестрами.

После победы при Абукире он стал проявлять высокомерие к коллегам и даже выказывать непослушание. Он трижды игнорировал прямые приказы нового главнокомандующего Средиземноморским флотом Великобритании лорда Кейта, адмирала Эльфинстоуна, направить корабли для защиты Менорки. В итоге он выслал четыре недостаточно вооруженных судна.

В письме Спенсеру, первому лорду Адмиралтейства, он саркастически намекнул на неудачу лорда Кейта, который не смог помешать уходу объединенного франко-испанского флота из Гибралтарского пролива в Кадис.

В ответном письме Адмиралтейство поздравило его с успехом — спасением Неаполя, но укоряло за непослушание лорду Кейту. Нельсон реагировал в той же надменной манере:

«Хотел бы я оказаться в ситуации лорда Кейта... Я бы разбил все приказы как кусок стекла: в том случае весь французский флот мог быть уничтожен... Хотя я с сожалением говорю это, но я не верю, что какой-либо морской офицер знает дела Средиземноморья, в том числе сухопутные, лучше меня».

Это самовыдвижение имело достаточно предсказуемый успех: в отсутствие лорда Кейта, покинувшего Средиземное море, адмирал Нельсон был назначен на его место.

В то же время он был обвинен в ряде злоупотреблений. Во-первых, в том, что наживался на закупках вина и пива для своего флота. «Я отвергаю любые инсинуации против меня и моей чести, — ответил флотоводец. — Нельсон настолько выше

скаandalных или низких поступков, насколько небеса выше земли».

Однако критики поднимали голову. Нельсона обвинили в том, что тысячи арестованных в Неаполе повстанцев содержатся в ужасных условиях.

В сентябре адмирал направил Томаса Тробриджа в порт Чивита-Веккия, расположенный вблизи Рима, и вскоре французы, захватившие «Вечный город», капитулировали. Однажды Нельсон заявил, что способен взять Рим силами флота, и Тробридж доказал это на деле. Адмирал действовал решительно и опередил русских, совершенно не учитывая при этом интересы партнеров по коалиции.

Действия Нельсона в Италии не вдохновляли здравомыслящих людей в Англии. Лидер либералов Чарльз Джеймс Фокс произнес в парламенте речь, нанося сильные удары по репутации Нельсона, хотя и не называя его по имени.

Фокс говорил об отвратительных и беспрецедентных зверствах и выразил опасения, что не одни французы их совершали:

«Например, Неаполь был, что называется, “освобожден”, однако, если я правильно информирован, это действие было омрачено позором убийств столь диких и зверствами столь отвратительными, что при упоминании о них дрожит сердце. Говорится не только о том, что несчастные жертвы гнева и жестокости фанатиков были варварски убиты, но и о том, что во многих случаях их шлошь сги и проглатывали каннибалы, являющиеся защитниками и инструментами социального порядка. Нет, Англия не свободна от укоров, если циркулирующие слухи верны.

Я упомяну факт, чтобы дать министрам возможность, если он окажется ложным, смыть позор, ибо в ином случае этот позор покроет имя Британии. Говорится о том, что группа неаполитанских республиканцев нашла убежище в замке Нуово. Их осаждал отряд королевской армии, которому они отказались сдаться, но заявили, что если вперед будет направлен британский офицер, то они сдадутся ему. Они согласовали с ним условия капитуляции, и он действовал от имени Британии: их жизни и их собственность должны быть в безопасности, и они должны быть доставлены в Тулон. В соответствии с этим их поместили на борт судна, но еще до того, как они отплыли, их собственность была конфискована, многие из них были схвачены, брошены в темницы, и некоторые из них, насколько я понимаю, вопреки британской гарантии, были казнены».

Между тем связь Нельсона с Эммой Хэмильтон стала достоянием гласности. Англичане были возмущены, а сэр Уильям, кажется, смирился со своим положением обманутого мужа. Каждую ночь, которую адмирал и жена посла проводили вместе, она к тому же проигрывала в азартные игры огромные денежные суммы, взятые у Нельсона.

Газета «Таймс» написала:

«Герои и завоеватели покоряются в свою очередь. Марк Антоний последовал за Клеопатрой на Нил, когда он должен был сражаться с Октавианом! И сложил свои лавры и власть...»

Фанни не видела мужа уже два года и писала ему, что желает встречи. Нельсон отвечал, что не сможет гарантировать ее безопасность.

В то же время, покинув Эмму на короткое время для встречи с лордом Кейтом в Легхорне, он написал своей возлюбленной:

«Разлученный со всем, что есть дорогого в этом мире, я говорю: что толку жить, если это существование может быть названо жизнью?.. Ни разлука, ни время, моя единственная возлюбленная Эмма, не могут изменить моей любви и привязанности к тебе, и это основано на самых искренних принципах чести; нам остается только сожалеть, что я делаю с самой горькой болью, о препятствиях, лежащих на пути нашего объединения. Мы связаны узами настоящей любви, но нам мешают жесткие правила этого мира. Только продолжай любить своего верного Нельсона, как он любит свою Эмму, ты мой гид, которому я подчиняюсь... Моя единственная надежда состоит в том, чтобы неизменно убеждаться: ты также выполняешь обещания, данные мне; я же всегда давал тебе обещания настолько строгие, как будто бы это было слово, данное небсам; я совершенно уверен в реальности твоей любви и в том, что ты скорее умрешь, чем будешь хоть в чем-то неискренней перед твоим верным Нельсоном, который живет только для своей Эммы».

Нельсон пренебрегал своими должностными обязанностями, сваливая всю работу на подчиненных, и отправился в пятидневный круиз вместе с Хэмилтонами. Его флагманский корабль бросил якорь в Сиракузах, где путешественники осмотрели римские развалины, а затем на Мальте, где французы выдерживали длительную блокаду. Эмма забеременела от Нельсона, но сэр Уильям по-прежнему был слеп.

Коллеги Нельсона не могли не заметить перемены в его отношении к делу. Они возмущались его поведением, и в Адмиралтейство были направлены соответствующие рапорты.

А Нельсон доставил королеву и ее дочерей в Легхорн, где отказался присоединиться к Кейту, который с января 1800 года вновь стал главнокомандующим Средиземноморским флотом. Вместо этого он направился в Вену вместе с Хэмилтонами. Они просхали до Триеста в четырех экипажах, имея к тому же три повозки с багажом, и вскоре достигли Вены.

Императрицей Священной Римской империи германской нации была дочь королевы Неаполя, и путешественникам был оказан истинно королевский присм. Нельсон, худой и преждевременно состарившийся, и располневшая Эмма Хэмилтон вызвали огромный интерес у публики.

Они просхали по Европе и спустились по реке Эльбе, чтобы затем взойти на борт судна, направлявшегося в Ярмут. Нельсон потратил на поездку три с половиной тысячи фунтов стерлингов.

Наконец, он вернулся на родину. В Ярмуте его встречала огромная толпа. Восторженные соотечественники окружили экипаж, распрягли лошадей и сами потащили карету.

Он присхал домой вместе с Хэмилтонами, и Фанни должна была развлекать всех троих за обедом — тяжелейшее испытание для женщины, пережившей долгую разлуку с мужем.

На Странде, одной из главных улиц в центральной части британской столицы, Нельсона окружили горожане. Ему вручили церемониальную пшагу от благодарного Лондона.

Газеты непристойно шутили. Одна из них изобразила трех персонажей, курящих трубки. Карикатурная леди Хэмилтон говорила Нельсону: «Трубка старика все время тухнет, но твоя горит в полную силу». Тот отвечал: «Да, я дам тебе прикурить, я загущу в тебя целый бортовой залп».

Несчастливая Фанни изображала дружбу с Эммой Хэмилтон, но ее выдержки хватило ненадолго. В театре на Друри Лейн она испустила крик и упала в обморок.

Эгоизм Нельсона проявлялся по-разному: он заставлял страдать свою супругу и испортил отношения с Сент-Винсентом. Предметом их спора стал барыш, или так называемые призовые деньги. Британцы захватили несколько судов, и Нельсон претендовал на одну восьмую часть.

Обычно он был достаточно щедрым, но жизнь заставляла его стать прижимистым. Нельсон потратил много денег, обслуживая Хэмилтонов, и жил на широкую ногу в доме на Пикадилли. Поиздержавшись, он настаивал на получении своей доли дохода от продажи имущества захваченных кораблей.

Сент-Винсент имел свою точку зрения на этот предмет. Два адмирала выяснили отношения при встрече, и напряженность постепенно спала. Они вспоминали славные дни, и старый моряк смягчился. Он пожалел Нельсона:

«Нельсон был подавлен... Это выглядело так, будто он обидел меня и теперь испытывает тревогу из-за того, что я знаю о деле. Бедняга, его мучат суэта, слабость и прихоти; он увешан лентами и медалями, но будто бы пытается избежать почета и церемоний, которые всюду встречают его... Однако он теряет старых друзей, и поскольку он обязан всей славой, титулами,

знаками отличия, которые носит, моему патронажу и протекции и я продолжаю по-доброму относиться к нему в трудную минуту, то я не думаю, что он может порвать со мной».

Нельсон засиделся без дела и чувствовал приближение новых событий своей карьеры. Фаталист и мистик, он боялся утратить личное счастье, которое имел, и будто пытался насладиться им впрок. Он направлял Эмме по три письма в день, в то время как та ослепляла Лондон своей пышной красотой.

При этом она подло жалила свою соперницу Фанни. Эмма писала:

«Кресолка с черным сердцем и демоническим лицом никогда не была предназначена для Нельсона, существа с благородным разумом. Она никогда не любила его ради него самого. Она любила свои несчастные грязные эскалопы [Aesculapius, первый муж Фанни, доктор Нисбет], если действительно любила, и два грязных негатива произвели на свет грязный позитив, который является позором рода человеческого [Джошиа, сын Фанни]».

По мнению Эммы, Фанни сделала Нельсона несчастным и оторвала его от семьи:

«Когда он вернулся домой покрытым славой, но изувеченным, она осмеяла его благородные рапы. Она подняла пюм из-за того, что он встретил более привлекательную и более добродетельную женщину, которая служила вместе с ним в другой стране и чье сердце и чувства открыты его славе, величию и достоинствам».

Многие в семье Нельсона, за исключением его отца, поддерживали Эмму в ее соперничестве против Фанни. Супру-

гу Нельсона не любили за холодность и чопорность. Крайне униженная, она все же пыталась восстановить семью. Что же касается сэра Уильяма, то он не имел к Нельсону никаких претензий и продолжал считать его своим другом.

Нельсон соблюдал внешние приличия, отдавал Фаппи половину своих доходов и способствовал карьере Джошиа. С рождением дочери Горации его страсть к Эмме вспыхнула с новой силой, но он понимал скоротечность этого состояния. В нем жило глубинное чувство близкой смерти, и он рвался в бой. Нельсон должен был восстановить свою репутацию, подорванную бесславными делами в Нсаполс и связью с замужней женщиной.

Вскоре он получил отличный шанс напомнить о себе.

Великобритания оказалась перед лицом новой угрозы — союза нескольких государств, направленного против ее владычества на морях. Русский царь Павел I был взбешен захватом Англией милой его сердцу Мальты. «Она (Мальта), — говорил Нельсон, — даст нам большое влияние на Левант и на всю южную часть Италии. Из этих соображений я надеюсь, что мы никогда ее не отдадим». Французский гарнизон Мальты капитулировал в начале сентября 1800 года. Над крепостью был поднят один флаг — британский, хотя все успехи в той войне достигались совместными усилиями союзников.

Первый консул Бонапарт, мастерски играя на струнах рыцарского честолюбия Павла, предложил ему остров Мальту. Царь был доволен широкими жестами нового правителя Франции и вновь менял приоритеты внешней политики. Англия,

помимо всего прочего, сильно раздражала его своей системой таможенных досмотров судов, направленной против торговли с Францией. Эту систему англичане применяли в отношении русских судов и судов других стран.

В декабре 1800 года царь нанес Англии ответный удар, захватив все британские суда, зашедшие в российские порты, и арестовав команды этих судов. Он склонил Швецию к подписанию договора о вооруженном нейтралитете, и к этой системе вскоре присоединились Дания и Пруссия.

Идея договора о вооруженном нейтралитете была не новой. Ее с успехом претворяла в жизнь Екатерина II, мать Павла I. Россия убедила другие страны придерживаться новых принципов морского права. Они были изложены в декларации, разосланной Екатериной II правительствам разных государств в 1780 году.

Эти принципы таковы: 1) свобода торговли нейтральных держав с портами враждующих государств и нейтральной каботажной¹ торговли; 2) свободный провоз на нейтральных судах любых грузов за исключением военной контрабанды, то есть оружия и снаряжения; 3) объявление блокады недействительной там, где она существует только на бумаге и не обеспечена наличными военно-морскими силами; 4) нейтральные суда не должны подвергаться задержанию на море и обыску со стороны британского флота без достаточных оснований, а в случаях несправедливых захватов владельцам кораблей и грузов должна выплачиваться премия.

¹ *Каботаж* — прибрежное плавание между портами одного государства без захода в иностранные порты.

Российская императрица предложила нейтральным державам защищать эти принципы на деле, то есть силами своего военно-морского флота, и провозгласила создание Лиги вооруженного нейтралитета. К этой организации присоединились Швеция, Дания, Голландия и другие державы.

Прошло два десятилетия, и Павел I вновь применил этот опыт. Лига вооруженного нейтралитета была восстановлена для охраны нейтральной торговли от английского флота. Россия, Дания и Швеция вместе имели сорок боевых кораблей и могли удвоить это количество. Правительство Великобритании не стало дожидаться объявления войны со стороны государств лиги и ответило со свойственной ему быстротой.

Как только позволили погодные условия, к берегам Дании была направлена мощная эскадра, состоявшая из восемнадцати линейных кораблей, а также других судов. Главнокомандующий флотом сэр Хайд Паркер и лорд Горацио Нельсон, произведенный в вице-адмиралы, должны были добиться от Дании согласия на выход из лиги.

Корабли подошли к Копенгагену. Хайд Паркер предпринял попытку начать переговоры с правительством Дании, но получил категорический отказ.

На повестке дня была атака против города и флота страны, которая не воевала с Англией. Нельсона и Паркера несколько не стесняли подобные обстоятельства.

Параллельно берегу, на котором стоит Копенгаген, тянется песчаное мелководье. Датский флот, состоявший из восемнадцати судов, закрепился на отмелях вдоль берега, между сушей и длинным мелководьем. Корабли прикрывали Копенгаген и

вход в городскую бухту. На мысе, острие которого вытягивалось к северу, стояли два форта с сотней пушек.

Многие суда были в плохом состоянии и не могли плавать. Тем не менее датчане защищались по правилам, и все слабые точки были прикрыты.

Хайд Паркер разделил флот, придав Нельсону двадцать восемь судов, в том числе десять линейных кораблей. У главнокомандующего осталось восемь линейных судов, и он расположил их в трех милях от места событий.

Во время военного совета, проведенного 31 марта, Нельсон был очень нервным и агрессивным. Полковник Стюарт вспоминал: «Выскакивая по каюте, лорд Нельсон подавлял все, что проявляло признаки предупредительности или несогласия». Когда говорили о многочисленности шведской эскадры, он прервал выступавшего словами: «Чем больше, тем лучше». О русских он высказался так: «Я хочу, чтобы их было в два раза больше. Тем легче победа...»

Нельсон получил еще два корабля и поднял флаг на борту своего судна «Элефант». Он послал капитана Харди замерить водные глубины. Шлюпка Харди, который тремя годами раньше обследовал египетский берег, проскользнула в темноте под носом у датских судов.

Утром подул ветер, благодаря которому Нельсон получил возможность войти в Королевский пролив — часть водного пространства, расположенного между сушей и длинной песчаной отмелью, — с юга на север. Местные лодманы отказались вести корабли, боясь посадить их на мель.

Непоколебимый Нельсон пошел в атаку. Дорогу прокладывал «Эдгар» капитана Мюррея.

«Я никогда не видел столь прекрасного и торжественного зрелища, — рассказывал участник событий с другого судна. — “Эдгар” вел авангард... Военный корабль во все времена представляет собой прекрасное зрелище, но в такое время спектакль превосходит все что угодно. Мы видели, как он проходит через вражеский огонь и движется в самую его середину, чтобы занять позицию. Мы испытывали трепет. Никто не говорил ни слова на корабле, оберегаемом лоцманом и рулевыми, и их команды, монотонно звучавшие как восклицания во время кафедальной службы, увеличивали торжественность момента».

По плану «Эдгар» должен был двигаться вдоль линии вражеских кораблей, дать бортовые залпы по первым четырем судам и бросить якорь напротив пятого. Следующие корабли англичан должны были прошивать борта тем же четырем датским судам, не останавливаясь при этом, и атаковать оставшиеся корабли.

После красивого начала и в преддверии продолжения, возвещенного с такой торжественностью, произошла катастрофа. «Агамемнон» сел на мель у южной оконечности большой песчаной отмели, та же участь постигла «Беллону» и «Рассел», прошедших немного дальше.

Нельсон видел это и понимал, что если его «Элефант» возьмет немного левее того курса, которым шли «Беллона» и «Рассел», то он должен найти глубокий проход.

«Элефант» благополучно миновал отмели. Корабли Его Величества, вытянутые в линию, уже были в семистах футах от

линии датских кораблей. Артиллеристы обеих сторон открыли огонь, и началось кровавое побоище, продолжавшееся четыре с половиной часа.

«Эдгар» потерял 142 члена команды, «Монарх» — 218 моряков. Нельсон, лишившись трех мощных кораблей, сидевших на мели, послал фрегаты под командованием капитана Рио к северной оконечности Королевского пролива, где стоял форт (остров Трех корон). Фрегаты должны были обстреливать 90-пушечную батарею форта.

Флагманский корабль «Лондон» находился на расстоянии более мили к северо-востоку от большой песчаной отмели. Дым, окутавший место сражения, полностью заслонял Паркеру видимость. Он был в состоянии крайней тревоги и приказал Отвэю, капитану флагманского корабля, направиться на шлюпке к Нельсону.

Паркер не дождался возвращения Отвэя и послал сигнал за номером 39 с мачты «Лондона». Это означало «прекратить бой».

Фрегаты, обменивавшиеся смертоносными залпами с береговыми батареями, приняли сигнал, и их капитаны выполнили приказ. Раненый Рио был глубоко разочарован: «Что Нельсон подумает о нас?» — воскликнул он, и тут же его тело было разорвано датским ядром на две части.

Приказ касался всех, включая самого Нельсона. И герой не стал его выполнять, рискуя быть отданным под трибунал.

Его корабли были вытянуты в линию, параллельную линии датских судов, и если бы он начал движение к северу, выводя корабли из пролива, то рисковал понести большие потери и

посадить суда на мель. У англичан не было пространства для маневра, и Нельсон решил продолжить обстрел датских судов и батарей.

Положение было критическим — «Элефант» и «Дефайнс», стоявший в начале линии, находились под интенсивным обстрелом, а «Монарх» истекал кровью.

И вдруг все изменилось — загорелся датский флагманский корабль «Даннеброг». Члены его команды взрезали канаты, и корабль начал дрейфовать вдоль линии своих судов, сея панику. Вскоре он взорвался. Следом и на других датских кораблях, или плавучих батареях, начали резать канаты, а некоторые из них затонули.

Однако и после этого Нельсон не мог начать вывод своих изрядно потрепанных судов, поскольку батареи острова Три короны продолжали убийственную и разрушительную стрельбу. Сохраняя полное хладнокровие, он предпринял неожиданную акцию. Пушки «Элефанта» ни на секунду не умолкали, и под аккомпанемент их залпов Нельсон составил письмо правительству Дании.

«Лорд Нельсон имеет директивы пощадить Данию, если сопротивление прекратится, но если огонь со стороны Дании будет продолжен, то лорд Нельсон будет вынужден предать огню захваченные им плавучие батареи и не сможет спасти храбрых датчан, которые их защищают», — говорилось в ультиматуме.

Он приказал запечатать письмо, используя воск, и уделил этой детали большое внимание. Шли драгоценные минуты, а Нельсон продолжал оформлять депешу. Полковник Стюарт

потерял терпение и спросил адмирала, почему процесс длится так долго. Нельсон объяснил причину своей повышенной аккуратности: датчане не должны подумать, что все делалось в спешке.

Наконец послание доставили адресату. Молодой датский принц-регент Фредерик ознакомился с ультиматумом лорда Нельсона. Английский адмирал грозил истреблением «храбрых датчан», находившихся на полуразрушенных кораблях, непригодных для плавания, но не это было главным фактором в сложившейся ситуации. Принц-регент боялся за участь Копенгагена. Он понимал, что англичане находятся в отчаянном положении и могут начать бомбардировку города. Это вызовет жертвы и разрушения, не сравнимые с потерями флота. Он уже жалел, что вступил в альянс с русскими. И он уступил.

Нельсон был спасен. Теперь он мог выводить свои корабли из той ловушки, в которую сам их загнал. И результаты этой операции показали, насколько верное решение он принял, послушавшись Паркера. При выходе из Королевского пролива два корабля столкнулись между собой, а три судна, включая корабль Нельсона, сели на мель. Какая участь была бы уготована им в случае продолжения конфликта?

На следующий день Нельсон позаботился об освобождении «Агамемнона», «Беллоны» и «Рассела», севших на мель в начале сражения. Он спас все свои корабли.

В личном составе датского флота было много добровольцев, а потому число павших защитников Копенгагена — величина приблизительная: от 1800 до 2200 бойцов убитыми и ранеными. Соответственно, потери британцев составили 953 челове-

ка. Моряки, находившиеся на захваченных англичанами кораблях, попали в плен.

Нельсон не одержал полной победы, но поэтапно решал важнейшую политическую задачу. Адмирал выполнял поручение своего правительства вопреки приказу главнокомандующего, решившего отступить. Когда он в пылу боя принимал спорное решение, то был уверен в себе: победа даст ему искупление грехов! Теперь же, когда пушки молчали, ситуация виделась в ином свете. Нельсон сказал Фоли: «Да, я дрался вопреки приказам и, возможно, буду повешен. Не беда. Пусть делают, что хотят». В его голосе чувствовалась неувренность.

На самом деле ситуация не была столь драматичной. 62-летний Паркер был осторожным командиром и инструктировал Нельсона в том же духе. Приказав подчиненному прекратить бой, он также послал ему сообщение о возможности продолжать операцию, если Нельсон посчитает, что успех достижим.

Нельсон именно так и посчитал, продолжил бой, понес новые потери, но не добился окончательной победы. Пока датчане не приняли его условий, положение оставалось неопределенным. И Нельсон волновался за исход дела и свою судьбу.

Во многих книгах и справочниках написано о том, что после получения приказа об отступлении он прикладывал телескоп к слепому глазу: так лорд Нельсон, будто бы не видя сигнала с флагманского корабля, «оправдал» свое неподчинение главнокомандующему.

Возможно, это просто анекдот. Различные свидетели и историки по-разному описывают эту сцену. Полковник Стюарт, в

тот момент стоявший рядом с Нельсоном, дал три различных версии событий. Про слепой глаз говорится только в третьей, последней, версии.

В битве при Копенгагене Нельсон проявил не только мужество и готовность рисковать, но и хитрость. Он добивался нужного результата с помощью ультиматума и угроз.

Прекращение огня еще не означало, что Дания вышла из лиги. И Нельсон сделал следующий шаг: он продемонстрировал датчанам корабли с бомбами на борту, а затем письменно заявил: «Мы готовы. Готовы бомбардировать этой ночью». Глядя на дворец и деревянные здания прекрасного города, он заметил: «Хотя у меня только один глаз, я вижу, что это будет гореть очень хорошо».

Датчане колебались. Они ответили, что в случае выхода из альянса боятся русских бомбардировок. Нельсон заверил их, что британский флот защитит Данию. Он лично вел переговоры, продолжавшиеся на берегу.

Наконец соглашение было достигнуто. Нельсон пришел в состояние эйфории и написал:

«Во-первых, мы побии датчан. Во-вторых, мы хотим, чтобы они чувствовали, что мы их настоящие друзья, поэтому мы пощадили их город, который всегда можем предать огню; и я не думаю, что если бы мы сожгли город, то этим привязали бы их к нам; наоборот, они бы нас ненавидели. В-третьих, они правильно понимают, что мы воюем с ними из-за их договора о вооруженном нейтралитете, подписанного в прошлом году. В-четвертых, мы заставили их приостановить действие этого

договора. В-пятых, нашему флоту дана полная возможность действовать против России и Швеции».

Следующей целью англичан был русский флот, стоявший в Ревеле и Кронштадте. Паркер и Нельсон повели свои корабли в российские воды. Ими было получено известие о смерти Павла I: трагедия произошла за несколько дней до битвы при Копенгагене.

Когда они получили это известие? По одной из версий, Паркер узнал о смерти царя в разгар битвы при Копенгагене, и именно этим объясняются его действия — посылка капитана Отвэя к Нельсону и приказ о прекращении огня.

Нельсон считал, что новое правительство России будет более лояльным к Англии, чем предыдущее, однако настаивал на выполнении плана атаки русского флота в трех портах: имея 18 линейных кораблей, англичане могут уничтожать русские суда по очереди. Паркер не согласился с доводами Нельсона и увел флот в бухту Киюге.

5 мая Паркера отозвали, и Нельсон был назначен командующим флотом. Он тут же решил привести свой план в действие. Прибыв в Ревель, он узнал, что русский флот покинул эти воды и пошел на соединение с эскадрой, стоявшей в Кронштадте.

Новый царь Александр I приказал освободить английские торговые суда, ранее захваченные в портах Российской империи. Он подписал соглашение с Великобританией, дававшее англичанам возможность свободно торговать в этом регионе.

Миссия адмирала Нельсона в Балтийском море была окончена. В июле 1801 года он вернулся на родину.

«Я совершенно разучился подчиняться», — однажды заявил Бонапарт. И стал главнокомандующим, а затем главой государства.

Нельсон пока лишь раз был командующим флотом во время большого сражения — в Абукирской битве. При Копенгагене он был вторым командиром, но сумел стать лидером во всем — в бою и в политике. За эту победу Нельсон получил титул виконта.

Едва он вернулся в Англию, как был назначен главнокомандующим Флотом Прованса. Это была флотилия, состоявшая из боевых судов, кораблей, несущих бомбы, и канонерских лодок. Она должна была защищать Англию от французского вторжения через Ла-Манш.

Война между Францией и Англией, объявленная французами 1 февраля 1793 года, продолжалась уже восемь с половиной лет. Народы двух стран устали от непрерывного кровопролития.

Нельсон потерял на войне глаз и руку. Адмирал был храбрым и бескомпромиссным воином, порой был склонен преувеличивать опасности, грозившие Англии и ее владениям, но даже он в 1801 году не верил в то, что французы рискнут пересечь пролив.

Тем не менее он с огромной энергией приступил к выполнению своих новых обязанностей. Он представил в Адмиралтейство меморандум о французской угрозе и 4 августа предпринял дерзкую атаку лагеря в Булони, где размещались 2000 солдат.

По данным разведки, французы должны были начать наступление именно из Булони. Нельсон считал, что целью Бона-

парта является Лондон и враг направит свои армии из Гавра, Остенде и Флюшинга. Он не видел большого смысла в атаке Булони, но все же предпринял ее.

Жители побережья Британских островов видели концентрацию военных кораблей в узком проливе, разделяющем Англию и Францию. 4 августа тысячи зрителей разместились на скалах Дувра и Дила и наблюдали в телескопы необыкновенное зрелище.

Атака нанесла французам определенный ущерб. Она напомнила им о том, что англичане являются хозяевами морей и никому не уступят пальму первенства. Жители Англии чувствовали, что они находятся под надежной защитой кораблей, ведомых лучшим флотоводцем мира. «Нельсон разговаривает с французами», — говорили свидетели атаки вражеского берега, и в этом проявлялась национальная гордость.

«Пять судов различных видов потоплены у пирса нашими снарядами; все они были снабжены тяжелыми орудиями и полны людей», — доложил Нельсон премьер-министру Аддингтону.

Его всюду высматривали, а он лишь раздражался от этого навязчивого внимания. «О, как я ненавижу, когда на меня пялятся, — ворчал он, стоя на палубе. — Мне сказали, что пятьдесят лодок в данный момент вытянулись вдоль борта моего корабля, чтобы взглянуть на человека без руки».

Нельсон не мог оставаться пассивным даже короткое время и задумал новую акцию. Он собрал молодых капитанов и разработал вместе с ними план фронтальной атаки на Булонь. Суть его заключалась в том, чтобы взять на абордаж француз-

ские суда, стоявшие на якоре в заливе, и нанести максимальный урон живой силе и кораблям противника.

Для этого были сформированы четыре группы небольших судов, на бортах которых размещались абордажные команды. Другая группа кораблей несла мортиры, предназначенные для обстрела неприятеля.

Неожиданная и хорошо скоординированная атака должна быть проведена ночью, когда французы не смогут открыть интенсивный ответный огонь из-за боязни нанести ущерб своим судам. Как обычно, Нельсон был уверен в успехе и написал Эмме:

«Одно дело — приказать и подготовить атаку, но другое дело — исполнить это. Но я уверяю тебя, что принял гораздо больше мер предосторожности в отношении других, чем сделал бы это в отношении себя, если бы должен был сам участвовать в деле... Они [англичане] начнут стрелять, и если после этого половина французов не выпрыгнет за борт и не поплывет к берегу, то я рискую быть повешенным... Если наши люди поведут себя так, как я ожидаю, то наши потери не будут большими. У меня руки чешутся напасть на них».

Французской флотилией командовал опытнейший моряк — 56-летний адмирал Луи-Рене Меделин Левассор де Латуш-Тревиль. Он подготовился к атаке гораздо лучше, чем Брюэйс при Абукирс. По его приказу французские моряки протянули сети от верхней оснастки кораблей к их боковым частям и соединили суда цепями. Якоря на крепких канатах были опущены на морское дно.

15 августа, в день рождения первого консула, Латуш-Тревиль наблюдал за приготовлениями англичан. Следующей

ночью штурмовые команды на шлюпках в полной тишине направились к берегу. Первые две лодки пронесло водоворотом мимо вражеских судов, третью шлюпку французы потопили, попав в нее пушечным ядром.

Четвертая команда пыталась вскарабкаться на борт французской «Этны». Младший офицер, участвовавший в этой атаке, вспоминал:

«Очень прочные сети, подвязанные к нижним реям, разрушили все наши попытки, и незамедлительный огонь пушек и ружей двухсот солдат... поразил меня, мистера Кирби, штурмана “Медузы”, мистера Гора, гардсмарина, и две трети членов команды... были убиты либо ранены».

Тех, кто прорвался сквозь сети, французы встречали на палубе, и пули разили нападавших наповал. Одно судно все же было захвачено. Офицер, который добился этого временного успеха, позже доложил Нельсону:

«Я не смог утащить судно за собой, поскольку оно было привязано цепью, и ввиду интенсивного огня с берега — из мушкетов и крупной картечи, огня трех люгтеров¹ и брига, находившихся на расстоянии в половину длины пистолетного выстрела, — я был вынужден оставить его...»

В четыре часа утра шлюпки вернулись. Англичане не добились ни малейшего успеха, потеряв сорок четыре человека убитыми и сто тридцать ранеными.

Нельсон стоял на палубе фрегата, вблизи французского берега. Он видел провал своей авантюры, которая мало чем отли-

¹ *Люггер* — небольшое парусное судно.

чалась от попытки штурма города на острове Тенерифе. Тогда он сам полез на берег и потерял руку, теперь уже не годился для подобных подвигов, и это приводило его в состояние глубокого отчаяния. В середине дня он увел свой флот в Дил.

Французы потеряли десять человек убитыми и тридцать четыре ранеными. Фиаско врага стало темой комических кулуаров: Нельсон и англичане хотели глотнуть горячительных напитков, но вместо вина испили морской водицы.

Нельсон был безутешен:

«С сожалением сообщаю тебе, что мне не удалось ни захватить, ни уничтожить вражескую флотилию... Многие наши офицеры и матросы проявили потрясающую храбрость».

Следом он впал в глубокую меланхолию и написал секретарю Адмиралтейства:

«Дьявольский дух все еще работает. Все средства, включая развешивание бумаг на улицах Дила, были использованы для того, чтобы настроить моряков против меня: якобы лорд Нельсон собирается послать их на убой. И то же самое в Маргете, везде, где экипажи судов сходили на берег... Даже к этому можно привыкнуть, но предмет повсюду обсуждался в офицерских кают-компаниях, в помещениях, где спят гардемарины, и т.д.».

Герой чувствовал, что офицеры и матросы уже не любят его так, как раньше. И он попросил освободить его от занимаемой должности.

Нельсон написал Сент-Винсенту:

«Я больше не разрешу никаких атак, если сам в них не участвую; мои душевные муки гораздо больше тех страданий, ко-

которые я мог испытать, если бы мне оторвало ногу в этом последнем деле».

Он рыдал на похоронах двух юных гардемарин, убитых во время атаки, и словно обезумел, когда его молодой протсже, капитан Эдвард Паркер, скончался от ран.

Сам он нуждался в том, чтобы поправить здоровье, — со времен кампании в Балтийском море его мучили сильные спазмы в желудке.

Нельсон приобрел поместье Мертон Плейс в графстве Сюррей, где планировал жить вместе с Эммой Хэмилтон. Его отец пастор Нельсон, человек твердых принципов, осуждал внебрачную связь сына и возмущался тем, что он унижает свою законную жену.

Горацио Нельсон пытался оправдаться:

«Мой дорогой отец, я получил твое письмо, которое, как ты понимаешь, мне не могло понравиться; если ты думаешь указать мне, что я не прав, то неудивительно, что так же будут считать те, которые не знают меня и моего права. Нельсон парит над ними всеми, и время вынесет приговор моей частной жизни... Я дал ей [Фанни], при всей ее лживости... 2000 фунтов стерлингов в год и еще 4000 фунтов, и это она называет бедным содержанием... Я могу сказать гораздо больше, однако из уважения к тебе не буду этого делать, мой дорогой отец, но ты знаешь ее, поэтому я заканчиваю».

В декабре 1801 года Фанни письменно умоляла Нельсона:

«Мой дорогой муж, станем жить вместе. Я не буду счастлива, пока это не произойдет. Я снова уверяю тебя, что у меня

есть одно желание в этом мире — радовать тебя. Пусть все будет предано забвению и уйдет, как мечта. Я теперь могу лишь умолять тебя поверить. Очень искренне, очень нежно — твоя жена Френсис Х. Нельсон».

Нельсон получил письмо и приказал секретарю отправить его назад со словами: «Вскрыто по ошибке лордом Нельсоном, но не прочитано».

Он обвинял жену в том, что она настроила отца против сына. Вскоре он получил письмо от доктора, который сообщил ему, что отец находится при смерти. Нельсон ответил:

«У меня нет надежд на его выздоровление. Да исполнится воля Божья. Если мой отец захочет меня видеть, нездорового, я полечу в Бат¹, но думаю, что будет слишком поздно; однако если все обстоит по-другому и он хочет меня видеть, ничто не задержит меня даже на минуту».

Отец умер в тот же день. Нельсон не был на его похоронах.

Расстроились и отношения Нельсона с Томасом Тробриджем, который сражался вместе с ним у мыса Сент-Винсент, на Тенерифе, при Абукире и выполнял приказы Нельсона в Неаполе и на Сицилии. Когда Нельсон и Эмма Хэмилтон в 1799 году покинули Неаполь, Тробридж осмелился критиковать королеву Марию-Каролину и короля Фердинанда:

«У меня не очень чувствительное сердце, но нужда здесь [на острове Сицилия] даже большая, чем в Неаполе... В этот день я спас 30 000 человек от голодной смерти, но мои возмож-

¹ Бат — английский курорт с горячими минеральными источниками.

ности этим и ограничились. Если король Неаполя или королева и ее партия склонны морить нас голодом, то я не вижу иного выхода, кроме как оставить этих несчастных людей голодать и не видеть их нужду. Я проклинаю день, когда стал служить королю Неаполя... У нас есть характер, милорд, и нам есть что терять; эти люди — не личности. Не позволим, чтобы их позорное поведение обесчестило и нас».

Троубридж критиковал и Нельсона за то, что он посхал с Эммой в Легхорн. Нельсон был взбешен и выразил свое негодование в письме Троубриджу. Тот ответил:

«Это в самом деле так расстроило меня, что я пришел в уныние и плачу. Я бы скорее хотел лишиться жизни, всего, что у меня есть, чем выглядеть неблагодарным в отношении офицера и друга, которому я обязан столь многим... Я [умоляю] вас, лорд, вы не должны хоть сколько-нибудь подозревать, что я уже не тот Троубридж, которого вы знаете».

Неуживчивый нрав Нельсона становился причиной того, что он лишался поддержки друзей и сослуживцев, — и это могло повредить его карьере. Произошло неожиданное для Нельсона событие — Томас Троубридж был выбран в члены правления Адмиралтейства, которое теперь возглавлял Сент-Винсент.

Тон писем Нельсона изменился — он снова использовал доверительные интонации и называл Троубриджа «старым верным другом». Но на этом его разочарования не закончились. Нельсон начал подозревать Троубриджа в том, что бывший капитан «Каллодена» приложил руку к его нежелательному назначению главнокомандующим Флотом Пролива. Смысл этого

торопливого решения, считал Нельсон, был несомненным — держать его подальше от Эммы.

Адмирал пришел в ярость, когда Сент-Винсент сравнил «магию» Томаса Тробриджа с мастерством самого Нельсона. Он жаловался на «зверей» в Адмиралтействе, которые держат его в море.

Неблагодарный Тробридж больше не друг:

«На следующей неделе все закончится, и я не скажу “спасибо” сэру Томасу. Я полагаю, что он полностью в ответе за неудачу, и он должен вспомнить, что обязан мне орденом за Нил. Кто поддерживал его, когда он страдал от печали и унижения? Кто обеспечил ему такое положение в королевстве Неаполя, что он получал мои публичные письма, титулы, звание полковника морской пехоты, бриллиантовые пикатюльки от короля Неаполя [и т.д.]? Кто обеспечил ему 500 фунгов стерлингов в год от короля Неаполя? ... Кто способствовал тому, что на него обратили внимание? Почитайте мои публичные письма. Нельсон, тот самый Нельсон, которым он теперь командует. Премного благодарен. Я прощаю его, но, именем Бога, я никогда этого не забуду. Он наслаждается властью надо мной. Не беда, хотя это сократит мои дни...»

Картину взаимного разочарования дописал сэр Уильям Хэмилтон, долготерпение которого закончилось. Он протестовал в характерной для него крайне выдержанной манере:

«Я провел последние сорок лет моей жизни в суете и спешке, которые с необходимостью сопутствуют публичному человеку. Я достиг возраста, в котором нужна некоторая передышка, и я обещал себе тихий домашний уют. Я понимал, будучи

женатым, что буду уволен по старости, когда моя молодая супруга достигнет совершенной красоты. Это время пришло, и мы должны найти лучшее и наиболее удобное для обеих сторон решение.

К сожалению, наши вкусы и образ жизни сильно различаются. Я никоим образом не хотел бы жить в уединении, но когда за столом редко собирается меньше, чем двенадцать или четырнадцать человек, и их состав постоянно меняется, то мы имеем ту же ситуацию, какой она была в Италии в последние годы нашего пребывания в стране, и это меня утомляет... У меня нет жалоб, но я чувствую, что моя жена целиком сосредоточена на лорде Нельсоне и его вложениях в Мертоне. Я хорошо знаю, какие чистые, дружеские чувства питает лорд Нельсон к Эмме и ко мне и насколько неудобно будет для лорда, нашего лучшего друга, если расставание все же произойдет. Я тем более намерен делать все в моей власти, чтобы предотвратить такую крайность, весьма нежелательную для всех сторон, но гораздо более ощутимую для нашего дорогого друга, чем для нас».

В апреле 1803 года сэр Уильям Хэмильтон умер в возрасте семидесяти двух лет.

МГНОВЕНИЯ МИРА

В конце 1799 года Бонапарт предложил Англии мир. «Как могут две самые просвещенные нации Европы, чьи мощь и сила превосходят потребности их безопасности и независимости, ради тщетной идеи величия жертвовать благами коммерции, внутренним процветанием и семейным счастьем?» — вопрошал он.

Это неожиданное предложение стало предметом политических дебатов в Лондоне. Питт, который выступал за мир в 1795—1797 годах, вдруг занял противоположную позицию. Выступая в палате общин, он приводил такие аргументы и тезисы, как «уменьшение численности французских армий и недостаточное их снабжение», «состояние финансов — банкротства». Питт считал режим Наполеона Бонапарта непрочным и, исходя из опыта общения с французскими правительствами прошлых лет, говорил о «вероломстве» партнеров и «недостатке стабильности». Он принимал во внимание роялистские симпатии, проявляемые населением ряда областей Франции, диктаторскую природу нового режима и видел общую тенденцию к установлению монархии. Питт считал, что следует поощрять

эту тенденцию, вступая в переговоры о мире. Он не исключал возможности подписания мирного договора с существующим правительством Франции, если этот мир будет стабильным и надежным.

Позиция Питта получила поддержку большинства британских политиков за исключением немногочисленных сторонников Фокса. В ноябре 1799 года Питт говорил Джорджу Каннингу, что Англия способна выдержать «еще одну или две кампании». Если же коалиция окончательно распадется, то страна способна «самостоятельно вести оборонительную войну». Премьер-министр не хотел мириться с «революционным якобинским правительством». Накануне Нового года Питт написал Генри Дандасу в Шотландию:

«Я думаю, что в настоящее время мы можем лишь отказаться от переговоров, на основании того, что реальное положение Франции недостаточно надежно, и оно не станет более надежным в результате обсуждения условий мира. При этом если прочная безопасность возможна, раньше или позже, то мы должны выразить сильное желание достичь общего мира. Мы можем, я думаю, выразить это желание, сообщив народу Франции следующее: кратчайшая дорога к миру — восстановление королевской власти...»

В первую неделю января 1800 года члены кабинета собрались на совещание и одобрили содержание ответа на мирное предложение Бонапарта. Первый консул направлял свое письмо королю Великобритании и мог надеяться на адекватную реакцию. Англичане поступили иначе: их ответ, посланный министром иностранных дел Гренвиллом Талейрану, был над-

менным и оскорбительным. В том же месяце Талейран еще раз попытался начать переговоры, но получил новый отказ.

Позиция, занятая английским кабинетом министров, вызвала новые парламентские дебаты 3 февраля. День был отмечен появлением Фокса в палате общин. Он задал единственный вопрос: почему правительство не обсуждает мирные предложения Наполеона Бонапарта в парламенте?

В ответ Питт произнес очень длинную речь, в которой называл Французскую революцию «Божьей карой, самым суровым наказанием, которому Провидение когда-либо подвергало народы, живущие на Земле». «Всевидящее око Французской революции всматривается в каждый уголок Европы, в каждую часть мира, где только можно найти объект завоевания или грабежа. Нет предела безрассудства ее амбиций, а ее жадность поглощает даже самое малое и незначительное».

Характер, нрав, поведение и принципы Наполеона Бонапарта таковы, что ему совершенно нельзя доверять: «Разве мы привыкли считать военный деспотизм стабильной формой правительства?»

Питт говорил о том, что он желает мира, трудится во имя мира, но обстоятельства изменились: враг, или потенциальный партнер по переговорам, ненадежен, а войну можно выиграть:

«Когда мы оцениваем ресурсы и дух нашей страны, может ли кто-либо сомневаться в том, что если сегодня нельзя достичь приемлемого уровня безопасности с помощью договора, то у нас есть средства ведения борьбы, и мы будем вести ее без материальных затруднений, не подвергая себя опасности и имея разумную перспективу полного достижения нашей цели?»

Что касается Фокса, то он верил в искренность Бонапарта. «Мир, мир на хороших условиях: в этом никто сегодня не может сомневаться», — говорил оппонент Питта. Фокс считал, что в течение месяцев Наполеон «превзойдет... Александра и Цезаря, не принимая в расчет большое преимущество, которое он имеет над ними в случае, если воюет».

Фокс оставался столь же блистательным и убедительным оратором, как и в годы своей юности. Его импульсивность и эмоциональность лишь добавляли ему привлекательности. Благородный человек и самый последовательный защитник идеалов свободы, которому до сих пор ставят памятники, Фокс неуклонно выступал за мир даже в тех ситуациях, когда патриотический подъем делал нацифистские призывы непопулярными.

Питт отдавал должное ораторскому мастерству Фокса и говорил, что его оппонент будто «владеет волшебной палочкой». В своих речах Фокс то двигался вперед, то вновь возвращался к тем положениям, которые считал наиболее важными. Он наполнял эмоциями сердца слушателей и призывал людей к действию.

Стиль Питта был другим. Он последовательно и логично выстраивал аргументы и не оставлял аудитории иного выбора, кроме как согласиться с его окончательными выводами.

Один наблюдатель заметил:

«Фокс увлекся серьезностью тона и манеры; Питт был более возвышенным, чем серьезным... Репортеры, разместившиеся на галерке, отмечали, что требуется большое напряжение, чтобы следить за речью мистера Фокса, но можно без труда

воспроизвести, что он сказал; и что было легко и приятно следовать за мистером Питтом, но не так легко вспомнить, что же так восхищало их».

Если говорить о главном в искусстве политического оратора, то есть его способности убеждать людей, то Питт превосходил Фокса. Ричард Ригби, который не был сторонником Питта, заявил: Фокс и Шеридан, вместе взятые, «ничто перед ним», Питт легко расправляется с ними без поддержки и помощи, он «выдувает их, как ветер солому».

Амьепский мир 1802 года дал возможность состоятельным англичанам увидеть обновленную Францию, которой правил 33-летний реформатор, творивший новые законы, позволивший эмигрантам вернуться на родину и восстановивший церковь в ее правах. Впервые за много лет Франция стала доступной для туристов из Великобритании.

Фанни Бёрни присутствовала на приеме у первого консула и описала свои впечатления:

«Дверь салона для приема гостей была распахнута с командным грохотом, энергичный страж проворно спустился на три ступеньки в наш апартамент и, встав в стороне у двери, вытянув одну руку предельно высоко, а другую протянув горизонтально, выкрикнул громким и повелительным голосом: "Первый консул!" Вы можете представить, что ничего другого не требовалось, чтобы овладеть вниманием; никто не разговаривал и не шевелился, в то время как он и его свита прошли мимо.

Я была очень сильно потрясена видом его лица вблизи, хотя и наблюдала его очень короткое время. Его выражение глубоко впечатляет, оно бледное до болезненности, и не только в глазах, но и в каждой черте отражаются внимание, мысль, меланхолия и созерцание, и все это отмечено сильной печатью личности, ист, гения, и такая проникающая серьезность — или скорее печаль... Отнюдь не таким мы ожидали увидеть Бонапарта, эта наружность скорее подошла бы ученому или мыслителю».

Леди Бессборо была на обеде в министерстве иностранных дел, ведомстве Талейрана, которого многие нашли папыщенным и неестественным. Она вспоминала:

«Я никогда не видела ничего столь великолепного — прекрасные апартаменты, аромат ладана, и как только семьдесят восемь человек (из которых состояла компания) присели, как огромное зеркало в конце комнаты плавно убралось, и начала играть мягкая и красивая музыка... Обед был, я считаю, великолепным, но из-за некоторой неповоротливости в обслуживании было очень трудно получить что-нибудь поесть».

Париж показался англичанам красивым, но небольшим городом, а самой прекрасной парижанкой была признана мадам Ремюза.

Британцев шокировали прозрачные наряды женщин, аморальные идеи и манеры французов, особенно высшего класса, а также «законченный военный деспотизм». Чарльз Уильямс Винн написал о «почти азиатской помпе, блеске и роскоши правительства». Наполеон «правит железным скипетром, совершенно не думая о популярности».

Лорд Абердин заметил: «В городе царит военный дух, солдаты маршируют по большинству главных улиц и поддерживают общественный порядок; ко всему военному относятся с величайшим уважением». Другой посетитель нашел, что «гражданская власть в Париже не видна».

Поэт Уильям Вордсворт не был во Франции десять лет. Посетив ее, он был шокирован увиденным и быстро вернулся на родину. Ему очень не понравилось то, что Бонапарт был провозглашен пожизненным консулом, и поэт с новой силой воспеивал английскую свободу.

В Тюильри был принят лидер британской оппозиции Чарльз Джеймс Фокс. В то время посетители дворца могли видеть бюсты Фокса и Нельсона на туалетном столике первого консула.

— А! Мистер Фокс! — начал Бонапарт. — С удовольствием услышал о вашем приезде. Очень хотел вас видеть. Я долгое время восхищался вами как оратором и другом нашей страны, который, постоянно подавая свой голос в защиту мира, учитывал наиважнейшие интересы этой страны, Европы и всего человеческого рода. Двум великим нациям Европы нужен мир, им нечего бояться, они должны понимать и ценить друг друга. В вас, мистер Фокс, я с большим удовлетворением вижу великого государственного деятеля, который предлагал мир, поскольку не было объективной причины для войны, кто видел, что Европа разорена без всякой цели и кто боролся за то, чтобы облегчить ее участь.

Они оценивали друг друга — молодой руководитель Франции, власть которого была сильнее власти любого короля,

и один из ярчайших либералов и борцов с тиранией. Чарльз Джеймс Фокс, седовласый англичанин с большим животом, был старше собеседника на двадцать лет.

Наполеон и Фокс представляли собой два совершенно разных типа государственных мужей, и карьеру они делали каждый по-своему. Бонапарт побеждал врагов Франции на полях сражений и достиг политической вершины благодаря приобретенной популярности, заслугам и авторитету, Фокс многое получил по праву рождения и был введен в парламент в возрасте девятнадцати лет. Сын первого барона Холланда стал лидером партии вигов и два десятилетия не давал покоя Уильяму Питту Младшему. Назвав взятие Бастилии вслывшим и лучшим событием в истории, он потерял доверие короля Георга III и более не получал правительственных постов, хотя в молодости успел побыть министром.

Секретарь Фокса отметил, что Бонапарт внешне «маленький и отнюдь не властный, одет просто, но богато, в консульском мундире, украшенном вышивкой; волосы не пудрит и на первый взгляд — частное лицо, джентльмен, безразличный к одежде и лишенный всякого высокомерия».

А Фокс нашел, что Наполеон «прост и хочет понравиться, не прилагая к этому усилий». Однако он держится свысока, «иногда спрашивает и не ожидает ответов перед тем, как задать другие вопросы; было замечено, что он улыбается ртом, но его глаза при этом никогда не имеют соответствующего выражения».

Фокс занимался историческими исследованиями о Стюартах и сообщил Бонапарту об этом. Наполеон предоставил в его распоряжение дипломатические архивы Франции.

Фоке были потрясены, когда Бонапарт начал безжалостно обвинять английский кабинет министров в ужасных преступлениях. Первый консул не мог простить своим врагам взрыва, прогремевшего на улице Сен-Никез 24 декабря 1800 года.

Вечером того дня заговорщик-роялист Франсуа Карбон, принявший обличье уличного торговца, тащил под уздцы лошаадь, запряженную в повозку. В телеге лежала винная бочка, набитая порохом. Злодей попросил 14-летнюю девочку поддерживать уздечку, а сам исчез за углом здания. У него был сообщник, который должен был вовремя подать сигнал.

Жозефина Бонапарт собиралась в театр и уговорила усталого Наполеона сопровождать ее. Первый консул согласился и вышел в экипаже вместе с тремя помощниками. Впереди скакали конные гренадеры. Супруга первого консула чуть задержалась, и ее экипаж следовал на некотором расстоянии от кареты Бонапарта.

Были кануны Рождества, и кучер первого консула выпил спиртного. Если бы он был трезв и вел себя разумно, то история Наполеона могла закончиться в тот же вечер.

Увидев телегу, преграждавшую дорогу, кучер не стал замедлять движение экипажа или искать пути объезда. Наоборот, он прищипорил лошадей и устремился за гренадерами, объезжавшими препятствие. Это ускорение спасло жизнь Бонапарта и его адъютантов. Сигнал был подан и фитиль зажжен, но это произошло мгновением позже, чем того хотели убийцы. Взрыв убил девятых несчастных, включая девочку, ранил двадцать шесть человек, сбросил на землю конных охранников первого консула, следовавших за его каретой, вызвал страшные разру-

шения, но не достиг цели. Наполеон был цел и невредим. Жозефине сделалось дурно, но и она ничуть не пострадала.

Где искать заказчика преступления? Никто из участников события не избежал подозрений. Почему конные гренадеры просто объехали препятствие, вместо того чтобы расчистить дорогу для кареты первого консула? Почему Жозефина задержалась во дворце? Перед самым выездом она решила, что ей нужна паль, и отстала от мужа. Разве она не называла его «страшным человеком», который «всех мучит»? Разве ее реакция на ложное сообщение о том, что Бонапарт погиб в Египте, не была странной?

В тот злополучный вечер Наполеон не хотел ехать в оперу, но Жозефина настояла на совместном выезде. И разве она не была интриганкой, связанной со многими недоброжелателями и врагами Бонапарта?

Были вопросы, но не было доказательств. Первый консул потребовал от министра полиции Жозефа Фуше быстрых и эффективных действий.

«За такое чудовищное преступление мы должны отомстить, и это будет словно удар молнии; должна пролиться кровь», — бушевал Бонапарт. Полиция арестовала 130 лидеров якобинцев, которых приговорили к различным срокам тюремного заключения или ссылке в Вест-Индию.

Наказав политических противников, Бонапарт обратил свой взор на Англию, где скрывались наиболее вероятные организаторы преступления на улице Сен-Никез. Там находился богатырь Жорж Кадудаль, бретонский крестьянин, обладавший блестящими организаторскими способностями и преданный

делу Бурбонов. Он тренировал отряды мятежников-роялистов и получал финансовую поддержку от Уильяма Виндхэма, руководителя британской разведывательной службы.

Наполеон подозревал Питта и Виндхэма, и прямо сказал Фоксу об этом.

«Бонапарт принялся говорить о том, что он готов простить открытых врагов внутри кабинета и тех, кто сражается на поле боя, но не трусливых попыток уничтожить его как... использование адской машины. Мистер Фокс снова и с огромной теплотой уверял его в том, что он [Наполеон] был обманут и что мистер Питт и мистер Виндхэм, как и любой другой англичанин, с ужасом отвергли бы идею секретного политического убийства. “Вы не знаете Питта”, — сказал Бонапарт. “Да, я знаю его, — ответил мистер Фокс, — и достаточно хорошо, чтобы думать: он неспособен на такое действие. Голову даю на отсечение”. Бонапарт, помедлив мгновение, молча ушел».

Такова британская политическая культура начала XIX столетия — либерал и поборник мира Фокс защищал своего главного оппонента, консерватора и организатора антифранцузских коалиций. Но поверил ли Бонапарт Фоксу? Стендаль, уделивший много места историям покушений на Наполеона, отрицает это.

«Умеренность первого консула, так сильно отличавшаяся от насилий предыдущих правительств, внушила роялистам безрассудные и безграничные надежды, — пишет Стендаль. — Революция обрела своего Кромвеля; они были настолько глупы, что увидели в нем генерала Монка. Убедившись в своей ошибке, они стали искать способа отомстить за свои обману-

тые надежды и додумались до адской машины... Наполеон всегда считал, что в этом деле был замешан английский министр Виндхэм. Он заявил это Фоксу в известном разговоре, который имел место в Тюильрийском дворце между этими двумя великими людьми. Фокс сначала усиленно отрицал участие Виндхэма, а затем стал восхвалять всем известную честность английского правительства. Наполеон, высоко ценивший Фокса, из вежливости удержался от смеха».

В самой Англии премьер-министр Генри Аддингтон, пришедший на смену Уильяму Питту Младшему, отменил подоходный налог, наполовину сократил армию, распустил полки волонтеров, уменьшил количество военных кораблей со ста до сорока и уволил сорок тысяч моряков. Сент-Винсент начал бороться с коррупцией на верфях, и эти производства почти встали.

Люди, чьи профессии были связаны с войной, теряли работу и доходы. Партия войны критиковала условия, на которых был заключен договор в Амьене. Бывший секретарь по иностранным делам Гренвилл считал, что Великобритания сделала в ходе переговоров все возможные уступки, в то время как французы сохранили за собой все территории, захваченные ими во время революционных войн.

Уильям Виндхэм, магнат из Норфолка, бывший военный секретарь и глава шпионской сети Великобритании, назвал условия мира «смертным приговором» своей стране.

Чарльз Бёрни написал ему:

«Я всегда видел опасность заключения мира с Францией при нынешних правителях... Вся Европа у ее ног кроме этой

страны; она фактически владеет половиной Германии, Нидерландами, Швейцарией, Савойей, Пьемонтом, Ломбардией, Генуей и папскими государствами... Неаполем, Испанией и Португалией, так же как Голландией: и вся эта территория и ее жители управляются злодеями, царсубийцами, террористами, грабителями, якобинцами, атеистами и анархистами — чего мы можем ожидать?».

Ричард Бринсли Шеридан заметил, что Амьенским миром все довольны, но никто им не горд.

Насколько основательны подобные суждения? По условиям мирного договора, подписанного 27 марта 1802 года, Великобритания покидала мыс Доброй Надежды, Египет и оставляла практически все свои позиции в Средиземном море, включая Эльбу, Менорку и Мальту, которой обе стороны придавали огромное значение. Подписи на договоре поставили представители Англии, Франции, Испании и Голландии.

Англичане должны были покинуть Мальту в трехмесячный срок. Следом туда должны были войти неаполитанские войска при гарантиях шести влиятельных государств. Что же касается территорий, приобретенных Англией за девять лет войны, то она сохранила за собой только Цейлон и Тринидад, и последний становился ее единственной стратегической базой в Западной Индии.

Франция закрепила за собой владение несколькими странами континента. Голландия была аннексирована, и Наполеон вскоре недвусмысленно дал понять, что такая же участь ожидает Швейцарию. Неаполь и папские государства сохраняли юридическую самостоятельность.

Премьер-министр Аддингтон искренне верил в то, что он достигнет прочного мира, сделав уступки. Он выполнил почти все требования Бонапарта, который редко кому-либо уступал в ходе переговоров.

Добившись нужного результата, Наполеон вернулся к своим идеям экспансии на юг и на восток, которые не оставляли его на протяжении всей политической карьеры. Осознав это, англичане не спешили выводить войска с Мальты. Наполеон проявил недовольство и потребовал строгого выполнения условий договора. Правительство Великобритании отказалось это сделать, и первый консул предложил компромиссный вариант: передать Мальту русским на десять лет на условиях аренды. Англичане отклонили и это предложение. Они посчитали, что благоразумнее удержать Мальту на случай новой экспедиции Наполеона на Восток, и их опасения не были беспочвенными.

Первый консул активно изучал возможности вторжения в Африку и Азию. Он послал на Восток своего земляка Ораса Себастиани с официальным поручением — изучить состояние портов Египта и Сирии и восстановить торговые связи с турецкими гаванями. Корсиканец Себастиани выполнял и тайное задание — наладить отношения с Портой и каирскими шейхами. Миссия, цели которой были совершенно ясны англичанам, не привела к ощутимым результатам, но нанесла вред отношениям между Великобританией и Францией. Доклад Себастиани о его поездке, опубликованный в «Мониторе», содержал резкие выпады и угрозы: если англичане не выполняют своих обязательств по договору, то Франция вторгнется в Египет, и «шесть тысяч человек будет достаточно», чтобы вновь его завоевать.

Англичане удерживали Мальту и Египет, а Наполеон, в свою очередь, не выполнил ряда обещаний в отношении Италии и Швейцарии.

Еще в 1801 году он предпринял попытку превратить Цизальпинскую республику в полностью зависимое от Франции государство. Инструментом этого должно было стать избрание Жозефа Бонапарта президентом республики. Однако Жозеф отказался, надеясь стать наследником Наполеона. Тогда первый консул оказал давление на депутатов, и те избрали его самого президентом.

Так или иначе, но судьба малых государств была решена. Пьемонт, Эльба, а затем Лигурия и Парма стали французскими сателлитами. Бонапарт учредил марионеточное королевство Этрурия на территории Тосканы.

Амьенский договор предусматривал вывод французских войск из Швейцарии. Однако Бонапарт желал контролировать Сен-Бернарский и Симплонский перевалы и ради этого захватил кантон. Жители нескольких городов протестовали, а Наполеон послал войска под командованием генерала Нея.

Швейцарцы обращались за помощью к англичанам, и Аддингтон предлагал им оружие и деньги. Бонапарт требовал невмешательства Великобритании в дела континента и указывал англичанам на то, что они не придерживаются буквы Амьенского договора. В конце января 1803 года он заявил, что скорее принесет в жертву сто тысяч человек, чем позволит Великобритании вмешиваться в швейцарские дела.

Англия не имела союзников на континенте, и Аддингтон уступил. Бонапарт овладел страной и стал ее «медиатором».

Он также не собирался выводить войска из Голландии, что должен был делать по условиям договора. Англичане чувствовали угрозу своим портам и морским коммуникациям.

Правительство Аддингтона было шокировано, узнав о существовании указа, по которому французы должны были арестовывать все суда весом менее 100 тонн, с британскими товарами на борту, если они приблизятся к французскому берегу на расстояние в четыре лье. Мера должна была применяться даже в том случае, если корабли ищут убежища от непогоды. Один такой корабль был захвачен: блокада действовала в мирное время!

Важнейшим центром событий было посольство Великобритании в Париже. Лорд Чарльз Уитворт, ранее служивший послом в Санкт-Петербурге, вновь был призван сыграть роль, очень важную для судеб мира. Это был человек с носом в форме клюва, крайне самоуверенный и способный резко менять гнев на милость.

В марте 1803 года наступила кульминация политического конфликта. Уитворт вел беседу с первым консулом в презрительной манере. Человек, с которым давно и никто подобным образом не обращался, дал выход своему негодованию:

«Мы хорошо понимаем преимущества мира. Но сейчас вы вынуждаете меня воевать еще пятнадцать лет!.. Если вы вооружаетесь, то я тоже буду вооружаться! Если вы воюете, то я тоже буду воевать! Вы думаете разрушить Францию, вы никогда не запугаете ее! Вы должны уважать договоры! Горе тем, кто не уважает договоры!»

Англичан, свидетель этой сцены, вспоминал:

«Бонапарт был или пытался казаться разгневанным. Если брать его жизнь в целом, то никогда по его чувствам и пове-

дению он не был джентльменом и теперь грубо нарушал правила этикета, приближаясь к лорду Уитворту, разговаривая с ним самым громким и гневным тоном и даже жестикулируя так, будто собирался напасть. Лорд Уитворт был высоким, красивым мужчиной, он обладал большим чувством собственного достоинства. Он был совершенно недвижим, в то время как маленький капрал метался под ним в приступе раздражения и гнева; [посол] вновь и вновь повторял примирительные слова о желании его правительства сохранить почетный мир. Бонапарт вел себя столь вспыльчиво, что лорд Уитворт был вынужден подумать о том, что бы он стал делать со своей шпагой, если бы в его присутствии напали на Его Величество короля Англии».

Последний английский ультиматум содержал условия, совершенно неприемлемые для Бонапарта: вывод французских войск из Голландии и Швейцарии и продолжение британской оккупации Мальты.

Уитворт покинул Париж, и несколько дней спустя, 18 мая 1803 года, Великобритания объявила войну Франции. Англичане захватили французские суда, а Бонапарт, игнорируя конвенцию о высылке иностранцев в преддверии войны, арестовал всех находившихся в Париже англичан в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет.

Угроза французского вторжения на Британские острова вновь стала реальностью, и англичане все чаще вспоминали о двух героях, находившихся на временном и непривычном для них отдыхе. Оба поддерживали заключенный в 1802 году мир с Францией, но обстоятельства вновь потребовали их активного участия в политических и военных событиях эпохи.

Их звали Уильям Питт Младший и Горацио Нельсон.

ГЕНИЙ, ПОЛНЫЙ ДЕРЗАНИЙ

Бонапарт не желал, чтобы война разразилась слишком скоро, поскольку хотел иметь время для реформы армии и флота. Встав во главе великой нации, он решал грандиозную задачу — Франция должна иметь самые могучие в мире вооруженные силы.

Программа кораблестроения предусматривала строительство двадцати пяти линейных судов в год. Бонапарт планировал довести их общее количество до двухсот. Морской министр Дени Декре энергично выполнял предначертания главы государства.

Наполеон провел реконструкцию трех главных портов — Шербура, Антверпена и Бреста. Он построил каналы, связавшие Рейн и Рону, канал Нант-Брест протяженностью 160 миль и Сан-Квентин. Это способствовало движению товаров и судов по внутренним водным артериям Франции и стало альтернативой сообщениям по морю, где суда могли стать добычей англичан.

Бонапарт никогда не оставлял идеи подорвать владычество Великобритании в обеих Индиях. На Западе он решил создать американскую империю, а на Востоке — вернуться к выполнению миссии, начатой Египетским и Сирийским походами.

Его первый шаг последовал вскоре после того, как он захватил власть во Франции, — Бонапарт уговорил своего союзника Павла I предпринять совместный поход в Индию. Русский царь согласился и послал казачье войско. Однако вскоре он погиб от рук убийц, а новый царь Александр I отменил поход.

Направление следующего удара подсказала сама политическая реальность. Еще в 1791 году на Гаити вспыхнуло восстание рабов, которое возглавил Туссен Лувертьюр. В 1801 году была принята конституция. Остров был провозглашен автономным владением Франции, Туссен Лувертьюр получил должность пожизненного генерал-губернатора с неограниченной властью и правом назначения наследника.

Эти перемены угрожали интересам французских плантаторов. И тогда первый консул снарядил военную экспедицию. Армию численностью 25 000 человек возглавил генерал Шарль Виктор Эммануэль Леклерк. Его сопровождала прекрасная Полина, сестра Наполеона.

Войско пересекло Атлантику на судах эскадры Рошфора, которой командовал лучший моряк Франции — адмирал Латуш-Тревииль. Корабли достигли острова Гаити в феврале 1802 года.

Леклерк преследовал неприятеля в течение трех месяцев. Он заключил перемирие с Туссеном Лувертьюром, а затем арестовал его, заковал в цепи и отослал во Францию. Тот вскоре умер в тюрьме.

Летом французов поразила эпидемия желтой тропической лихорадки, от которой ранее пострадали англичане. Мужественная и добросердечная Полина навещала больных, устраивала приемы и концерты в доме губернатора.

Армия таяла на глазах, а островитяне продолжали сопротивление. Леклерк приказал отправить супругу на борт корабля, а сам пошел на врага и победил.

Это была его последняя победа: в ноябре 1802 года генерал умер от той же болезни. Полина отправилась домой вместе с маленьким сыном.

Потерпев неудачу в Западной полушарии, Бонапарт продолжал бороться за влияние в Восточной Индии и Средиземноморье. Он назначил генерала Десана капитаном-генералом в Индии и приказал ему договариваться с индийскими принцами о начале совместной войны против англичан. Прибыв в Индию, Декан потребовал от английского генерал-губернатора Ричарда Уэллесли, родного брата Артура Уэллесли — будущего герцога Веллингтона, выполнения условий Амьенского договора. В данном случае это означало уступку французам форта и анклава Пондишери. Генерал-губернатор отказался отдать Пондишери. Вместо этого он начал новые кампании на полуострове, захватив Дели, Хиндустан и Декан. В сентябре 1803 года Артур Уэллесли одержал триумфальную победу при Ассайе.

Французские эмиссары были направлены в Алжир и на Ионические острова изучать возможности строительства военных баз. Британский посол в Неаполе заметил, что французы обследуют берега Италии от Анконы до Таранто:

«Это может быть очень полезно для них и способствует их движению в восточном направлении — идя, от которой они никогда не отказывались...»

Египет — вот предмет завоевательской страсти Наполеона! И покорить его стало легче, чем прежде, поскольку Османская империя слабела день ото дня.

«Турция больше не государство; это совокупность независимых папалыков, управляемых в соответствии со взглядами, интересами и страстями папш, — рассуждал Наполеон. — Она не может больше выставлять многочисленные армии, подобные тем, которые ужасали Европу в прежние века. Турецкое ополчение не имеет ни дисциплины, ни организации, ни боевой подготовки, ни тактики. Пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, из которых половина на конях, а половина пешие, вооруженных ружьями всех калибров и холодным оружием всех видов, образуют толпу, но не заслуживают названия армии».

Лорд Кейт предупреждал о возможной французской оккупации Корфу и Сардинии. В Константинополе и Александрии говорили о том, что Бонапарт хочет поделить Оттоманскую империю между Францией и Россией. Консул Великобритании в Багдаде доложил своему правительству о посылке французских агентов в Персию и Афганистан.

Шеридан выступил в парламенте с яркой речью:

«Я вижу в сложившейся ситуации и структуре власти Бонапарта его нужду пойти на бартерный обмен с его подданными и пообещать сделать их властелинами мира, если они согласятся быть его рабами. [Покорение Англии] ... это его первое видение, возникающее перед ним с проблеском утра, и это его последняя молитва ночью, какому бы божеству он ее ни адресовал, — Юпитеру или Магомету, Богине битв или Богине разума».

Бонапарт был сухопутным генералом, но обстоятельства сложились так, что в течение нескольких лет он был вынужден уделять самое пристальное внимание морским делам, поскольку именно от них зависели его политические успехи и неудачи.

Наполсон возглавлял Францию, а Горацио Нельсон был одним из ста английских адмиралов. Неравенство в общественном положении двух знаменитых людей не является препятствием к тому, чтобы сравнить их.

Они были символами эпохи. Наполсон объединил французов и вдохновил их на великие свершения, а Нельсон был единственной фигурой, вдохновлявшей англичан.

Наполеон обладал феноменальной памятью и по мере необходимости мог припомнить имена, лица и качества тысяч людей — королей и царей, политиков и военных, ученых и деятелей культуры. Вне всякого сомнения, адмирал Нельсон не мог затеряться в памяти Наполсона, даже когда на некоторое время уходил в тень. Наполсон редко терпел неудачи, и имя Нельсона было связано с самой громкой из его неудач. Разгром французской эскадры при Абукире сильно затруднил положение его армии в Египте и сделал практически невозможной дальнейшую экспансию на Восток. Битва при Копенгагене и несомненное политическое достижение Нельсона — развал лиги государств, направленной против Англии, — также больно ударили по самолюбию Наполсона, поскольку он рассчитывал использовать флоты этих государств в совместных военных действиях.

Вряд ли локальная неудача Нельсона при атаке Булони могла повлиять на репутацию прославленного адмирала в глазах Наполсона. Последний, будучи военным специалистом, знал цену побед и поражений. Важно было другое — как проявит себя Нельсон в новых обстоятельствах? Какая роль будет ему отведена?

Приближались события, по своему масштабу и последствиям невиданные в человеческой истории. Великобритания, первая промышленная держава мира, вновь оказалась под угрозой потери национального суверенитета. Наполеон собирался покорить это государство, и для этого он должен был: 1) построить флот, который перебросит его армию через узкий пролив, отделяющий Францию от Англии; 2) обеспечить контроль над проливом на то время, пока флот будет перевозить армию, и значительное время после высадки на Британские острова, поскольку необходимо будет установить постоянное сообщение между двумя территориями.

Он хорошо понимал, что англичане сделают все возможное, чтобы не дать ему выполнить эту программу. И главным средством противодействия дерзким планам станет блокада важнейших портов Франции, в первую очередь Бреста.

Если французский флот будет заперт в порту, то он, сам собой разумеется, не сможет перевозить никакую армию. Но если этот флот все же вырвется на простор, то англичане могут организовать на него охоту, догнать и уничтожить. Никто лучше Нельсона не сможет решить эту задачу. Это понимал Наполеон. Это понимали в Британском адмиралтействе, которое должно было принять важнейшие кадровые решения.

Самым простым и, что называется, лжившим на поверхности решением стало бы назначение Нельсона на пост главнокомандующего Флотом Пролива. Однако Нельсон совсем недавно занимал эту должность и потерпел обидную неудачу при атаке Булони.

Поэтому руководство британскими военно-морскими силами поступило иначе. 16 мая 1803 года вице-адмирал лорд виконт Нельсон был назначен главнокомандующим Средиземноморским флотом.

События развивались стремительно. 23 мая военный министр Франции Луи-Александр Бертье впервые объявил о начале строительства военных баз вдоль северного побережья. Это была прямая подготовка к вторжению на Британские острова.

Если у кого-то в правительстве Англии еще были сомнения относительно намерений первого консула, то теперь они окончательно исчезли. Можно было сомневаться в способности Бонапарта осуществить этот грандиозный экономический, технический и военный проект, но в любом случае Великобритания должна была принять немедленные ответные меры.

25 мая Адмиралтейство назначило сэра Уильяма Корнуоллиса на пост главнокомандующего Флотом Пролива. Задачи, которые должен был решать адмирал, были сформулированы следующим образом: 1) не позволить французским судам выйти из порта Брест; 2) помешать кораблям (включая грузовые) входить в порт; 3) преследовать и уничтожать все французские суда, которые встретятся на его пути.

Таким образом, именно на адмирала Корнуоллиса, а не на Нельсона была возложена главная миссия по защите Великобритании. Сент-Винсент считал 59-летнего Корнуоллиса лучшим главнокомандующим флотом, хотя тот не был знаменитым боевым адмиралом.

В последние дни мая первый консул приступил к реализации программы создания береговой артиллерии и изыскал

20-миллионный кредит, необходимый для строительства судов, на которых армия должна быть перебросена через пролив. Нет, это не будут мощные линейные корабли, несущие множество орудий. Первый консул решал прагматическую задачу — перебросить сухопутные силы через водную преграду с минимальными затратами денежных средств. Он взял кредит, чтобы построить большое количество судов с малой осадкой, которые перевезут солдат, лошадей, амуницию и все необходимое для армии, ведущей боевые действия на чужой территории.

В истории был подобный случай покорения Англии. В 1066 году Вильгельм, герцог Нормандии, носитель французской культуры, перебросил армию через пролив, победил англичан и стал их королем.

Никто за прошедшие семь с половиной веков не отваживался на подобное предприятие. Наполеон взялся за выполнение обширного плана со всей энергией молодости и силой своего гения.

Его задача была двойкой: он готовился к наступлению и в то же время должен был надежно защитить берега Франции от нападений англичан, подобных рейду адмирала Нельсона в направлении Булони. В начале июня Бертье выпустил приказ о создании оборонительных полков общей численностью шестьдесят тысяч бойцов.

Два человека должны были воплотить в жизнь план высадки в Англии — морской министр Дени Декрэ и Пьер-Александр Лоран Форфэ, назначенный 24 мая генеральным инспектором Национальной флотилии.

Декрэ был способным моряком, который пришел служить во флот в возрасте восемнадцати лет, а затем стал капитаном

и контр-адмиралом. Он участвовал в экспедиции в Ирландию, и этот опыт был важен в сложившихся обстоятельствах. В 1801 году Бонапарт назначил его министром военно-морского флота и по делам колоний.

Форфэ, морской архитектор, математик, инженер и специалист в области корабельной артиллерии, был министром с 1799 года, когда Бонапарт пришел к власти, по 1801 год. В молодости он служил в английском флоте и хорошо знал конструкцию его транспортных судов и снаряжение. Наполеону сложно было найти лучшего специалиста морского дела.

Первый консул вновь призвал 51-летнего Форфэ к активной государственной деятельности и поручил ему построить тысячу судов, причем почти треть из них — до конца 1803 года, а остальные — до конца следующего года.

Как Форфэ должен был решать эту сверхзадачу, сформулированную с обычной для Бонапарта прямотой и категоричностью? Кто сделает чертежи судов? Способна ли французская судостроительная отрасль спустить на воду такое число судов в столь короткий срок? Где найти нужное число рабочих-кораблестроителей? Откуда брать древесину, снасти, смолу? Где строить суда, куда и как их доставлять?

Последние вопросы, принимая во внимание владычество Англии на морях, могли поставить в тупик любого специалиста. Кроме того, на судоверфях уже кипела работа по строительству боевых судов, и все силы были брошены именно на это. Нужно ли теперь перегруппировать силы? Ведь важно построить и перевозочные суда, и линейные корабли, которые обеспечат защиту первых в знаменательный день начала атаки.

Подчиненные Бонапарта, которые вместе с ним преодолевали альпийские перевалы, египетские и сирийские пустыни и совершили государственный переворот, хорошо знали натуру первого консула, для которого не было слова «невозможно». Но есть одно препятствие, непреодолимое физическими, умственными усилиями и самопожертвованием, — нехватка денег, которыми нужно оплачивать судостроительные контракты.

Когда Бонапарту почтительно указывали на это обстоятельство, то он отвечал, что найдутся спонсоры. Что это значит? Крупные финансисты и торговые дома пожертвуют деньги на строительство линейных судов, и их имена будут выправлены на корме и других частях кораблей. А что касается тысячи перевозочных судов, то он уже нашел кредиты!

«У нас не было такого национального героя со времен Верцингеторикса», — однажды заметил Монж. Наполеона можно сравнить и с этим вождем, и с Александром Македонским, и с Вильгельмом Завоевателем, и с Карлом Великим. Но когда мы говорим о колоссальном морском проекте Наполеона, то напрашивается сравнение с Петром I: подобно русскому царю, Бонапарт призывал своих служащих обращаться к опыту иностранцев и направлял их в Бельгию, Голландию и Германию, чтобы там найти и привлечь во Францию специалистов-кораблестроителей.

Он торопился и не обращал внимания на протесты промышленников и министров. К концу мая он видоизменил свой план: теперь первые триста перевозочных судов нужно было сделать не к концу третьей недели декабря (то есть к католическому Рождеству), а на три месяца раньше!

Франция должна была стать нацией кораблестроителей. Всем городам, расположенным вблизи судоходных рек, следовало или поднять эту отрасль на новую высоту, или создать ее, если пока не имели. Не только Франция, но и зависимые от нее страны и города вдоль Рейна и Мааса должны были принять участие в великом проекте.

Начинается его реализация: древесина, медь, тросы, пенька, тесло и причальные тумбы будут поступать в огромных количествах, и тысячи рабочих и специалистов придадут всему этому необходимые формы. И все они вместе, охваченные энтузиазмом и направляемые гением, пишут новую страницу в истории Франции и Европы.

Вслед за инструкциями, направленными на мобилизацию всех ресурсов кораблестроения на северном побережье, Бонапарт выпустил аналогичные директивы относительно Средиземноморья. Он всегда держал в голове несколько сценариев будущих событий и мог быстро менять планы.

Наполеон по-прежнему думал о новых экспедициях в Египет и Индию и в то же время запутывал англичан. Если главным направлением оставалась Британия, то первый консул был заинтересован в том, чтобы и сам Нельсон, и значительные военно-морские силы врага находились вдали от Ла-Манша.

Работа кипела днем и ночью, и конструкторы разработали под руководством Форфа несколько типов судов. Одобрены были четыре варианта, и в течение 1803 года Бонапарт заказал более 1300 плавательных средств: 1) трехмачтовых шлюпок (плоскостонных судов) длиной более ста футов, способных нести орудия и оперировать на мелководье; недостатком этих

парусников была плохая устойчивость в непогоду; 2) парусных шлюпов длиной восемьдесят футов, каждый из которых был способен взять на борт 130 солдат; шлюп был хорош для того, чтобы причалить к берегу, но плох для плавания; 3) малых судов — канонерок и барж; они должны были взять на борт столько солдат, сколько возможно, а затем, причалив к берегу, послужить платформами для орудий.

Все эти «экономичные» суда, сконструированные на скорую руку, имели существенные недостатки. Даже малое волнение на море сильно затрудняло им плавание, а солдаты, размещенные на этих судах, могли стать жертвами непогоды или огня неприятеля.

Наиболее надежной частью Национальной флотилии являлись несколько сот торговых и рыболовецких судов. Они были сделаны ранее, без спешки и по проверенным стандартам, и могли использоваться в узком проливе между Францией и Англией в любую погоду.

Командующим Национальной флотилией был назначен адмирал Брюи, активный участник государственного переворота, в результате которого Наполеон припел к власти. Он был политически благонадежен, но не одерживал значимых побед. Его карьера начиналась во время войны за независимость США, и у него был годичный опыт управления морским министерством.

Бонапарт мог иметь еще два типа плавательных средств: американский инженер Роберт Фултон, блестящий изобретатель и художник (он писал миниатюрные портреты и пейзажи), предложил ему свои разработки — подводную лодку, несущую

торпеды, и пароход. Наполеон не понял значения этих изобретений.

Рассматривалась и фантастическая идея Форфэ о понтонном мосте. Более реальным проектом казалось использование воздушных шаров, уже ставших частью облика эпохи. Предлагалось построить гигантский шар, способный поднять 3000 солдат, но таких шаров нужно было сделать не менее пятидесяти.

Наполеон планировал перебросить через Ла-Манш 150-тысячную армию, но не имел порта для базирования флота. Брест расположен слишком далеко от пролива. У Наполеона не оставалось иного варианта, кроме как сделать из Булони подходящий порт.

До этого Булонь представляла собой небольшую пристань, способную поддерживать минимальную торговлю. Наполеон дал приказ о реконструкции порта, и 1 мая 1803 года работы начались. Англичане наблюдали со своих кораблей, как 3000 рабочих расширяют и углубляют гавань.

Британцы начали бомбардировки Булони, что приводило к жертвам и разрушениям. Форфэ предложил построить защитные укрепления, что было бы важно и в случае отражения наземных атак, однако Наполеон сначала не принял предложения. Он ограничился установкой нескольких пушек и мортир, но огонь этих орудий не мешал англичанам приближаться к гавани и продолжать бомбометание. Только к концу лета он согласился отвлечь ресурсы на установку дополнительных батарей.

Флот под командованием Уильяма Корнуоллиса имел около 50 судов, в том числе 33 линейных корабля. Корнуоллис с

честью выполнял свою миссию, блокируя Брест и постоянно тревожа французов в Булони. Он полностью оправдывал свою репутацию лучшего морского адмирала (sea-going admiral), обладая удивительной способностью предсказывать погоду. Аристократ Корнуоллис был великолепным тактиком и привлекал под свои знамена лучших офицеров. А те, в свою очередь, очень любили служить под его началом и считали себя элитой британского флота.

Нельсон относился к Корнуоллису, как к другу, считая его первоклассным офицером и отличным командующим. В 1803—1804 годах адмирал Корнуоллис играл более важную роль, чем Нельсон, главнокомандующий Средиземноморским флотом, и лорд Кейт, имевший под началом «Внутренний флот».

Сент-Винсент уверял соотечественников в том, что Британские острова находятся под надежной защитой кораблей Его Величества: «Я не говорю, что французы не могут прийти. Я только говорю, что они не могут прийти по воде».

Британским морякам удалось захватить одно из новых перевозочных средств врага. Адмирал, руководивший этой операцией, отозвался о судне самым презрительным образом, назвав его смешным. А флот, составленный из таких судов, будет рассеян малейшим штормом, «как щепки в потоке воды, приводящем в движение мельничное колесо», и жалкие посудины можно будет уничтожить одну за другой — подобно тому, как акулы пожирают пловцов.

Чтобы перебросить армию, Наполеону нужно, чтобы море было абсолютно спокойным. Хотя бы один такой день, и его цель будет достигнута!

В ноябре 1803 года Бонапарт говорил генералу Ожеро, что его план будет успешно реализован и это станет актом мщения. История пойдет по иному пути!

Он верил в то, что великий день скоро наступит. На скале, вблизи Булони, Бонапарт приказал построить павильон. Это было деревянное сооружение длиной сто футов, состоявшее из трех комнат, включая комнату для переговоров, и ротонды, с которой вся бухта была видна как на ладони.

В комнате для переговоров было только одно кресло, для самого Наполеона. Все остальные стояли в его присутствии.

Он проводил смотр войск, расквартированных вблизи Булони, в присутствии местного населения. Английская разведка знала обо всех его перемещениях, поименно указывая лиц, с которыми общался Бонапарт.

Лондонская «Таймс» написала:

«Он был верхом на великолепной маленькой лошади железно-серого цвета. Ему предшествовали триста человек пехоты и около тридцати мамелюков, формировавшие вокруг него подобие полукруга... Как только он и сопровождавшие его лица проехали сквозь ворота, он приказал им замолчать... Выполнение этого приказа в значительной степени умерило пыл корсиканских поклонников, хотя мгновенно раньше вся площадь радостно кричала “Да здравствует Бонапарт!”».

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГАСТРОЛИ

Закончился первый и последний отпуск Уильяма Питта Младшего.

Он стал премьер-министром в двадцать четыре года, а затем провел в офисе семнадцать лет — без единого перерыва. Выйдя в отставку, он удалился в замок Уолмер, резиденцию на морском побережье, где разбивал сады, охотился и встречался со старыми друзьями. Когда в 1803 году возобновилась война с Францией, он, будучи губернатором Пяти портов¹ и полковником корпуса волонтеров, внес ощутимый вклад в дело защиты страны — собрал и обучил 3000 человек, а также снарядил 170 канонерских лодок, которые базировались между Маргетом и Гастингсом.

Питт внимательно следил за политическими событиями. Уйдя с поста премьер-министра, он оставался членом палаты общин. Его выступления в парламенте были шедеврами крас-

¹ *Губернатор Пяти портов (Warden of the Cinque Ports)* — почетный титул номинального главы Пяти портов (Cinque Ports); соответствует адмиралу. Пять портов — группа портовых городов (первоначально пять — Дувр, Сэндвич, Ромни, Гастингс, Хайз) в Юго-Восточной Англии, пользовавшихся особыми привилегиями. Уолмерский замок, расположенный в графстве Кент, — официальная резиденция губернатора Пяти портов.

порочия, и теперь он взывал к патриотизму британцев и говорил о великой миссии своего народа:

«Мы вступили в новую эру истории наций; мы призваны защитить достоинство не только этой страны, но и всего цивилизованного мира. Мы должны помнить, что не мы одни терпим беспрецедентные лишения. На нас возложена великая обязанность — сохранить себя для продолжения наших деяний; но сегодняшняя долг людей Англии гораздо благороднее и выше... Посреди крушений и упадка наций мы торжествуем над амбициями и всем, что только может породить деспотизм; мы еще более горды оттого, что мы делаем это не только для нашей безопасности, но и предлагаем перспективу для наций, которые сегодня склонились под железным ярмом тирании...»

Премьер-министр Генри Аддингтон подал в отставку. Питт вернулся в свой кабинет на Даунинг-стрит 18 мая 1804 года.

В этот же день Наполеон Бонапарт был провозглашен императором французов. Получив неограниченную власть (пожизненное консульство), он мог учредить республику, основанную на реальном разделении властей, но предпочел создать еще одну монархию.

Он сделался императором, вернувшись к отжившей форме государственного устройства, и позднее заставил римского папу торжественно себя короновать. Он соединил себя с прогнившими общественными Институтами.

«Наполеон становится вероотступником; он отказывается от своей прежней веры в действительность и начинает верить в призраки; старается связать себя... с папством, с отжившим фальшивым феодализмом, со всем, что, как он некогда ясно ви-

дел, представляло ложь; думает, что он должен основать свою собственную династию, — одним словом, находит, что весь смысл чудовищной Французской революции заключался именно в этом! Таким образом, человек впал в страшную иллюзию, которую он должен был бы считать ложью; ужасное, но вполне достоверное дело. Он не умеет теперь различать истинное от ложного, когда ему приходится иметь дело с тем и другим, — жесточайшее наказание, какое только постигает человека за то, что он позволил неправде заполнить свое сердце», — писал Томас Карлейль.

Множество славных и влиятельных людей противилось его цезаристским устремлениям: брат Люсьен покинул Францию, Мюрат громко осуждал имперские химеры. Карно, организатор республиканских побед, надолго ушел в тень.

Еще во время референдума о пожизненном консульстве в 1802 году от Наполсона отшатнулись бывшие члены революционного Конвента. Друзья Бонапарта по академии бойкотировали выборы.

Генерал Лафайет отметил резким высказыванием: «Я не стану голосовать за бессрочные полномочия этого должностного лица до тех пор, пока не будут обеспечены гарантии демократических свобод. Когда это случится, я отдам свой голос за Наполсона Бонапарта».

А самому диктатору маркиз направил длинное письмо, в котором были такие слова: «Невозможно поверить, чтобы вы, генерал, первый среди людей, нуждающихся для определения своего места и значения в примерах из всемирной истории, допустили, чтобы эта революция, ее победы и кровь, страдания и

геройство не имели бы для человечества и лично для вас иного результата кроме торжества произвола».

Генерал Моро демонстративно отказался получить орден Почетного легиона. Бетховен, узнав о превращении Бонапарта в императора, взял назад свое посвящение к «Героической симфонии».

Что Бонапарт сделал с передовыми идеями? Вместо разделения властей (идея Монтескье) — диктатура, вместо представительной власти — пародия на нее, когда парламентариям оставалось лишь оформлять инициативы императора. Вместо вольтеровского духа свободы — подавление печати и оппозиции, запрет стачек и профсоюзов, рабочих книжки, поставившие тружеников в положение рабов.

Духовный заряд исчерпан. Остались честолюбие и идеи мирового господства.

Новый премьер-министр Великобритании провел перестановки в кабинете. Сент-Винсент, слишком рьяно боровшийся с коррупцией, был отправлен в отставку, а на его место назначен Дандас, лорд Мелвилл, — старый друг главы правительства.

Уильям Питт Младший, создатель и вдохновитель антифранцузских коалиций, строго придерживался знаменитой формулы: «у Британии нет вечных союзников, но лишь вечные интересы». Совсем недавно флот Паркера и Нельсона готов был уничтожить русские эскадры в Балтийском море, теперь Уильям Питт вновь вступает в альянс с Россией.

Премьер-министр энергично способствовал активным действиям флота и уделил должное внимание проектам Фултона,

ранее отвергнутым Наполеоном. Американец, намного опередивший свое время, предложил построить субмарину «Наутилус», несущую торпеды. Она имела корпус длиной 21 фут и управлялась командой из трех человек, которые должны были вручную приводить в движение пропеллер. Подводная лодка могла погружаться на глубину 25 футов и оставаться под водой три четверти часа.

Эти идеи были рассмотрены специально созданным секретным комитетом. Его члены сочли субмарину непрактичным делом, но заинтересовались торпедами, которые тут же обозвали «бочками» или «каркасами» (зажигательными ядрами).

Лорд Кэйт использовал торпеды Фултона при атаках Булони летом и осенью 1804 года. Наполеон принял необходимые меры для защиты побережья. «Должно быть установлено минимум одно полевое орудие на каждое лье береговой линии», — гласил приказ.

Время шло, а высадка в Англии оставалась мечтой. Наполеон заявил, что пересброска состоится в темноте: «Восемь ночных часов при благоприятной погоде решат судьбу вселенной».

Все уже готово для решающего броска: «около ста двадцати тысяч солдат и 3000 плавательных средств... лишь ждут попутного ветра, чтобы водрузить императорского орла на лондонском Тауэре».

Он также заявил, что готов пожертвовать ради этого многими жизнями. Люди утонут, погибнут, но «каждый день на поле брани теряется столько же».

19 июля он прибыл в Булонь, чтобы провести смотр флотилии. Погода была неблагоприятной, и адмирал Брюи заявил,

что маневры проводить нельзя. Наполеон настаивал, и, по свидетельству очевидцев, император и главнокомандующий флотилией едва не подрались. Разгневанный властелин отстранил Брюи от командования и приказал одному из старших офицеров флотилии, Шарло-Рене Магону, провести учения.

Магон дал приказ, и маневры начались. Как и предсказывал Брюи, нагрянул шторм. Несколько судов потерпели крушение, и люди оказались наедине со стихией, которая не утихала до ранних часов 21 июля. Поняв, что он натворил, Наполеон сам полез в воду, но, несмотря на все усилия, многие утонули (пятьдесят человек, по официальным отчетам; местные жители говорили о двухстах погибших). В Лондоне это число увеличили до нескольких сотен.

16 августа 1804 года император провел в Булони награждение орденом Почетного легиона. Сцена, или огромная платформа высотой около пятнадцати футов, была установлена на возвышении. Чтобы на нее подняться, нужно было пройти по устланным коврами лестницам. Ковровые дорожки были положены и посередине лестниц, и по сторонам.

На сцене располагались еще три платформы. На центральной платформе поместили золоченый императорский трон, справа был поставлен треножник античной формы. Этот треножник был увенчан шлемом, принадлежавшим знаменитому средневековому рыцарю. В шлеме лежали ордена, представлявшие собой эмалевые кресты. Под большим балдахином расставили военные трофеи, захваченные у врага в Европе и Африке.

Процедуру награждения, которую наблюдали двадцать тысяч гражданских лиц, сопровождали салюты, бой сотен бара-

банов и звуки огромного оркестра, состоявшего из 1200 музыкантов.

80-тысячная армия расположилась на склонах, образующих природный амфитатр. Император, одетый в форму генерал-полковника гвардейской пехоты, лично награждал каждого из двух тысяч новых кавалеров ордена, и это заняло несколько часов.

Для военных и гражданских лиц, награжденных орденом, организовали праздничный банкет. Огромные столы, каждый из которых был накрыт на четыреста персон, были установлены перед входом в лагерь и вдоль набережной.

Во второй половине дня прибыла флотилия, состоявшая из 1000 судов, капитаны которых готовы были отразить вражескую атаку. Торжественный день был омрачен небольшим происшествием, описанным супругой генерала Жюно:

«Офицер, командовавший первой дивизией флотилии, натолкнулся на оборонительное сооружение, только что возведенное вдоль берега. Несколько шлюпок были затоплены водой, и несколько человек прыгнули за борт... Инцидент был тем более досаден, поскольку произошел на глазах наших врагов, которые направили на нас свои телескопы, и вызвал сильный гнев императора. Он спустился с трона и прошел вместе с Бертье на террасу, которая была возведена у воды. Он ходил взад-вперед очень быстро, и до нас изредка доносились слова, которыми он энергично выражал свою досаду».

На следующий день император посетил корабли и награждал лучших моряков. Все увидели впечатляющий фейерверк.

Скоро Наполеон узнал о смерти своего лучшего адмирала, главнокомандующего Средиземноморским флотом Латуш-Тревилля. Он умер в Тулоне от инфекции, которой заразился во время экспедиции на остров Гаити. В начале второй недели августа он еще смотрел в морскую даль со своего наблюдательного пункта. Вдруг он испытал приступ болезни, который приковал его к постели, и вскоре скончался.

На его место был назначен друг министра Декрэ, 41-летний Пьер Шарль Жан-Батист Сильвестр де Вильнёв. Это он покинул Абукирскую бухту, не сделав ни одного выстрела из корабельных орудий.

Латуш-Тревилль умер, наблюдая за кораблями Нельсона, которые он порой тревожил. Узнав о событии, император Наполеон наверняка еще раз вспомнил об английском адмирале.

Прошло шесть лет со дня ужасной битвы при Абукире и три года с момента атаки Булони, предпринятой Нельсоном. За это время Наполеон создал новую армию и значительно укрепил флот. Нельсон был где-то далеко, в Средиземном море, однако психологическая дуэль двух героев ни на минуту не прекращалась. Император готовился пересечь пролив, чтобы покорить Великобританию, и делал последние приготовления к этому, а Нельсон каждый день думал о том, как уничтожить французский флот.

К январю 1805 года император понял, что могут быть два сценария успеха: 1) пересечь пролив возможно при наличии надежного конвоя или 2) необходимо отвлечь английский флот от пролива на продолжительное время.

В Англии царила атмосфера тягостного ожидания. Проводились учения волонтеров. Еще осенью 1803 года в этих полках состояло 342 000 человек, что превысило способность правительства одевать и вооружать патриотов. В бюджете государства появились соответствующие статьи расходов: оплачивалось обучение волонтеров из расчета 85 дней в году.

Наполеон, как писал его секретарь Менсваль, считал низвержение Англии делом трех месяцев: «Первая победа откроет дорогу на Лондон. Будут установлены связи с Ирландией и Шотландией, и общее восстание против привилегированных классов английских лордов довершит остальное». Позже Наполеон объявил: «Самой природой Англии предопределено быть придатком Франции, одним из ее островов — как Корсика или Олерон».

Его армия подготовилась к броску — более ста тысяч солдат в Булони ждали сигнала, чтобы преодолеть пролив и высадиться в Англии, двадцать тысяч воинов, находившихся в Бресте, должны были направиться в Ирландию.

Осталось найти решение для флота. Общая идея Наполеона, как всегда, была очень проста: нужно добиться того, чтобы британский флот бросился в погоню за французским флотом, и в это время другой французский флот прикроет высадку на Британские острова.

Пока англичане успешно блокировали все французские эскадры в их портах: адмиралы Корнуоллис и Коллингвуд держали под контролем Брест, Ориент и Рошфор, Нельсон — Тулон, Кейт — Тексел.

Наполеон отозвал семьдесят кораблей из Вест-Индии. Они направились в испанские порты, где англичане столь же успешно их заблокировали.

Отвлечение значительных военно-морских сил из Америки имело отрицательные последствия: французы утратили контроль над своими владениями в регионе, в первую очередь Сент-Люсией и Тобаго, и британцы немедленно этим воспользовались. Скоро империя Наполеона лишилась почти всех своих заморских территорий, кроме Мартиники, Гваделупы и Кюрасао.

Вдруг произошло событие, которое потрясло многих, — Наполеон предложил Англии мир! Было ли это гениальной хитростью, похожей на ту, к которой прибегнет император накануне Аустерлицкого сражения?

Второго января 1805 года Наполеон написал королю Георгу III:
«Мой дорогой Брат.

Поскольку я был призван на трон Франции Провидением и с одобрения Сената, народа, и армии, моим главным и самым искренним желанием является желание мира. Франция и Англия относятся к своему процветанию с неподобающей расточительностью. Их борьба может продолжаться столетия. Но исполняют ли их правительства свой священный долг? Разве их совесть не тревожит бесполезное кровопролитие, которому не видно конца? Я считаю, что первый шаг в этом деле не унижит чьего-либо достоинства. Я думаю, что я показал всему миру, что никоим образом не обескуражен опасностями войны; более того, война не внушает мне страха. Мир является самым дорогим желанием моего сердца, но война никогда не снижала моей репутации. Я настоятельно прошу Ваше Величество не отвергать счастливую возможность даровать миру мир...

Принимая во внимание все, что можно: никогда не было столь прекрасного стечения обстоятельств, или более благоприятного момента для умирения злых страстей и для того, чтобы прислушаться к голосу гуманности и разума. Если момент будет упущен, то как можно будет положить конец этой войне, если все мои усилия привести ее к завершению потерпели неудачу?

В течение последних десяти лет Ваше Величество приобрело больше территории и богатства, чем вмещает вся Европа. Ваше королевство находится на вершине процветания. Какое преимущество может оно надеяться получить от войны? Сформировать некую коалицию континентальных сил? Но континент останется в покое; единственным результатом такой коалиции станет еще большее превосходство Франции, и ее слава увеличится. Оживить внутренние конфликты? Но времена изменились. Разрушить наши финансы? Но финансовая система, основанная на здоровом сельском хозяйстве, никогда не может быть разрушена. Лишить Францию ее колоний! Но французские колонии являются вторичным фактором: и в любом случае разве Ваше Величество уже не имеет больше колоний, чем в состоянии поддерживать?

Если Ваше Величество просто рассмотрит этот вопрос, то Вы увидите, что война беспцельна и не может привести к определенному результату. И воевать просто ради того, чтобы воевать, — жалкая перспектива для двух наций. Мир достаточно велик для того, чтобы два наших народа жили в нем. Разум управляет средствами примирения при условии доброй воли с обеих сторон. В любом случае я исполняю священный долг, и очень дорогой моему сердцу.

Я надеюсь, что Ваше Величество поверит в искренность чувств, которые я выразил, и в мое желание доказать их на деле».

Каким же было дело?

Шестью днями позже морской министр Франции Дени Декрэ и испанский уполномоченный адмирал Федерико Карлос Гравина, незадолго до этого представлявший своего короля на церемонии коронации императора Наполеона, подписали меморандум о взаимопонимании, целью которого было создание объединенного флота двух стран. Очевидно, что этот флот должен был восвать против Англии.

Испания стала вызывать озабоченность у Питта, едва он вернулся в свой кабинет в мае 1804 года. Прикрываясь мнимым нейтралитетом, она существенно помогала врагам Англии. Испанцы внесли большой вклад в морской проект Наполеона, заплатив Франции денежную сумму, эквивалентную трем миллионам британских фунтов, и предоставив в ее распоряжение пятнадцать линейных кораблей. Правительство Испании также предложило Наполеону 40-тысячную сухопутную армию.

Испанские порты и верфи были предоставлены Франции, и правительство Мануэля Годоя игнорировало требования Великобритании. Тогда британцы атаковали четыре корабля, которые везли сокровища из испанских колоний. Один корабль был взорван, а три других захвачены. На борту одного из этих судов находились богатства на сумму, эквивалентную миллиону фунтов стерлингов. В декабре 1804 года Испания объявила войну Великобритании и выставила против нее двадцать пять линейных судов и одиннадцать фрегатов.

Великая мировая империя испанцев канула в прошлое, и теперь эта страна управлялась слабым королем, полностью зависимым от своего первого министра. Однако испанцы сохранили свой опыт кораблестроения и мореплавания и были храбрыми и умелыми моряками.

Прошла еще неделя, и англичане написали Наполеону о том, что они, возможно, не дадут никакого ответа на его предложение мира. Этот ответ не может исходить от одной стороны, и они должны согласовать свою позицию с русскими и австрийцами. Так Питт продемонстрировал Наполеону, что император французов имеет дело не с одной Англией.

Общая реакция британских политиков была достаточно презрительной. При этом официальное издание *State Papers* выступило с предположением, что Наполеон, желающий поглотить всю Европу, возможно, все же откажется от своего плана высадки в Англии, даже если он пока еще не признал этого.

«Ежегодный регистр» за 1805 год определил британскую позицию по трем важнейшим аспектам отношений с Францией: официально объявлена война Испании, союзнику Франции; письмо Наполеона оценено как маленький нонсенс; угроза вторжения, к которому нужно быть готовыми, уменьшилась.

15 января король Георг III открыл сессию парламента. Он объявил, что «на днях получил сообщение от этого правительства [Наполеона], содержащее публичное заявление о стремлении к миру, на которое, однако, Его Величество был рад ответить только в общих выражениях».

Даже когда Гилберт Эллиот, лидер оппозиции в палате лордов, поднялся со своего места, чтобы ответить на речь короля,

ни у кого не было сомнений в единодушии, царившем в Вестминстере. По сообщению «Ежегодного регистра», Эллиот «выступил, чтобы выразить сомнения в искренности французского правительства в его инициативах по началу переговоров, и с гордостью заметил, что самонадеянный хвостун [Наполеон] заявлял в начале войны, что эта страна [Англия] более неспособна в одиночку сражаться с Францией, но теперь он сдался; когда враг довел свою подготовку к вторжению до высшей точки, то он, кажется, понял тщетность своих надежд; он [Эллиот] считает, что это произошло благодаря превосходным мерам, принятым для защиты, которым страна обязана мастерству и отваге наших офицеров и моряков, восхитительной дисциплине нашей армии и милиции и новому виду силы — нашим храбрым и патриотически настроенным добровольцам... Выступая с последними инициативами, он [Наполеон], может быть, хотел сбить с толку правительство, разделить парламент или вызвать недовольство в стране».

У императора оставалось все меньше времени для того, чтобы привести в исполнение свой грандиозный план покорения Великобритании. Теперь все зависело от действий французских моряков и от решений, принимавшихся их командирами.

Пора, наконец, преодолеть английскую блокаду и вырваться на оперативный простор! Первым это удалось адмиралу Эдуарду Миссиесси — правда, с небольшими силами. 11 января 1805 года он сумел покинуть Рошфор в условиях снежного шторма. Храбрый адмирал имел десять судов, в том числе четыре линейных корабля, и 3500 воинов на борту.

Англичане говорили, что Миссиесси просто повезло. Возможно, но так везет победителям. Он отлично подготовился к экспедиции, погрузив на суда достаточное количество провизии и амуниции. Шторм сломал мачты его флагманского корабля и повредил еще четыре судна. Не имея возможности сделать необходимый ремонт, Миссиесси все же пересек Атлантику. Он достиг Мартиники и ждал Вильнёва.

Через неделю после того, как прорвался Миссиесси, Вильнёв ушел от Нельсона, пока тот пополнял свои запасы на Сардинии. Преемник Латуш-Тревилия покинул Тулон с девятью линейными кораблями.

Нельсон просчитывал те же варианты, что и в 1798 году. Он полагал, что французы вновь направятся покорять Египет. Вначале он поплыл в Кальяри и Палермо, чтобы защитить эти порты, а 8 февраля достиг Александрии. Там он убедился в том, что французы не были в африканских водах.

Вдруг, к великому гневу Наполеона, Вильнёв вернулся в Тулон. Причиной этому был шторм, разбросавший его корабли и повредивший часть из них. Ускользнуть от грозного Нельсона, чтобы затем вновь позволить заблокировать свой флот в порту! Вильнёв, который должен был выполнить великую миссию, осторожно укрылся от непогоды. При этом он заявил, что это благодаря его мастерству Нельсон «потерял след» и теперь находится в Египте.

Вильнёв дал понять Декрэ, что никогда не хотел быть главнокомандующим. Он не рвался в бой и не желал славы. Более того, он признался другу, что был бы очень рад, если его заменят другим адмиралом. Он не хочет быть олицетворением

неудачи, посмешищем всей Европы. По его мнению, «все, чего сегодня можно ожидать от карьеры во французском флоте, — это стыд и смятение». Вильнёв продолжал резать правду-матку: тот, кто хорошо оценивает французский флот, совершенно слеп и неспособен правильно мыслить. Он считал невозможным сражаться с английским флотом, с любым из его адмиралов — даже при равном соотношении сил. Что же касается Нельсона, то он непобедим, и даже если его эскадра будет числом на треть меньше, чем французская, то англичанин все равно одержит победу.

Вильнёв говорил правду — и о себе, и о французских кораблях, и о морях. Второсортное оборудование, плохая оснастка, посредственные офицеры, неопытные моряки. И программы обучения на берегу не поднимут французов на уровень победителей сражений при Сент-Винсенте и Абукире.

Почему Декрэ не доложил обо всем императору? Возможно, что он просто прикрывал своего друга, который являлся классическим примером человека не на своем месте, и говорил императору только то, что тот хотел слышать. А критические замечания Вильнёва в адрес французского флота были укором в первую очередь ему, министру.

При всем при этом у Наполеона было достаточно информации, и теперь появился серьезнейший повод для кадровых решений. Вероятно, он оставил Вильнёва на посту главнокомандующего средиземноморским флотом потому, что не отводил ему решающей роли. Из всех адмиралов Наполеон более всех уважал Гантома, на втором месте был блестящий профессионал Миссиесси и лишь на третьем — Вильнёв. В том плане,

который теперь задумал император, эскадры трех адмиралов должны были встретиться в Вест-Индии, и общее командование принял бы Гантом.

А пока Вильнёв застрял в Тулоне, Миссиесси томился ожиданием и не понимал, что происходит. Он отремонтировал суда и начал выполнять другие приказы императора — захватывать британские поселения на островах Вест-Индии и разрушать те, которыми нельзя завладеть. Он захватил более тридцати английских торговых судов.

1 февраля к нему послали бриг, чтобы сообщить о неудаче Вильнёва. Четыре недели спустя был направлен еще один бриг: адмиралу Миссиесси было предписано оставаться там, где он находился. Последнее сообщение не дошло до Миссиесси, и, не дождавшись Вильнёва, он покинул Вест-Индию. 20 мая адмирал вернулся домой. Хотя он все делал правильно, Наполеон был очень недоволен: его планы не выполнялись.

Вильнёв был пассивен, но оставался на своем посту, а Миссиесси выполнил все приказы Наполеона и Декрэ, но впал в немилость. Пришло письмо-жалоба от губернатора Гваделупы, в котором говорилось о том, что Миссиесси оставил остров без защиты против англичан. 49-летний адмирал был разочарован отношением к нему со стороны Наполеона и тяжело заболел.

18 марта скончался главнокомандующий Национальной флотилией адмирал Брюи. Он был не первым и не последним высокопоставленным служащим Наполеона, чье здоровье было разрушено колоссальными умственными и физическими нагрузками.

В водах Бреста продолжалась дуэль двух видных флотоводцев — Уильяма Корнуоллиса и Оноре Гантома. Два года англичанин прoderжал французский флот взаперти. Наполеон возлагал большие надежды на Гантома — тот должен был обеспечить высадку в Ирландии, что предполагало последующее восстание местного населения против англичан, затем нападение на британцев в Вест-Индии и, наконец, прикрытие большой высадки в Англии.

Император приказал Гантому выйти в открытое море 26 марта и выполнить первую часть программы (высадку в Ирландии). Не видя иных способов прорвать блокаду, кроме как вступить в бой с англичанами, Гантом обратился за разрешением к императору. Адмирал имел двадцать один корабль, англичане — пятнадцать судов. Однако Наполеон не позволил немедленно вступить в бой, и флот Гантома остался в порту.

Тем временем гордость и уязвленное честолюбие Вильнёва все же заставили его отважиться на новый прорыв. 30 марта под покровом ночи он выпел в Средиземное море, счастливо избежав встречи с Нельсоном.

Итак, значительная часть имперского флота могла оперировать на просторах Мирового океана. Наполеон был обрадован и ждал новостей. Он надеялся на то, что Гантом последует примеру Миссиесси и Вильнёва. Вильнёв, Гантом и Миссиесси должны встретиться на Мартинике и взять на борт солдат, находившихся в Западной Индии (император еще не знал о возвращении Миссиесси). Англичане обязательно бросятся в погоню за французскими эскадрами и тем самым ослабят свою защиту в проливе. Французские эскадры вернутся в европейские воды,

усилятся за счет других судов, нанесут англичанам решающее поражение и обеспечат высадку на Британские острова.

Вильнёв не знал, что флот Гантома все еще заблокирован. Он взял курс на юг, полагая, что Нельсон находится в водах вблизи Барселоны.

С момента своего последнего назначения Нельсон провел в бассейне Средиземного моря целых два года. Он почти все время находился на палубе флагманского корабля «Виктори» (Victory). Базами его флота были Мальта и Гибралтар. Тактика Нельсона состояла в том, чтобы не подходить к вражескому порту на слишком близкое расстояние и создавать у врага иллюзию возможности беспрепятственного плавания. Если французы поддадутся на провокацию и выйдут в открытое море, то будут уничтожены.

«Мы предложили врагу все возможности выйти в море — и с тем, как мы используем свои шансы, связаны надежды и ожидания нашей страны», — писал Нельсон.

Он держал в важнейших точках наблюдения по одному фрегату, в то время как весь флот находился на некотором расстоянии от этих точек. Корабли были рассеяны от Балеарских островов до Сардинии и Корсики, каждый из них патрулировал определенный сектор моря. Один из быстрых фрегатов находился поблизости от флагманского корабля и должен был оперативно собрать весь флот в случае необходимости. Нельсон осознанно ушел в воды Барселоны, выманивая Вильнёва, а затем направился на восток, к Родосу, продолжая караулить египетское направление.

Вильнёв встретил торговое судно и узнал у его капитана о движениях Нельсона. Затем он направился к Балеарским

островам, чтобы в случае необходимости укрыться в их бухтах. Избежав опасности, он направил свои корабли к югу, а следом — к западу.

Он оторвался от Нельсона, благополучно пройдя Гибралтарский пролив. Это вызвало радость у Наполеона и шок у англичан. Акции на Лондонской бирже значительно упали в цене.

Повторялась история 1798 года: Нельсон снова упустил французов и был обвинен в этом. «Французы могут вырваться, когда хотят», — заявила одна светская дама.

Нельсон уплыл в восточном направлении, и теперь вынужден был медленно возвращаться, двигаясь против ветра. Он начал многообещающую погоню. Как и семь лет назад, он не имел ни малейшего представления о планах французского флота. И снова, как тогда, он достиг Сицилии. Затем он устремился к Гибралтару.

Когда Нельсон добрался до Гибралтара, Вильнёв успел скрыться за западным горизонтом. До этого он прошел через Картахену, где послал сигнал единственному находившемуся там французскому кораблю и пятнадцати испанским боевым судам. Вслед ему направились семь судов — шесть испанских и одно французское. Испанские корабли вел адмирал Гравина. Флоты двух стран соединятся на Мартинике.

Вильнёв не хотел принимать испанцев в свою эскадру, поскольку знал, что в Картахене свирепствовало заболевание, подобное гриппу. Он не желал, чтобы испанцы заразили его людей — моряков и солдат.

Нельсон дал приказ продолжить погоню в западном направлении. Он чувствовал себя плохо, как признался в письме старому другу, и страдал от морской болезни.

Этим другом был адмирал Джордж Кэмпбелл, который служил в португальском флоте. Кэмпбелл оценил сложившуюся с погоней за Вильнёвом ситуацию и убедил Нельсона в том, что французы должны были уплыть именно на запад (все прошедшие дни Нельсон сомневался в этом).

Нельсон был главнокомандующим средиземноморским флотом Англии, и формально ему нечего было делать в Западной Индии. Однако долг звал его в другое полушарие планеты. Он заявил:

«У меня была тысяча страхов за Ямайку — это удар, который Буонапартс был бы счастлив нам нанести. Я швырю в направлении Западных Индий без всяких приказов, но я думаю, что министерство не будет выражать недовольство... Я человек... доброй старой школы и приучен ценить значение наших владений в Западной Индии».

Между тем в Адмиралтействе произошли перемены. Дандас, лорд Мелвилл, были обвинены палатой общин в коррупции и 30 апреля были вынуждены уйти в отставку. Питт потерял одного из своих доверенных лиц.

Наполеон велел предать гласности дело Мелвилла. По его указанию был напечатан специальный памфлет о причинах отставки первого лорда Британского адмиралтейства и продажности английской номенклатуры в целом, получивший широкое распространение.

Новым главой ведомства стал 78-летний адмирал сэр Чарльз Миддлтон лорд Бархэм. Ранее он занимал должность контролера военно-морских сил Великобритании и много сделал для повышения эффективности флота. Несмотря на почтенный

возраст, Миддлтон сохранял энергию и принял живое участие в событиях в Западной Индии, направив туда несколько боевых кораблей.

Эти суда должны были стать подспорьем Нельсону, который также провел перегруппировку сил: он оставил двадцать из двадцати трех быстроходных кораблей в Средиземном море, а сам отправился в экспедицию через Атлантику, имея десять линейных судов и три фрегата. У Вильнёва было в два раза больше кораблей. Это соотношение немного изменилось, когда Коллингвуд оказался в состоянии направить еще два боевых судна в помощь Нельсону.

Лорд Бархэм узнал о том, что 16 мая Вильнёв достиг Мартиники. Опытный адмирал опасался скорого появления французского флота вблизи Англии и приказал Уильяму Корнуоллису направить десять боевых кораблей для усиления малой флотилии Коллингвуда, охранявшей пролив. Он планировал объединить оставшиеся силы — двенадцать кораблей Корнуоллиса, находившихся вблизи Бреста, пять кораблей, блокировавших Ропфор, и еще несколько судов, находившихся в английских портах, — в случае нападения Вильнёва.

Флот Нельсона преодолел 3200 миль, разделяющих Гибралтар и Барбадос, за три недели. Средняя скорость его судов составила 135 миль в день — рекордная быстрота! При этом самое тихоходное судно, *Superb*, было едва ли пригодно для плавания через океан.

4 июня Нельсон был на Барбадосе, где погрузил на корабли 2000 солдат. Он узнал о движениях французского флота от капитана торгового судна и от адмирала Александра Кохрейна,

командующего эскадрой. Очевидно, что Вильнёв был в Вест-Индии. Нельсон ликовал, считая, что противник где-то недалеко. Во время плавания он не рассчитывал легко поймать Вильнёва и был готов немедленно повернуть в обратном направлении. Теперь он поверил в близкую удачу и выпустил приказ «приготовиться к бою».

Две тысячи солдат, припятых на борта его кораблей, были обузой для капитанов. Где их размещать? Какими должны быть рационы их питания? Корабельные казначеи отчитывались перед Адмиралтейством за все понесенные расходы, и Нельсон имел дополнительную «головную боль».

Однако он был не из тех начальников, которые дают подчиненным лишь минимальную информацию, необходимую для выполнения приказов. Нельсон доверял своим капитанам и всегда объяснял свои распоряжения. На этот раз его инструкции подчиненным содержали слова о том, что солдаты призваны защитить британских поселенцев на островах и не позволить французам разорять жилища англичан. Условия их размещения и питания на кораблях должны быть такими же, как у моряков. Он сказал капитанам, что перед посадкой на суда солдаты долго маршировали и испытывают усталость. Впереди у них — нелегкая миссия.

По совету генерала Роберта Брерстона, британского командующего на острове Сент-Люсия, Нельсон бросился к Тринидаду, однако не нашел никаких признаков присутствия франко-испанского флота. Он был взбешен:

«Если бы чертовы сведения от Брерстона оказались верными, то Нельсон, живой или мертвый, стал бы величайшим че-

ловеком своей профессии, которого Англия когда-либо видела. Но, увы! Я ничто...»

В течение следующих дней Нельсон получал противоречивую информацию от капитанов различных судов о том, что французы направляются к Тринидаду, Гренаде, Доминике. 9 июня он прибыл в бухту Сент-Джордж на Гренаде. Губернатор острова, генерал-лейтенант сэр Томас Мейтлэнд, сказал ему, что французы не были в тех краях. Мейтлэнд полагал, что корабли Вильнёва все еще на Мартинике.

Утром 12 июня Нельсон достиг Антигуа, где снова не встретил ни французов, ни испанцев. Казалось бы, все это бесполезные метания. Однако сам факт присутствия грозного английского адмирала в Карибском регионе спас многих англичан, их владения и товары. Узнав о нахождении противника где-то поблизости, Вильнёв был уже неспособен выполнять приказы Наполеона о захвате и разорении британских поселений и судов. По мнению самого Нельсона, он спас более двухсот английских кораблей, нагруженных сахаром.

Но не для этого он пересек Атлантику. Чтобы оправдать свой дальний рейд, он должен был разгромить врага. Ему нужна была победа столь же сокрушительная, как Нильская битва!

Вильнёв встречал хороший прием на Мартинике. Ее естественную гавань защищали артиллерийские батареи, стволы их орудий были направлены в сторону моря. Однако он был в незавидном положении. Вильнёв имел приказы оставаться в Западных Индиях до прибытия Гагтома, укрепить французские гарнизоны и захватить как можно больше островов, находившихся под контролем Британии. В начале июня он добился

небольшого успеха — овладел Алмазной скалой, расположенной неподалеку от Фор-де-Франса, столицы Мартиники. Между тем 3000 его моряков были больны, и ему было все сложнее вдохновлять людей.

Еще 4 июня Вильнёв получил подкрепление — два больших линейных корабля под командованием адмирала Шарля-Рене Магона — и теперь имел двадцать линейных судов. Он желал, чтобы к нему присоединился Гантом и освободил его от командования. Более всего он хотел домой.

Вильнёв поплыл в направлении Гваделупы, чтобы принять на борт солдат. Он взял курс на Антигуа, и по пути ему удалось захватить более десятка английских кораблей, которые везли кофе и ром. Добыча оценивалась в миллионы франков.

Моряки английских торговых судов сообщили Вильнёву о том, что Нельсон недавно посетил Барбадос и к нему присоединилась эскадра Кохрейна. Флот Вильнёва был гораздо многочисленнее флота адмирала Нельсона, однако француз боялся встречи.

Наполеон был страшен, но Нельсон гораздо страшнее. Первый предпочитал оставаться в Вест-Индии и ждать Гантома, а второй мог полностью уничтожить объединенный флот. Возвращаться на Мартинику, что займет неделю, а то и две? Корабли Вильнёва были в плохом состоянии, многие моряки болели, а общее число солдат на бортах его судов превысило пятнадцать тысяч. Он сомневался в том, что сможет прокормить столько людей, находясь в Фор-де-Франсе. Вильнёв не верил в свои способности адмирала, не верил в способности своего флота противостоять Нельсону. И он помчался в Европу на всех парусах.

Вильнёв покинул Карибский бассейн, не выполнив приказов императора. Британские владения в Западной Индии остались целыми.

Нельсон победил, не произведя ни одного выстрела, и пока не знал о своей победе. Это был лишь локальный успех, но главная опасность пока не ликвидирована. Когда Нельсон достиг Антигуа, хорошо знакомых ему мест, стало известно, что Вильнёв ушел. Английский адмирал думал, что отстает от противника на четыре дня, но все еще не знал, куда направился Вильнёв — на Ямайку или в Европу? Неустоимый моряк немного успокоился, когда услышал от одного молодого капитана, что тридцать два корабля Вильнёва ушли в северо-восточном направлении.

12 июня Нельсон написал своему старому другу герцогу Кларенскому, будущему королю Уильяму IV, о том, что плывет назад. Он признался герцогу, что испытывает страдания оттого, что не смог поймать Вильнёва. Его сердце «почти разбито». Он был болен и истощен.

В таком же состоянии были его моряки, которые очень долго не сходили на берег. Никто на флоте не спал более двух часов кряду.

13 июня Нельсон взял курс на Гибралтар. Он послал вперед самый быстрый корабль Сигеух, чтобы предупредить лорда Бархэма о возвращении Вильнёва.

Сигеух опередил французский флот и прибыл в Плимут 7 июля. Бархэм реагировал очень быстро и приказал десяти кораблям Флота Пролива и пяти кораблям блокадной эскадры Рошфора встать на пути Вильнёва. Операцию должен был провести сэр Роберт Колдер.

22 июля 60-летний адмирал Колдер, чья эскадра находилась вблизи мыса Финистерре, расположенного к юго-западу от испанского порта Феррол, наблюдал в густом тумане, как прибывали двадцать линейных кораблей и семь фрегатов Вильнёва, на бортах которых находились измотанные дальним плаванием моряки. К полудню туман рассеялся, и Колдер оценил размер вражеского флота. Он колебался. У него было меньше кораблей, чем у Вильнёва, но они были лучше оснащены. Прошло пять часов, и туман вновь сгустился.

Оба флота сформировали босвые линии. Вильнёв так построил свои суда, что ближе к врагу оказался не его «Буцентавр», а флагманский корабль Гравины. Испанский адмирал приказал открыть огонь, и в четверть шестого пополудни прозвучали первые залпы. Испанцы были в авангарде, сражались храбро и стреляли больше, чем французы.

После нескольких часов боя Колдер добился лишь незначительного результата — два испанских корабля капитулировали. Англичане потеряли 40 человек убитыми и 160 ранеными, объединенный флот — 149 человек убитыми и около 300 ранеными. На бортах двух захваченных британцами судов находилось примерно 1000 человек.

Наступило утро следующего дня, и два флота вновь были разделены туманом. Никто из двух осторожных командиров более не решился атаковать. Колдер первым покинул место баталии и присоединился к Корнуоллису. Вильнёв увел свой флот в Феррол.

Обе стороны были недовольны — Вильнёв не решил ни одной из задач Наполеона, а Колдер не использовал шанс уничтожить флот неприятеля. Нельсон бы действовал иначе!

Следом вернулся великий флотоводец. Он оставил свои корабли и отправился в Англию на «Виктори», получив отпуск впервые за более чем два года. В соответствии с общим порядком он прошел карантин в порту прибытия.

Его нервы были расстроены, и он считал себя неудачником. Великая погоня не удалась, он напрасно преодолел семь тысяч миль водного пространства.

Летом 1805 года 46-летний Уильям Питт, уже серьезно больной, проводит совещание своего правительства, члены которого чувствуют себя неуверенно. Что если французы все же смогут пересечь пролив? Лучшая и самая многочисленная армия Европы взламывает первую линию британских укреплений и движется на Лондон. Возможно, что и вторая линия рухнет, как и первая, и придется сдать столицу. И тогда Франция станет хозяйкой Европы «от Атлантики до Рейна, от Нидерландов до Неаполя, величайшей империей в истории континента со времен Древнего Рима...»

Наполеон испробовал все возможные варианты достижения успеха. Позднее он объяснил свои намерения следующим образом:

«Мой план состоял в том, чтобы сконцентрировать 40 или 50 боевых кораблей на Мартинике, направив их сообщая из Тулона, Кадиса, Феррола и Бреста; затем они должны были неожиданно вернуться в Булонь и удерживать контроль над проливом в течение пятнадцати дней; имея наготове 150 000 солдат и 10 000 лошадей, высадиться в Англии, захватить Лондон и Темзу. Этот план почти удался. Если бы адмирал Вильнёв,

вместо того чтобы отправиться в Феррол, просто соединились с испанской эскадрой и поплыл бы в Брест, чтобы присоединиться к адмиралу Гантому, то моя армия была бы полностью сформирована, и Англии пришел бы конец.

Чтобы выполнить этот план, необходимо было собрать в Булони 150 000 солдат, иметь флотилию из 4000 плавательных средств и огромные запасы; иметь все это на бортах кораблей, да еще сделать так, чтобы враг не догадался о моих намерениях, — это казалось невозможным.

Я должен был добиться успеха, только делая прямо противоположное тому, что казалось очевидным. Если 50 линейных кораблей были готовы прикрыть переброску армии в Англию, то все, в чем мы нуждались в Булони, — это транспорты; демонстрация огромного количества канонерских лодок и плавающих батарей различных видов была абсолютно бесполезной... Они думали, что я собирался преодолевать пролив средствами флотилии, и никогда не понимали моего реального плана. Когда мой флот не смог выполнить нужного маневра, они поняли опасность, которой подвергались, и страх обуял лондонский кабинет, и каждый мыслящий человек признал то, что Англия никогда не была так близка к катастрофе».

Этим заявлением Наполеон расписался в том, что огромные ресурсы нации были потрачены впустую. После двух лет крайнего напряжения всех сил выяснилось, что он не собирался «преодолевать пролив средствами флотилии». Что же получается, не нужны были никакие трехмачтовые шлюпки и парусные шлюпы, и напрасно конструкторы не спали по ночам, в суете реализуя утопичный проект? И зря он оказывал колос-

сальное давление на местные власти и граждан, требуя пожертвований на строительство флотилии и энтузиазма работников мастерских, которым он часто не в состоянии был заплатить за их труд?

Если Наполеон думал напугать страху на лондонский кабинет, то цели он добился. Но все же он хотел победить Англию, а не устраивать ложные тревоги.

Император снова обрушил свой гнев на Вильнёва, когда тот укрылся в Ферроле:

«Я думаю, что Вильнёв недостойн командовать даже фрегатом. У него нет респектабельности и смелости. Два испанских корабля столкнулись, несколько человек на его кораблях были больны, добавьте к этому два дня неблагоприятных ветров, вражеский корабль, ведущий разведку, сообщение о том, что Нельсон соединился с Колдером, — и его планы поменялись; но если взять эти факты поодиночке, то они не стоят ничего. У него нет ни опыта войны, ни инстинкта, необходимого для этого».

В памяти Наполеона был опыт абукирской катастрофы, и он знал о поведении Вильнёва в тот день. Военачальник, отягощенный грузом такого поражения, редко бывает способен впоследствии одерживать блестящие победы. А Наполеону нужны были именно такие победы — яркие успехи, достойные его самого. Вечно всем недовольный, кроме самых выдающихся подвигов и крайнего самопожертвования, он ждал от своих подчиненных стремления повторить и превзойти лучшие достижения. Было ясно, что Вильнёв не готов побить Нельсона и не имеет соответствующих амбиций, однако Наполеон вновь

доверил ему большое дело. Император мог сместить Вильнёва, когда тот вернулся в Тулон из-за непогоды, поставив под угрозу саму возможность выполнения плана главнокомандующего. Он не сделал этого и теперь должен был винить более себя, чем Вильнёва.

Существенной ошибкой Наполеона было непонимание того, как должен управляться и функционировать военно-морской флот Франции. Он считал, что все должны просто выполнять его приказы, и победа не за горами. А Вильнёв в те дни признался Декрэ, что не видит «никакой возможности достижения успеха в существующих обстоятельствах». Сам Декрэ говорил Наполеону, что он, министр, просто неспособен организовать то, чего хочет император. Он предложил Наполеону создать структуру, подобную Британскому адмиралтейству, — централизованное и четко функционирующее ведомство. Император ответил, что тогда получится сборище адмиралов, которые только и будут делать, что болтать.

Он продолжал наблюдать за морем со скалы в Булони, однако в его ставку поступали все более тревожные известия. Питт преуспел в создании новой антифранцузской коалиции. В первой декаде августа 1805 года альянс был сформирован. В него вошли Россия, правитель которой был до предела разгневан убийством герцога Энгисенского, Австрия, крайне недовольная тем, как Наполеон обошелся с германскими и итальянскими городами и государствами, и доведенная до высшей точки кипения провозглашением Наполеона королем Италии, а также Швеция и Испания. Пруссия дала понять союзникам, что вступит в войну позднее.

И все же император французов пока не принял окончательного решения поставить крест на проекте высадки в Англии. Он заявил:

«Мой флот вышел из Феррола... Он состоит из 34 линейных кораблей; врага не видно. Если моим инструкциям будут следовать, если этот флот соединится с брестским флотом и войдет в пролив, то время еще есть, и я — повелитель Англии. Но если, напротив, мои адмиралы проявят колебания, будут маневрировать плохо и не выполняют мои планы, то все, что я могу сделать, — ждать зимы, а затем пересечь пролив силами флотилии; это рискованная операция.

Таково положение вещей, и я должен уделить внимание более срочному делу. Я могу направить 200 000 человек в Германию и 25 000 в Неаполь. Я пойду на Вену и не сложу оружия до тех пор, пока Неаполь и Венеция не будут моими, и я настолько увеличил электорат Баварии, что могу более не опасаться Австрии. Действуя в таком духе, я смогу в течение зимы умиротворить Австрию. Я не вернусь в Париж, пока не достигну своей цели. Мне нужно выиграть две недели. Я хочу вторгнуться в сердце Германии, имея 300 000 солдат, до того, как кто-либо начнет об этом догадываться».

Император находится в остром цейтноте и предпринимает последнюю попытку решить две задачи одновременно — покорить Англию и разгромить сухопутные силы коалиции. Он шлет директивы Вильнёву:

«Я надеюсь, что вы достигли Бреста. Начинайте, не теряйте ни минуты и, объединив мои флоты, направляйтесь к проливу. Англия напа. Мы все готовы, все погружено. Появитесь здесь на двадцать четыре часа, и все будет закончено».

Император оповестил руководителя водевильной труппы о том, что актеры должны подготовиться к переезду через Ла-Манш и выступлениям на лондонской сцене. Были отчеканены памятные медали о десанте в Англию. Десятки тысяч бойцов ждали приказа, чтобы покинуть лагерь в Булони, ставший уютным городком с хорошо налаженным бытом, и, подобно своим предкам, жившим в одиннадцатом веке, пойти на завоевание Англии. Маршалы империи, генералы и министры, солдаты и моряки замерли в предчувствии перемен, масштаб и смысл которых никто не мог оценить.

Новый Вильгельм Завоеватель ждал известий от Вильнёва, который должен был наконец совершить свой подвиг! И что же он узнал? Вильнёв не направился в Брест! Вместо этого он взял курс на Кадис, якобы, пополнить запасы. Разве у него их нет? Да он просто струсил!

Это был конец великой фантазмагии воодушевленного разума. Наполеон был потрясен и разгневан:

«Сколь малой стала бы Англия, если бы Франция имела двух или трех адмиралов, желающих драться насмерть!.. Адмирал Вильнёв превзошел все границы! Это невысказано! Попшите мне рапорт обо всей экспедиции. Вильнёв — низкий шут, который должен быть с позором уволен. У него нет ни планов, ни смелости, он бы всем пожертвовал ради того, чтобы спасти свою шкуру!»

Так решилась судьба Англии и всей Европы. Высадки не будет. Император развернулся на сто восемьдесят градусов и с роковой целеустремленностью начал давать приказы о начале кампании против армий третьей коалиции.

«БОГ И МОЯ СТРАНА»

Нельсон нашел утешение в объятиях Эммы Хэмилтон, которую он не видел два года. Губернантка их дочери Горации сказала о вернувшемся с войны адмирале: «Слава Богу, он в безопасности, и с ним все хорошо. Меня прошиб холодный пот, когда я услышала, что он вернулся».

В Портсмуте, а позднее на Пикадилли его приветствовали восторженные толпы. Он был участником событий, равных которым не было в мировой истории, и стал величайшим героем своей страны.

Однако он понимал, что его бросок в Вест-Индию, который не привел к уничтожению объединенного флота, может быть осужден руководством Адмиралтейства. Он оставил Средиземноморье без приказов начальства и не добился успеха.

Нельсон сказал Эмме, что нужно готовиться к худшему. Эмма была оптимисткой, верила в лучшее и в данном случае оказалась права.

Она собрала в Мертоне родню и друзей. В январе 1806 года Горации должно было исполниться пять лет. Она была одета как юная леди, изучала французский и итальянский языки и скакала верхом на деревянной лошадке.

Когда Нельсон и Эмма крестили ее в аббатстве Бат, то сказали, что она дочь другого моряка, и они заботятся о ней. Ей придумали имя Горация Томпсон. Сразу после рождения ребенок был отдан на попечение миссис Гибсон, которая жила в Лондоне.

Девочка начинала понимать, что происходит вокруг нее. Позднее она справедливо обвинит Эмму в том, что та пропила деньги, оставленные Нельсоном на хранение.

Эмма была сорокалетней цветущей дамой, которая в отсутствие Нельсона продолжала вести активную светскую жизнь. Она пыталась вызвать у Нельсона ревность, говоря ему о том, что многие местные дворяне ухаживали за ней и даже предлагали ей замужество. Лорд Мингто отметил ее обычное жеманство.

В 10 часов утра 21 августа Нельсон предстал перед Бархэмом — первым лордом Адмиралтейства. Адмирал нервничал, ожидая возможных наказаний. Встреча была короткой и формальной. Они договорились встретиться позже в тот же день, но санкций не последовало.

Нельсон должен был уладить важные личные дела — встретиться с агентами, обсудить вопрос о «призовых деньгах» (о его доле в доходах от продажи имущества захваченных у врага кораблей), а также наследство Горации. Как адмирал, он получал жалованье в размере трех тысяч фунтов стерлингов в год, и этого было недостаточно для содержания имения в Мертоне, покрытия значительных расходов Эммы, обеспечения содержания Горации и выплаты «алиментов» Фанни. Нельсон поддерживал иллюзию, что Горация была сиротой, а они с Эммой стали ее приемными родителями.

Фанни Нельсон в том году болела, и есть свидетельства того, что Эмма весьма рассчитывала на скорую смерть законной супруги лорда Нельсона. В то же время, судя по письмам Фанни Александру Дависону, другу и агенту Нельсона, она продолжала искренне любить мужа и преклоняться перед ним.

Пребывание Нельсона в Лондоне вызывало ажиотаж публики и прессы. Репортеры поджидали его на ступеньках офисов. Люди следили, когда он появится в дверях отеля Гордона на Альбемарль-стрит, и затем следовали за ним по всем местам, которые он посещал.

Он вошел в здание военного министерства, где был представлен виконту Каслри, который занял свой пост днем раньше. В приемной он встретил вернувшегося из Индии молодого генерала сэра Артура Уэллесли. Они увидели друг друга в первый и последний раз.

«Он не знал, кто я такой, но тут же начал разговаривать со мной, если я могу назвать это разговором, поскольку говорил только он и только о себе, и в манере настолько тщеславной и глупой, что это удивило меня и едва ли не вызывало отвращение, — вспоминал Уэллесли. — Я полагаю, что некоторые из слов, которые мне посчастливилось произнести, помогли ему догадаться, что я все же кое-что собой представлял, и он на короткое время вышел из комнаты — несомненно, для того, чтобы спросить хозяина канцелярии, кто я такой; когда он вернулся, то это был уже другой человек — по манерам и по содержанию. Все, что я считаю свойственным шарлатанскому стилю, исчезло. Он говорил о состоянии страны и вариантах развития событий на континенте проникновенно и со знанием

положения дел как дома, так и за границей — то и другое удивило меня и было гораздо приятнее, чем первая часть нашего разговора: в самом деле, он говорил как офицер и государственный человек».

Решение, которое в те дни принимали премьер-министр и Адмиралтейство, было простым и естественным. Горацио Нельсону вверялось командование флотом, существенно усиленным. Главной задачей адмирала вновь становилось уничтожение военно-морских сил врага.

2 сентября в пять часов утра покой домашнего очага лорда Нельсона был нарушен прибытием нарочного, 35-летнего капитана Генри Блэквуда, который привез известие о перемещении флота адмирала Вильямса в испанский порт Кадис. Нельсон задумался. Что это могло значить? Никто в Англии, включая Нельсона, не знал о том, что Наполеон отменил экспедицию через пролив и смертельная опасность миновала. Нельсон срочно направился к Питту, и они принялись вместе анализировать ситуацию.

Питт доверял Нельсону, и они восхищались друг другом. В 1801 году, когда Нельсон бомбардировал Булонь, его корабль бросил якорь в порте Даунс. Питт поднялся на борт судна, и произошла памятная встреча. Теперь, четыре года спустя, два великих англичанина сидели в офисе премьер-министра на Даунинг-стрит и размышляли о том, как побить наполеоновский флот.

Чего можно ожидать от врага? Почему его корабли переместились к югу?

Питт и Нельсон видели, что против Англии действует объединенная армада, состоящая из флотов двух стран. Колдер

не смог победить франко-испанский флот под командованием Вильнёва. Теперь за дело берется неукротимый, не знающий компромиссов Нельсон. Адмирал обещал Питту, образно говоря, не победу по очкам и не успех, при котором побежденная сторона сохраняет честь, но настоящий разгром неприятеля — такой, что «Буонапарте почувствует спинным мозгом».

«Мистер Питт сделал мне комплимент, который, я думаю, он не сделал бы принцу крови, — рассказал Нельсон дома. — Когда я поднялся, чтобы уходить, он покинул комнату вместе со мной и сопровождал меня до экипажа».

Разгромить и уничтожить врага! Об этом Нельсон думал день и ночь, и он уже имел готовый план. Один из его подчиненных вспоминал:

«Нельсон объяснил, что для достижения быстрого и решительного результата он должен разделить свой флот на три дивизиона: резерв, который должен быть составлен из самых быстроходных кораблей, и два других дивизиона, которые атакуют вражескую линию под прямыми углами и в линию спереди, хотя это сделает их уязвимыми в последней стадии подхода к вражеским позициям. “Я пойду на них, и если смогу, то разом атакую примерно одну треть их линии, начиная с их первого корабля”, — сказал он. “Что вы думаете об этом? Я думаю, что это удивит и смутит врага. Они не будут знать, что я собираюсь сделать. Я предложу им беспорядочную битву, и это то, чего я хочу”».

11 сентября он разослал своим капитанам следующее письмо:

«В соответствии с инструкциями лордов представителей Адмиралтейства, вам сим назначено направиться под мое командование, следовать моим приказам и слушаться приказов, которые вы будете время от времени получать от меня для службы Его Величеству.

Нельсон и Бронте».

Его встреча с Эммой была тягостной. Им хотелось побыть наедине, но в доме, как обычно, было много гостей. Эмма, рассказывает лорд Минто, «не могла есть, едва пила и чуть не упала в обморок за столом».

Нельсон был дома считаные дни и снова шел сражаться за Англию. Он опустился на колени перед кроватью маленькой Горации, прочел свою вечернюю молитву, пять раз крепко прижал спавшую дочку к себе и ночью 13 сентября покинул свой дом в Мертоне.

Нельсон предчувствовал близкую смерть и приказал держать наготове гроб, ранее сделанный из обломков древесины французского флагманского корабля «Ориент». Тогда, в устье Пила, он уничтожил вражеский флот и теперь готовился повторить невероятный подвиг. Нельсон попросил выгравировать свое имя на крышке гроба.

Большая толпа провожала его в порту отправления. Нельсон пробыл на суше лишь двадцать пять дней. Люди плакали, падали на колени и благословляли его. Он махал им шляпой в ответ, а они смотрели на него вплоть до последней секунды.

Нельсон взобрался на борт «Виктории» и в одиннадцать часов тридцать минут утра 14 сентября 1805 года поднял свой флаг.

Вскоре он был в испанских водах. Моряки встретили его с восторгом.

«Я полагаю, моему прибытию рады и командующий флотом [Коллингвуд], и каждый человек этого флота», — заявил Нельсон.

Он проявил сочувствие к адмиралу Колдеру и оставил в его распоряжении 90-пушечный флагманский корабль «Принц Уэльский» (Prince of Wales). Это судно должно было доставить Колдера домой, в сопровождении эскорта. Между тем оно могло сыграть важную роль в предстоявшем сражении.

Коллингвуд имел инструкции Адмиралтейства не устраивать салюта в честь прибытия Нельсона, поскольку враг тут же догадался бы о причине этого события. Зато он организовал празднование дня рождения командующего флотом. Капитаны и адмиралы отметили 47-летие прославленного флотоводца, и это стало для него приятным сюрпризом.

Нельсон собрал подчиненных и раскрыл им свой план, достоинства которого были смелость и простота. Командиры были потрясены: «Это было как электрический шок, некоторые проронили слезу, и все одобрили; это было ново, это было исключительно, это было просто, и от адмиралов и ниже все повторяли, что это принесет успех, если они позволят нам добраться до них».

Он видоизменил первоначальную идею и решил атаковать двумя колоннами, а не тремя. Эти две колонны должны двигаться параллельными курсами и врезаться во вражескую линию — в ее центр и арьергард. Авангард франко-испанского флота окажется отсеченным, выключенным из битвы, и эти ко-

рабли вынуждены будут поворачиваться, чтобы помочь остальным. Численный перевес неприятеля будет нивелирован, и мастерство английских моряков сыграет решающую роль.

Но примет ли бой Вильнёв? А если он решит отсидеться в Кадисе?

Нельсон не мог знать о том, что Наполеон, который вел кампанию против Австрии и России, приказал Декрэ избавиться от Вильнёва. Он дал инструкции своему министру направить адмирала Розильи, чтобы тот как можно скорее принял командование флотом.

Декрэ боролся за своего друга. Он пытался убедить императора, что Вильнёв не трус, что он просто потерял голову. Это не помогло. Наполеон заявил, что запрещает когда-либо упоминать имя Вильнёва в своем присутствии.

Министр подчинился и 17 сентября назначил адмирала Франсуа Розильи на место Вильнёва. Увы, репутация Розильи среди его коллег была еще ниже, чем репутация смещенного со своего поста адмирала.

20 сентября Декрэ направил Вильнёву письмо. Он информировал его о смене командования флотом и приказал явиться в Париж, чтобы лично отчитаться перед императором за свои действия.

Чтобы доставить письмо из Парижа в Кадис, требовался месяц. Вильнёв мог сдать свои полномочия в двух случаях: если бы он успел получить письмо, пока находился в порту, или если бы Розильи вовремя прибыл в Кадис. В итоге ни того, ни другого не произошло. У Розильи сломалась карета, и он задержался в Мадриде.

Нельсона совершенно не интересовала личность Вилья́мса. Его задачей было уничтожение вражеского флота.

Кажется, впервые в жизни Нельсон выглядел абсолютно спокойным. Вместе с офицерами и матросами он наблюдал представление пьесы, где актерами выступали те же моряки. Он приказал покрасить все суда в желтый цвет в черную полосу, и корабли Его Величества стали похожими на гигантских ос. Это должно было помочь различать их во время боя. Он внимательно следил за качеством провизии.

Нельсон имел колоссальный опыт блокады. Теперь он держал свои линейные корабли в пятидесяти милях к западу от Кадиса, и противник не мог их видеть. Сигналы передавались по линии быстроходных судов. Эскадра фрегатов вела постоянное наблюдение за портом, подходя к нему на расстояние в три мили.

Дули западные ветры, и флот Нельсона мог в случае необходимости быстро приблизиться к Кадису. Если бы подули восточные ветры, то корабли могли укрыться на африканской стороне пролива Гибралтар. В любом случае англичане были тут как тут.

Примет ли Вилья́мс бой? Франко-испанский флот находился в отчаянном положении. После длительного вояжа в Карибское море, штормов и битвы с английским флотом адмирала Колдера корабли были повреждены, а люди измотаны. Многие моряки болели, некоторые дезертировали.

Чтобы провести капитальный и текущий ремонт судов, нужно было закупить древесину, снасти, нанять рабочих. Все это требовало времени и денежных средств, которых не было

ни у французов, ни у испанцев. Обе страны вели войну, а во Франции разразился финансовый и банковский кризис.

Офицеры Вильнёва быстро поняли, что испанцы ничего им не отпустят в кредит. Местные торговцы и поставщики знали о бедственном положении объединенного флота и значительно увеличили цены.

Не хватало провизии. Многочисленные команды тридцати трех судов начали волноваться. Вильнёв писал письма Декрэ, сообщая об отсутствии кредитов и пассивности французских и испанских поставщиков и агентов.

Скоро английская разведка передала своим адмиралам сведения о том, что французы вынуждены будут покинуть Кадис. А Вильнёв сильно занервничал, узнав последние новости: корабль «Виктори» покинул Портсмут, и Нельсон направляется на юг.

В конце сентября Вильнёв получил приказы министра Декрэ вести объединенный флот в Средиземное море и далее направить корабли в Тулон, Геную и Неаполь. Во французских и итальянских портах можно было скорее найти необходимые ресурсы, чем в нищей Испании, — так, вероятно, думал Декрэ. Кроме того, Вильнёв должен был высадить солдат в Калабрии.

Главнокомандующий объединенным флотом готов был покинуть Кадис. Он испытывал страх перед Нельсоном: неистовый адмирал атаковал французскую эскадру, стоявшую на якоре в бухте Абукир, и вполне мог напасть на Вильнёва в Кадисе, ведь такой опыт у англичан был.

Декрэ гнал Вильнёва в море. Получив приказы министра, адмирал поначалу обрадовался и хотел поднять паруса. Од-

нако, проведя осмотр своих судов, Вильнёв написал Декрэ, что флот не укомплектован и находится в плохом состоянии. Испанские суда, прошедшие ремонт, не имеют ни пушек, ни матросов. Вывод: нужно оставаться в Кадисе до тех пор, пока корабли не будут отремонтированы, а их штаты не будут укомплектованы.

Коллеги и подчиненные видели колебания Вильнёва. Адмирал Шарль-Рене Магон и генерал Жак Лористон, который командовал сухопутными силами, размещенными на кораблях Вильнёва, критиковали его за нерешительность. Лористон был отозван в Париж и подал рапорты Декрэ и самому Наполсону. Он указывал на некомпетентность и заносчивость Вильнёва.

Уважаемый Гравина, который год тому назад имел титул испанского посла в Париже, теперь чувствовал свое бессилие в борьбе с бюрократией. Однако он сохранял лояльность и предложил провести совещание адмиралов и капитанов кораблей, чтобы выслушать мнение каждого и сформировать единую позицию.

Встреча состоялась 8 октября. Вильнёв почувствовал, что флот находится на грани мятежа. Капитаны были храбрыми воинами, готовыми сражаться с англичанами, но они более не могли выносить позора бездействия и состояния обидного бессилия. Некоторые говорили, что они должны выполнять приказы императора и выходить в открытое море, даже если не хватает людей. Результатом совещания стало соглашение о том, что необходимо игнорировать приказ парижского начальства о *немедленном* плавании в Неаполь.

Со дня прибытия потрепанных судов в Кадис потребовались семь недель согласований между официальными лицами, министрами, послами, банкирами и участие члена испанской королевской семьи, чтобы найти приемлемое финансовое решение проблем снабжения объединенного флота и ремонта судов.

Адмирал Вильнёв получил письмо императора. Тот заявил, что заменит Вильнёва на адмирала Розильи, если «непомерная трусость» будет и дальше удерживать его в Кадисе. В письме говорилось: император «считает, что потеря его судов — ничто, если они потеряны с честью».

Это не было смещением Вильнёва с его поста. Официальное увольнение командующего было поручено Декрэ, и министр уже сделал это на бумаге. Но письмо императора было вызовом, который Вильнёв не мог не принять. Обвинение в трусости было непереносимым.

18 октября Вильнёв узнал о том, что Розильи покинул Париж и находится в Мадриде (он прибыл туда 10 октября). Важной деталью информации было то, что этот вице-адмирал представлен к званию полного адмирала. Вильнёв все еще не получил приказа Декрэ о своем смещении, но имел достаточно сведений, чтобы сделать правильные выводы. Какой еще может быть причина для путешествия немолодого адмирала по опасным испанским дорогам, по которым невозможно проспать без эскорта, кроме как направление к новому месту службы?

Вильнёв тут же написал Декрэ: если его хотят сместить, то он принимает свой жребий, хотя было бы хорошо предупредить его об этом. И далее он самонадеянно заявляет, что готов стать заместителем главнокомандующего.

Итак, сзади у Вильнёва были Розильи в Мадриде и разгневанный император, а перед ним — Нельсон. Какое из двух зол он должен был выбрать?

В тот же день французский адмирал дал приказ приготовиться к выходу в открытое море. Он надел свой лучший мундир с золотой тесьмой, увешанный орденами. Вильнёв решил воспользоваться легким бризом, чтобы покинуть гавань и плыть в южном направлении.

Его приказы раздражали некоторых капитанов, вызывали протесты и даже приводили к открытому неповиновению. Вильнёв и Гравина опасались мятежа и решили смешать флоты. Это было неудачное решение: смешанные эскадры действовали хуже, чем национальные флоты под командой своих адмиралов.

Главнокомандующий планировал, что корабли выйдут в море и займут боевые позиции. Движение, начатое ранним утром 19 октября, продолжалось и после полудня. Видя, что процесс вывода судов из бухты затягивается, Вильнёв приказал к ночи бросить якоря. Адмирал Магон, командир эскадры, назвал приказ глупым и не стал его выполнять. Он считал, что Вильнёв более не имеет права командовать флотом.

Капитаны и другие офицеры много спорили перед выходом в море. Они знали о том, что Розильи движется в направлении Кадиса. Многие из них заявляли, что нет смысла рисковать жизнями под командой адмирала, дни которого на его посту сочтены. Испанцы протестовали против того, чтобы умирать на чужой войне.

Вакансии корабельных команд заполнили людьми с улицы. На испанских судах было много солдат, а не матросов. Напри-

мер, на флагманском корабле адмирала Гравины из 1163 человек на борту только 609 были моряками.

20 октября тридцать три корабля собрались вместе. Поначалу Вильнёв сформировал три эскадры, которыми командовали он сам и два испанских адмирала — Игнасио Мария де Алава и Федерико Карлос Гравина.

Получив сигналы, подававшиеся с фрегатов, о выходе французов и испанцев в открытое море, Нельсон написал Эмме:

«Моя самая дорогая, любимая Эмма, мой дорогой сердечный друг, получен сигнал о том, что объединенный вражеский флот выходит из порта. Ветер очень слабый, поэтому до завтра я не надеюсь их увидеть. Да увенчает Бог битву успехом мои усилия...»

Он медленно поплыл в сторону берега, чтобы перерезать пути неприятеля, однако ветер дважды менял направление, вынуждая англичан соответственно менять курс.

Вечером 20 октября разведчики-наблюдатели эскадры адмирала Гравины увидели на горизонте восемнадцать кораблей англичан. Вильнёв приказал своим капитанам сформировать единую неровную линию.

Ранним утром 21 октября французский главнокомандующий наблюдал на горизонте правильную линию вражеских кораблей. Он сосчитал их — и, к своему ужасу, обнаружил, что их двадцать семь, а не восемнадцать, как он ожидал. У него было на шесть кораблей больше, но авторитет адмирала Нельсона так сильно довлел над ним, что поначалу он решил не принимать бой.

Взять курс на Тулон? Вернуться в Кадис? Погодные условия — усилившийся ветер, порой шквалистый, волне-

ние на море — вынудили Вильнёва покориться судьбе. Он уже не мог развернуть свои корабли и увести их в сторону Кадиса.

Адмирал паниковал и метался в нерешительности. Он распорядился вновь перестроиться в три колонны, но в течение часа получил данные разведки, которые побудили его сохранить единую линию кораблей. Эти данные говорили о том, что у англичан тридцать кораблей, хотя их было все же двадцать семь. Вильнёв наблюдал, как английские фрегаты передавали сигналы своим линейным кораблям, сообщая о местоположении судов объединенного флота.

Армада состояла из восемнадцати французских и пятнадцати испанских кораблей. Большинство из них являлись 74 и 80-пушечными, но четыре корабля были гигантами и имели по 100 и более орудий на борту.

Ближе к началу линии стоял участник сражения у мыса Сент-Винсент, красно-черный испанский корабль «Сантиссима Тринидад». На его четырех палубах разместились 136 орудий, он возвышался над всеми и выглядел очень грозно.

Расположившийся в центре испанский корабль «Санта Анна» был еще страшнее, поскольку был выкрашен в сплошной черный цвет. Зрители на испанском берегу наблюдали величественное зрелище — могучие парусные суда вытянулись в длинную линию, с севера на юг.

В конце линии стоял 112-пушечный испанский корабль «Принц Астурийский» (Principe de Asturias), на борту которого находился главнокомандующий испанским флотом, заместитель Вильнёва, адмирал Федерико Карлос Гравина.

Он был внебрачным сыном короля Карлоса III. Уроженец Палермо на Сицилии, дон Гравина признавался самым талантливым из испанских адмиралов. Он окончил морскую школу в Картахене и был студентом на британском флоте. Гравина отлично знал достоинства и слабые стороны военно-морских сил Англии, и именно он был способен повести объединенный флот навстречу врагу.

Однако Наполеон не мог доверить командование иностранцу. Непонятно и то, что император так и не доверил его более способному французскому адмиралу. Несмотря на все свои промахи и пагубную пассивность, Вильнёв продолжал занимать высокий пост, и приказы Наполеона и Декрета о его смещении не поступили вовремя.

Последнее обращение Вильнёва к своим морякам перед боем у мыса Трафальгар, расположенного примерно в двадцати милях от места события, было следующим:

«Вид английского флота нас не испугает. Их 64-пушечные корабли не имеют и по 500 человек на борту, и они не более храбры, чем мы; они утомлены двухгодичным круизом, и у них меньше стимулов хорошо сражаться».

Это заявление свидетельствовало скорее о неуверенности в собственных силах и содержало излишнюю информацию о «64-пушечных кораблях», которая дезориентировала французов и испанцев. На самом деле у врага было только три 64-пушечных корабля, и одним из них был излюбленный Нельсоном «Агамемнон», ведомый капитаном Эдвардом Берри.

Сравнение качества судов и их оборудования будет выгодным для англичан. Их корабли меньше по размерам, но проч-

нее, поскольку изготавливались из древесины, поставляемой из стран Балтии, в том числе России. Конструкция британских пушек была совершеннее, чем у врага.

Вильнёв имел в два раза больше людей, чем Нельсон, и его огневая мощь превышала британскую на 400 орудий. Но английские артиллеристы стреляли почти в два раза быстрее, чем французы и испанцы, благодаря лучшему дизайну пушек и за счет более высокой квалификации. Годы войны не стерли различий в опыте и мастерстве моряков двух противоборствующих сторон.

Ранним утром Нельсон, чьи корабли находились к западу от вражеской линии, обошел палубы «Виктори». Он был в хорошем настроении. Его приветствовали восемь сотен моряков, составлявших команду корабля, который поведет в бой капитан Томас Мастерман Харди. Матросы и артиллеристы почувствовали веру главнокомандующего в их силы и способности.

В 6 часов утра с флагманского корабля «Виктори» был послан сигнал номер тринадцать — «приготовиться к бою».

В 6 часов 40 минут Нельсон приказал разделить свой флот на две колонны.

В 7 часов 40 минут капитаны фрегатов поднялись на борт «Виктори», чтобы получить инструкции главнокомандующего.

Как обычно, делались важные подготовительные операции. Все живые животные были выброшены за борт, за одним исключением — на корабле «Нептун» капитанские утки и гуси были заперты в клетки. Все, что могло мешать морякам делать их работу во время боя, было компактно уложено и при-

вязано. С помощью насосов смачивали паруса и драпировали ими палубы, чтобы предотвратить распространение огня. Палубы начищались и посыпались песком. Члены команды получали сабли и пистолеты. Хирурги готовили свои инструменты. Они окажут помощь раненым в том порядке, в котором пострадавшие моряки будут поступать в лазарет.

В 8 часов 30 минут корабли были готовы к бою, и моряки могли съесть свой завтрак (хлеб и мясо, промытое вином или ромом).

Ветер утих, и дул западный бриз. Нельсон следил за погодой и понимал, что волнение предвещает шторм. Он выпустил приказ, согласно которому после окончания боя корабли должны бросить якоря.

Осталось сделать последние движения, чтобы полностью подготовиться к битве не на жизнь, а на смерть. Все личные вещи, приспособления, приборы он удаляет со стола и тщательно закрепляет. Последнее, что он берет из каюты, — портрет Эммы, своего ангела-хранителя.

Теперь каюта была совершенно свободна, на столе остался один дневник. Из других предметов — пиага. Она нужна, чтобы сражаться, но в худшем случае командир использует это личное оружие для того, чтобы сдать его во время капитуляции. Оставив пиагу в каюте, Нельсон, возможно, хотел этим подчеркнуть, что он не сдастся Вильямсу ни при каких обстоятельствах.

Он был спокоен и прочитал молитву:

«Пусть великий Бог, которому я поклоняюсь, дарует моей стране и на благо всей Европы великую и славную победу, и

пусть ничье дурное поведение не запятнает ее, и пусть после этой победы гуманность будет главным свойством британского флота. Что касается меня, то я вверяю свою жизнь Ему, кто создал меня, и пусть его благословение освещает мои усилия честного служения моей стране. Ему я вверяю себя и праведное дело, которое мне поручено защищать. Аминь. Аминь. Аминь».

Эта последняя запись сделана в понедельник утром, 21 октября 1805 года.

Он приказал послать сигнал всем кораблям: «Англия ждет, что каждый исполнит свой долг¹». Приказ был исполнен в 11.35. Коллингвуд не сразу понял, что за сигнал послал Нельсон («Мы все знаем, что мы должны делать»), но затем «выразил радость, восхищение» и передал слова главнокомандующего членам экипажа своего корабля.

Колонна Горацио Нельсона, состоявшая из двенадцати линейных кораблей, находилась ближе к северу относительно колонны Катберта Коллингвуда, в которую входили пятнадцать судов.

Нельсон решил сам вести первую колонну. Коллингвуд должен был лично повести вторую. Капитан Генри Блэквуд, пока остававшийся на борту «Виктории», уговаривал Нельсона переместить флаг на свой фрегат *Euyalus* и руководить битвой, находясь в безопасном месте. Главнокомандующий отказался.

Линия франко-испанского флота напоминала полумесяц, общая ее протяженность составила около четырех миль. Она

¹ Серия сигналов: 253 [England], 269 [expects], 863 [that], 261 [every], 471 [man], 958 [will], 220 [do], 374 [his], 4 [D], 21 [U], 19 [T], 24 [Y].

была действительно неровной — где-то двойной, а где-то даже тройной. Достигнув ее, любой английский корабль должен был попасть под огонь орудий сразу нескольких судов неприятеля.

Корабли Его Величества двинулись вперед двумя колоннами, нацеленными на вражеский центр и арьергард. Каждый корабль пытался вырваться вперед, чтобы как можно скорее врезаться в неприятельский строй. Нельсон будто пустил в сторону врага две стрелы: острием одной из них был 100-пушечный «Виктори», острием другой — «Ройял Соверен» (Royal Sovereign) Коллингвуда.

Корабли двигались медленно и торжественно. Зрители могли не понимать, что это чарующее зрелище — вовсе не праздник, а прелюдия к свирепому взаимному уничтожению.

Французы готовились встретить храбрых моряков адмирала Нельсона. Жан-Жак-Этьенн Люка, 41-летний капитан 74-пушечного корабля «Редутабль» (Redoutable), поднял свои флаги в 11.30. В торжественной церемонии, которая сопровождалась звуками барабанов и флейт, участвовали солдаты и матросы. Солдаты взяли ружья на караул, и моряки семь раз провозгласили здравницы в честь императора Наполеона.

Неустрашимый Коллингвуд первым привел свою колонну к вражеским позициям, и его 100-пушечный «Ройял Соверен» оказался под корпусом зловещей 112-пушечной «Санта Анны», на борту которой находился вице-адмирал Игнасио Мария де Алава. Самый опасный момент! «Ройял Соверен» еще не развернулся боком, чтобы дать залп по врагу, и испанцы могли прошить носовую часть английского корабля. Неповоротливый гигант «Санта Анна» не успел это сделать, и следующий

корабль линии, французский Fougueux, пытался остановить «Ройял Соверен». Однако капитан последнего продемонстрировал готовность пойти на таран, и французский корабль увернулся от столкновения.

«Ройял Соверен» прошил борта обоих вражеских кораблей, и смело вклинился между кормой «Санта Анны» и носом Fougueux.

— Что бы Нельсон отдал, чтобы быть здесь! — ликовав Коллингвуд.

Нельсон, глядя в телескоп, произнес: «Как я завидую ему». Его колонна двигалась с меньшей скоростью, чем флотилия Коллингвуда.

Первый бортовой залп «Ройял Соверена» убил почти четыреста человек на борту корабля «Санта Анна» и вывел из строя четырнадцать его орудий. Английский корабль повернул налево, попал под огонь «Санта Анны», и теперь был в окружении пяти вражеских кораблей. Еще целых пятнадцать минут «этот доблестный малый Коллингвуд», как называл его Нельсон, дрался в одиночку. Плотность стрельбы была такой, что снаряды, пущенные с разных кораблей противника, сталкивались между собой. 140 человек на борту «Ройял Соверена» было убито либо ранено. Невероятно, но корабль не был разрушен! Пять судов флотилии Коллингвуда пришли к нему на помощь один за другим.

Наконец, «Виктори» оказался в непосредственной близости от линии объединенного флота, Нельсон искал «Буцентавр», на котором находился Вильнёв, и не находил его (флагманские корабли противника не поднимали флаги). И тогда он решил сразиться со своим старым врагом — «Сантиссима Тринидад».

Пока «Виктори» приближался к линии объединенного флота, французы начали производить одиночные выстрелы из орудий, чтобы проверить, достигают ли ядра бортов флагманского корабля неприятеля. Седьмое ядро продырявило топсель¹ английского судна. Еще две минуты команда «Виктори» была в относительном покое, но затем жуткий шквал огня обрушился на корабль адмирала Нельсона.

Когда он планировал битву, то знал, что его силы будут «уязвимыми в последней стадии подхода к вражеским позициям». Но никто не мог предвидеть, насколько страшным это будет.

Когда моряки колонны Нельсона были уже совсем близко от французов и испанцев, то наконец увидели флаг адмирала Вильнёва, развевавшийся на мачте корабля «Буцентавр», который стоял сзади от «Сантиссима Тринидад». Чтобы развернуться в сторону желанной цели, нужно было подставить борт двум другим французским кораблям — «Редутаблю» и «Нептуну» (Neptune).

— Выбирай, — сказал Нельсон капитану Харди.

Выбирать нужно было между тем, чтобы протаранить корму «Буцентавра», и изменением курса. Харди пустил корабль мимо кормы французского судна, и пятьдесят пушек «Виктори» в упор расстреляли носовую часть корабля адмирала Вильнёва. Погибли четыреста французских моряков, двадцать орудий были выведены из строя.

«Виктори» развернулся в сторону «Редутабля», и корабли встали борт к борту. Первый был под огнем орудий четырех

¹ Топсель — один из небольших парусов.

кораблей, но вскоре к нему на помощь пришли следовавшие за ним шесть судов.

Есть различные сведения о том, когда «Виктори» получал повреждения и в какие моменты боя происходили человеческие трагедии на его борту — при приближении к линии неприятельских судов или во время жаркой схватки в самый разгар боя.

От тридцати до сорока минут «Виктори» находился под градом ядер, не имея возможности ответить на огонь противника. На корабле рухнула кормовая мачта. Рулевое колесо было разнесено в щепки, и кораблем теперь можно было управлять только с помощью румпеля, расположенного в пушечном отделении. Паруса превратились в лохмотья.

Один залп убил восемь морских пехотинцев на корме, другой разнес в щепки баркас, осыпав обломками Нельсона и капитана Харди, стоявших на палубе в кормовой части судна. Ядро разорвало на части тело несчастного Скотта, секретаря Нельсона, находившегося рядом с главнокомандующим. Пять вражеских залпов убили пятьдесят офицеров и матросов «Виктори».

— Слишком жаркое дело, Харди, чтобы долго продолжаться, — заявил Нельсон спокойным тоном.

Сражение, начавшееся около полудня, приближалось к решающей стадии. Это был беспорядочный бой, но в то же время все шло по плану Нельсона. Именно такую битву хотел он навязать Вильнёву! Когда две английские стрелы вонзились в неровный строй объединенного флота, получилось два сплетения, два клубка из кораблей противоборствующих

сторон, находившихся друг от друга на расстоянии примерно в полмили. И, что очень важно, как того хотел Нельсон, вражеский авангард был отрезан от точек, в которых решалась судьба сражения.

«Виктори» пропил «Редутабль» залпом из пятидесяти орудий, но капитан Люка, опытный воин, контролировал ситуацию, несмотря на понесенные потери. Он переместил своих снайперов на верхние точки корабля, и те поражали огнем живую силу противника — всех, кто стоял на палубах «Виктори».

Один из лучших стрелков капитана Люка по имени Гуллеман рассказал следующую историю:

«Две палубы были покрыты мертвыми телами, которые они не имели времени выбросить за борт. Я видел капитана Люка, неподвижно стоявшего на своем посту, и несколько раненых офицеров продолжали давать приказы. На корме английского судна стоял офицер, увешанный орденами, с одной рукой. Из того, что я слышал о Нельсоне, я понял, вне всякого сомнения, что это был он. Он был окружен несколькими офицерами, которым, как мне казалось, он давал приказы. Я видел, что он открыт и находится близко от меня. Я мог даже прицелиться в людей, которых видел, но я палил наудачу по группам матросов и офицеров. Вдруг я увидел великое смятение на борту «Виктори», люди сгрудились вокруг офицера, которого я принял за Нельсона. Он только что пал и был унесен вниз, покрытый плащом».

Нельсон не искал смерти. Почитаемый соотечественниками, он любил славу, а дома его ждали обожасмая Эмма и неж-

но любимая Горация. Он руководил боем, подставляя себя под пули и ядра, как любой офицер или матрос.

Наполеон иногда рисковал жизнью на поле брани, но все же общим правилом поведения главнокомандующего являлось нахождение в безопасном месте. Чья еще голова вмещала весь план сражения?

Стиль флотоводца Нельсона заключался в том, что он смотрел в лицо смерти в каждом сражении. Не могло быть и речи о том, чтобы он переместился на фрегат капитана Блэквуда. Более того, он подверг себя максимальному риску, возглавив атаку, в результате чего его корабль оказался в окружении нескольких судов противника.

Вильнёв заявил, что у англичан меньше стимулов хорошо сражаться, чем у французов. Однако английские матросы знали, что их ведет в бой бесстрашный адмирал, который находится среди них и всегда действует наступательно. Когда командир не знает страха, то его люди забывают о страхе.

Одетый в адмиральский мундир, хотя и не парадный, Нельсон был различим среди других. Судя по рассказу, стрелок Гуллеман не целился в него специально, но похоже, что именно он пустил роковую пулю. Она попала в левое плечо, затем, отразившись, сместилась в грудную клетку, порвала артерию и раздробила позвоночник. Согласно записи корабельного хирурга, это произошло в один час пятнадцать минут пополудни.

— А, Харди, наконец они сделали это, — произнес Нельсон, медленно опускаясь на пол. — Мой позвоночник насквозь прострелен.

Он закрыл лицо носовым платком, чтобы его люди не сразу узнали о трагедии и не пали духом. Три человека понесли его в кубрик.

Члены команды «Виктори» не успели заметить, что произошло. Стрельба продолжалась с прежней силой.

Стрелки капитана Люка уничтожили множество людей на верхней палубе «Виктори», но его корабль был на грани полного разгрома. Французы предприняли отчаянную попытку пойти на абордаж, но моряки капитана Харди не позволили им это сделать. 522 из 643 членов команды 74-пушечного корабля «Редутабль» были убиты либо ранены, однако оставшиеся в живых проявляли неистребимую выносливость, яростно сражаясь с командой 100-пушечного судна. «Редутабль» столкнулся с другим английским кораблем. Сам Люка был изранен и почти без сознания. Он сдался, когда понял полную безнадежность сопротивления. Люка выжил и заслужил восторги англичан и признательность Наполеона.

Адмирал Шарль-Рене Магон, находившийся на борту 74-пушечного корабля *Algésiras*, проявил удивительное мужество и стойкость, что вызвало искреннее восхищение английских моряков. Этот красивый воин, постоянно критиковавший Вильнёва за его бегство от Нельсона, погиб на своем корабле. Пуля попала ему в грудь.

Можно ли сказать, что французским флотом командовали такие же бойцы, как Люка и Магон? 35-летний Пьер Дюмапуар, заместитель Вильнёва, увел свою эскадру, состоявшую из десяти кораблей, и бросил главнокомандующего на погибель. Вильнёв несколько раз посылал сигналы кораблям, не

участвовавшим в битве, вступить в бой. Он адресовал приказ непосредственно своему молодому заместителю, называя его корабль по имени (Formidable). Дюмануар игнорировал сигналы главнокомандующего и вскоре после начала битвы оставил свою позицию в боевой линии, взяв курс на север. Лишь некоторые из его судов дали залпы по врагу.

Вильнёв мужественно оборонялся. На его флагманском корабле не осталось ни одного офицера, способного стоять на палубе, но сам главнокомандующий был цел и невредим. Огонь орудий трех вражеских судов оставил от французского корабля один лишь корпус. Рухнула последняя мачта. Вильнёв хотел перейти со своего разрушенного корабля на другое судно, однако такой возможности не было: подчиненные бросили его, как сам он бросил их при Абукире. Главнокомандующий капитулировал и отдал себя в руки англичан.

Офицер британской морской пехоты, три пехотинца и два матроса взобрались на борт флагманского корабля «Буцентавр», чтобы пленить «очень спокойного француза с видом англичанина, одетого в длиннохвостый мундир и зеленые вельветовые панталоны».

Английские моряки усадили Вильнёва и двух его коллег в катер и пытались доставить пленников на свой корабль. Не найдя его в суматохе боя, они привезли французов на борт корабля «Марс».

Корабельный хирург Уильям Битти подошел к Нельсону. Тот сказал ему:

— Я смертельно ранен. Ты ничего не можешь для меня сделать, Битти. Мне недолго осталось.

Битти пощупал рану пальцем и понял, что Нельсон прав. У адмирала был сильный жар, он постоянно просил пить. Ему давали лимонад, воду и вино.

Нельсон много раз просил, чтобы к нему пришел Харди. Тот смог спуститься в кубрик только через час, во время перерыва в стрельбе.

— Хорошо, Харди, как у нас сегодня дела? — спросил Нельсон. Харди ответил, что двенадцать или четырнадцать вражеских кораблей капитулировали.

— Надеюсь, у нас нет убитых кораблей?

— Нет, милорд, можно не бояться этого, — ответил Харди.

Между тем раненый корабль Коллингвуда заставил капитулировать «Санга Ангу», но из мачт у него осталась одна лишь фок-мачта, и он нуждался в буксире. «Принц Астурийский» дона Гравины сражался с тремя английскими кораблями, и храбрый испанский адмирал был тяжело ранен.

— Я мертвец, Харди, — сказал Нельсон.

Капитан вернулся на свой боевой пост, и Нельсон продолжил общение с доктором:

— Вся боль и движения в моей груди прекратились, и ты знаешь, что я тоже ухожу.

Доктор согласился.

— Слава Богу, я исполнил свой долг, — вздохнул Нельсон.

Англичане отбили контратаку кораблей французского авангарда и захватили еще три судна. Харди вернулся к Нельсону и сообщил ему о том, что теперь четырнадцать или пятнадцать вражеских кораблей стали призами победителей.

— Это хорошо. Я рассчитывал на двадцать, — ответил Нельсон.

Победа не вызывала никаких сомнений, но возникла новая угроза — октябрьская непогода. Море сильно заволновалось, угрожая изрядно потрепанным английским кораблям. Кроме того, шторм мог значительно затруднить буксировку и сопровождение захваченных у врага судов, а то и вовсе лишить англичан их призов.

Нельсон все еще мог анализировать ситуацию и принимать решения. Собрав остатки сил, он воскликнул:

— На якорь, Харди, на якорь!

Это было его решение — повторение приказа, выпущенного перед боем, но Харди заметил, что обязанности главнокомандующего теперь исполняет Коллингвуд. Нельсон еще раз повторил свое последнее распоряжение, а через некоторое время произнес:

— Не выбрасывай меня за борт. Ты знаешь, что делать.

Нельсон не хотел, чтобы его похоронили по старинной морской традиции, выбросив за борт. Он уже уходил в мир иной и вдруг попросил: «Поцелуй меня, Харди». Капитан выполнил его просьбу и поцеловал Нельсона в щечку. «Теперь я доволен. Благодарю Бога, я исполнил мой долг». Харди наклонился и поцеловал его в лоб.

— Кто это? — спросил Нельсон.

— Это Харди, — был ответ.

— Да благословит тебя Бог, Харди.

Капитан снова поднялся наверх. Нельсон сказал корабельному капеллану, который потирал ему грудь, чтобы облегчить страдания:

— Запомните, что я оставляю леди Хэмильтон и мою дочь Горацию в наследство моей стране.

Это были слова из дополнительного распоряжения к его за-
вещанию, написанного перед сражением и скрепленного под-
писями Харди и Блэквуда.

Он тут же добавил: «Я не был большим грешником, док-
тор». Он рыдал, повторяя: «Благодарю Бога, я исполнил мой
долг».

Его последними словами были: «Бог и моя страна».

Вилья́мс капитулировал в четыре часа пятнадцать минут по-
полудни. Федерико Карлос Гравина дал приказ десяти остав-
шимся испанским судам вернуться в Кадис. Прошло еще при-
мерно полчаса, и всякая стрельба прекратилась.

Потери сторон в этом морском сражении сопоставимы с
числом жертв крупных баталлий на суше. Было убито и утонуло
469 англичан, 3370 французов и 1025 испанцев, число раненых
составило соответственно 1214, 1160 и 1383. Англичане захва-
тили 4000 пленных.

На борту «Виктори» погибли 57 человек, 107 моряков были
ранены. Повреждения корабля были столь значительными, что
примерно в 2 часа 30 минут он был снесен волнами и более не
принимал участия в битве.

Погибли двенадцать адмиралов, коммодоров и капитанов.
Среди них — Нельсон и Магон. Гравина и Алава позднее скон-
чались от полученных ран.

Многие моряки совершенно оглохли от грохота орудий. Па-
лубы судов были залиты кровью. Повсюду лежали тела и части
тел жертв баталлии, раненые страдали в агонии.

Шторм усиливался. Окрашенные кровью волны вздымали тела погибших и несли разрушенные корабли в направлении берега.

Капитан Блэквуд управлял буксировкой поверженного колосса «Сантиссима Тринидад». Он осуществил эвакуацию его команды и приказал сжечь судно. Та же участь постигла «Санта Анну».

«Французский главнокомандующий в данный момент у меня под рукой», — докладывал Блэквуд. Вильнёв наблюдал, как британцы распоряжаются тем, что еще несколько часов назад было мощным имперским флотом.

Что он мог предпринять, если его люди производили четыре выстрела из пушек за то время, за которое враги палили семь раз? Он решил поставить корабли в линию и не позволить англичанам разорвать ее. Как можно было сдерживать натиск фанатичного Нельсона и его хорошо организованных профессионалов? Французы долго сидели и тренировались на кораблях, стоявших на якоре или на берегу, скрывались от неприятеля, спасались от погони — все это не могло не отразиться на психологии моряков и уровне их подготовки. Плавание в американские воды лишило Вильнёва многих сотен моряков, заболевших цингой, дизентерией и другими болезнями. Пришлось делать новый набор на берегу, и в бой попали люди, не нюхавшие пороха и не знавшие, что такое морское плавание.

Реалист и вовсе не трус, Вильнёв сделал трудный выбор и повел свой флот навстречу Нельсону, которого он так долго боялся. Французский флагманский корабль яростно сражался с прославленными английскими экипажами и был разгромлен,

а дезертирство Дюмануара лишило Вильнёва всяких надежд. Офицер, преданный императору, порой несправедливому и дававшему противоречивые приказы, болеющий за дело моряк и любящий муж, Вильнёв переживал величайшее горе. И кто может сказать, был ли адмирал-картограф Розильи лучше подготовлен к смертельной схватке?

Блэквуд написал жене:

«С прошлого вечера у нас тут самый ужасный шторм; с трудом корабли, буксирующие их [захваченные суда], держатся в отдалении от берега. Три, я думаю, должны быть потеряны, и с ними свыше 800 душ на каждом. Что за страшное проклятие — эта война».

В течение трех дней непрерывной бури англичане лишились двенадцати «призовых» судов, которые были разрушены в ходе буксировки. Британский флот не потерял в сражении ни одного корабля, и все они благополучно вернулись домой. Однако победители с великим трудом дотащили до берегов туманного Альбиона лишь четыре захваченных корабля из шестнадцати. Выжившие французы и испанцы искренне восхищались тем, как Коллингвуд и его офицеры управляли кораблями в условиях чудовищного шторма.

Совершил ли Коллингвуд ошибку, не выполнив последний приказ Нельсона? Ведь в итоге англичане потеряли большинство своих трофеев и утонуло множество моряков с обеих сторон. Можно ли об этом судить? Коллингвуд был опытным моряком, ответственным офицером и отменил приказ Нельсона вовсе не из желания действовать исключительно по своему.

Коллингвуд решил игнорировать последний приказ Нельсона, во-первых, потому, что многие якоря были потеряны во время битвы, а во-вторых, потому, что хотел удалиться от опасного испанского берега и мелководья у мыса Трафальгар.

Он поступил благородно в отношении раненых испанцев, тела которых повсюду лежали на палубах захваченных англичанами кораблей. «Чтобы облегчить человеческие страдания, насколько это было в моей власти, — рассказал Коллингвуд, — я послал маркизу Солане, генерал-губернатору Андалузии, предложение, чтобы их страна позаботилась о своих раненых... Предложение было принято с великой благодарностью, выраженной не только губернатором, но и всей страной». Коллингвуд освободил большинство пленников.

Он составил рапорт Адмиралтейству об одержанной победе 22 октября на борту фрегата *Euryalus*. Рапорт был официально опубликован в *The London Gazette* 6 ноября 1805 года:

«Мы всегда будем горевать о смерти вице-адмирала лорда виконта Нельсона, который пал в час победы во время последнего сражения с врагом: она обязывает меня информировать моих лордов представителей Адмиралтейства о том, что 19-го числа текущего месяца главнокомандующий получил сообщение от кораблей, наблюдавших за движениями врага в Кадисе, о том, что объединенный флот вышел в море. Поскольку дули легкие западные ветры, Его светлость лорд сделал вывод о том, что они [корабли неприятеля] двигаются в сторону Средиземного моря, и немедленно направился на всех парусах к Гибралтарскому проливу [*sic*] с британской эскадрой, состоявшей из двадцати семи кораблей, три из которых 64-пушечные, и был

информирован капитаном Блэквудом (чья бдительность в наблюдении и обнаружении движений врага заслуживает высоких похвал) о том, что они еще не прошли через пролив.

Ранним утром в понедельник 21-го числа текущего месяца... враг был обнаружен в шести или семи милях к востоку. Дул очень легкий, преимущественно западный ветер. Главкомандующий немедленно послал сигнал флоту построиться в две колонны, чтобы двигаться в этом порядке. Такой способ атаки Его светлость лорд загодя предписывал, чтобы избежать неудобства и задержек, неизбежных при формировании обычной боевой линии. Вражеская линия состояла из тридцати трех кораблей, из которых восемнадцать были французскими, а пятнадцать испанскими, под общим командованием адмирала Вильнёва. Испанцы под началом Гравины развернули носы своих судов к северу и сформировали очень плотную и правильную линию. Но поскольку способ атаки был необычен, то структура их линии была новой. Линия представляла собой полумесяц, выпуклый в подветренную сторону. Поэтому, направляясь в их центр, я столкнулся с тем, что их авангард и тыл оказывались позади траверза¹. До того как огонь был открыт, каждый их корабль находился от соседнего примерно на длину каната к ветру (если мерить до носа и кормы), и была сформирована некая двойная линия. Выяснилось, что если находиться на их траверзе, то остается очень малый интервал между ними, и при этом они не мешали друг другу. Адмирал Вильнёв находился на борту корабля «Буцентавр», расположившегося в

¹ *Траверз* — направление, перпендикулярное диаметральной плоскости судна.

центре, флаг адмирала Гравины развевался на корабле «Принц Астурийский», расположившемся сзади, но французские и испанские корабли были перемешаны, и порядок судов не соответствовал порядку национальных эскадр.

Поскольку способ атаки был предварительно определен и информация доведена до коммодоров и капитанов, то требовалось подать лишь малое количество сигналов...

Дело началось в двенадцать часов. Первые корабли колонны прорвались сквозь вражескую линию, главнокомандующий атаковал примерно десятый корабль спереди, его заместитель атаковал примерно двенадцатый корабль с конца вражеской линии, и ее авангард оказался не у дел... Схватка была жестокой, вражеские корабли сражались с отвагой, которая делает их офицеров достойными высокого уважения, но атака была неотразимой, и благодаря Всевышнему, который управляет всеми событиями, вооруженные силы Его Величества одержали полную и славную победу. К трем часам пополудни многие вражеские суда капитулировали, их линия сломалась. Адмирал Гравина вместе с десятью кораблями присоединился к фрегатам, двигаясь в подветренную сторону, и взял курс на Кадис. Пять передних судов их авангарда изменили направление; они встали носами к югу... были атакованы, и большинство из них было захвачено; другие ушли, оставив эскадре Его Величества девятнадцать линейных кораблей (из которых два первоклассные, «Сантиссима Тринидад» [sic] и «Санта Анна») с тремя командующими — вице-адмиралом Вильнёвом, главнокомандующим, доном Игнасио Мария де Алава, вице-адмиралом, и испанским контр-адмиралом доном Балтасаром Идальго Киснеросом.

После такой победы, возможно, нет нужды восхвалять каждого командира в отдельности: само дело говорит о себе больше, чем я способен выразить словами. Все были в равной степени воодушевлены, прилагая все силы и служа своей стране с усердием, и все достойны того, чтобы их высокие заслуги были отмечены. Никогда высокие заслуги не были столь заметными, как в битве, которую я описал.

Achille (французский 74-пушечный корабль), после того как капитулировал, из-за плохой распорядительности французов загорелся и взорвался. Двести человек были спасены посылными судами.

Во время битвы произошло событие, которое столь ярко продемонстрировало непобедимый дух британских моряков, сражающихся с врагами своей страны, что я не могу отказать себе в удовольствии описать его Их светлостям лордам. Корабль Temeraire, случайно или намеренно, был взят на абордаж французским кораблем, с одной стороны, и испанским судном — с другой; схватка была решительной, но в итоге флаги объединенного флота были сорваны, а на их места водружены британские флаги.

Такая битва не может обойтись без больших людских потерь. Мало сказать, что я опшакиваю вместе со всем британским флотом и британской нацией великую утрату — главнокомандующего, героя, чье имя будет увековечено, а память о нем будет всегда дорога его стране. Мое сердце разрывается от горькой печали о смерти друга. Я чувствовал привязанность к нему на протяжении многих лет и хорошо знал достоинства его разума, порождавшего неординарные идеи. Он пал с великой

славой, но это не приносит успокоения... Его светлость лорд был ранен мушкетной пулей в левую часть груди примерно в середине баталии, немедленно послал ко мне офицера со словами прощания и вскоре после этого скончался.

Я также оплакиваю потерю отличных офицеров — Даффа, капитана «Марса», и Кука, капитана «Беллерофона»; я пока не имею других печальных известий.

Боюсь, что число павших очень велико. Я буду знать его, когда получу официальные рапорты; со времени битвы бушует шторм, и пока не в моей власти собрать эти отчеты с кораблей.

«Ройял Соверен» потерял все мачты, осталась одна фок-мачта, нтвердо стоящая. Я призвал фрегат *Euryalus* в ходе акции. Он находился на достаточно близком расстоянии и принял сигнал. Далее он рассылал мои сигналы, и капитан Блэквуд делал это с величайшим вниманием. После окончания битвы я переместил свой флаг на *Euryalus*. Отсюда мне проще давать приказы и собирать корабли. «Ройял Соверен» был взят на буксир... Весь флот теперь оказался в очень опасном положении. Многие корабли лишились мачт, все были разбиты, тринадцать кораблей набрали воды, находясь у мелководья вблизи мыса Трафальгар; и, когда я дал сигнал приготовиться бросить якоря, мало кораблей их имели, а канаты были прострелены. Но та сила доброго Провидения, которая помогла нам днем, сохранила нас и ночью. Ветер изменился на несколько стадий и отнес корабли от берега, кроме четырех захваченных кораблей без мачт, которые теперь стоят на якоре вблизи мыса Трафальгар. Я надеюсь, что они смогут продолжить движение, когда шторм закончится и опасность минует.

Описав, таким образом, действия нашего флота в этом сражении, я беру на себя смелость поздравить Их светлостей лордов с победой, которая, я надеюсь, увеличит славу короны Его Величества и послужит общественному благу нашей страны».

Вильнёв был отпущен позднее, в апреле 1806 года. Прибыв во Францию, он оповестил об этом Дескрэ. Вильнёв был на пути в Париж, но вдруг этот склонный к меланхолии человек принял роковое решение.

Побежденный при Трафальгаре покончил жизнь самоубийством. 22 апреля его труп нашли в номере гостиницы. Причиной смерти была кинжальная рана.

«Вильнёв покончил с собой на постоялом дворе в Ренне, и, как всегда, в этом обвинили меня. На самом же деле признаки сумасшествия наблюдались у него еще во время морской кампании», — заявил Наполеон.

Повость о великой победе у мыса Трафальгар достигла Лондона вечером 5 ноября. Ее доставила самая быстроходная шхуна британского флота, *Pickle*. В час ночи офицер сообщил секретарю Адмиралтейства о триумфе англичан и смерти лорда Нельсона. Секретарь направил офицера к Бархэму. Секретарь и первый лорд тут же информировали Питта, разбуженного в три часа ночи.

Лорд Фитцхаррис вспоминал:

«Я никогда не забуду яркую манеру, в которой он [Питт] описывал охватившие его противоречивые чувства, когда он поднялся ночью, чтобы прочитать донесения Коллингвуда.

Питт заметил, что в течение его полной событиями жизни его будили в разные часы, чтобы сообщить новости всякого рода, однако какими бы они ни были, хорошими или плохими, он всегда мог снова положить голову на подушку и погрузиться в глубокий сон. Однако в этом случае великое событие, о котором его известили, принесло с собой так много такого, по чему надо было плакать и чему радоваться, что он поднялся окончательно, хотя было три часа ночи.

Питт информировал короля Англии. Монарх на пять минут лишился дара речи, а затем произнес: «Мы потеряли гораздо больше, чем приобрели». Он принялся писать депеши десяткам лиц, в том числе Фанни Нельсон и леди Хэмилтон.

Эмма потеряла сознание и не могла прийти в себя в течение десяти часов. Жена одного из английских капитанов, участников сражения, заметила, что «сожаление о смерти [Нельсона] ощущалось гораздо сильнее, чем радость от разрушения объединенного флота». Принц Уэльский никак не мог успокоиться.

Леди Бессборо была потрясена тем, как точно исполнилось пророчество Нельсона. «Он не мог выбрать лучшего конца для такой жизни. Вы знаете, это заставляет меня чувствовать столько же зависти, сколько сострадания; я думаю, что хотела бы так умереть».

Новость о том, что объединенный флот разгромлен, по Нельсона больше нет, быстро распространилась по Лондону. Толпы людей заполнили улицы. Однако, как писала «Таймс», их объединила печаль:

«Это великое и важное событие не было отмечено выражениями народного восторга и демонстрациями общей радости.

Честные и мужественные чувства людей проявились, как им положено проявляться: они ощущали внутреннее удовлетворение от триумфа их любимых вооруженных сил, они остро чувствовали искреннюю скорбь о смерти своего любимого героя, будто он был членом их семьи».

7 ноября король Георг III выпустил прокламацию, посвященную великой победе, одержанной вице-адмиралом лордом виконтом Нельсоном с помощью силы доброго Провидения.

9 ноября в субботу вечером лондонцы вручную тащили экипаж Уильяма Питта Младшего, который направлялся на банкет, организованный лорд-мэром по случаю исторической победы. Организатор банкета провозгласил тост «за спасителя Европы». Артур Уэллсли вспоминал, что Питт «выразил ответную благодарность, произнеся одну из самых лучших и отточенных речей, которые я когда-либо слышал в своей жизни».

Премьер-министр коротко обратился к собравшимся:

«Много раз благодарю вас за ту честь, которую вы мне оказали; Европа не может быть спасена единственным человеком, каким бы он ни был. Англия спасла себя собственными усилиями, и я верю, что она спасет Европу своим примером».

В День благодарения люди молились в церквях и делали пожертвования. Было проведено заседание Комитета Патриотического фонда. Нельсон, в последний раз оправляясь на войну, обратился к руководству фонда. В его письме содержалась просьба о том, чтобы все раненые, вдовы и сироты получили помощь.

Фонд распределил средства среди раненых и семей погибших. Пострадавшие моряки и морские пехотинцы получили от

10 до 40 фунтов стерлингов каждый, в зависимости от степени увечья.

Тело адмирала Нельсона было доставлено на родину в большой бочке, наполненной бренди. По другой версии, оно было забальзамировано и забинтовано с головы до пят, по методу древних египтян. Затем его переместили в свинцовый гроб, наполненный бренди, камфарой и ароматической смолой, который, в свою очередь, был помещен вовнутрь деревянного гроба. Питт лично контролировал процесс подготовки к церемонии похорон.

До 21 декабря тело находилось в каюте Нельсона на флагманском корабле «Виктори». Потом «Виктори» покинул Портсмут, а тело перенесли на борт «Чатам» (Chatham), яхты Королевской комиссии. Когда яхта шла до Гринвича, звучали залпы орудий.

Затем тело находилось в Госпитале Гринвича, где было тихо проведено его вскрытие. 5 января 1806 года тело переложили в новый гроб, сделанный из дерева главной мачты французского флагманского корабля «Ориент», погибшего в Абукирском сражении, и переместили в Раскрашенный зал. Здесь оно находилось два дня.

8 января гроб торжественно перевезли на адмиральской барже от Гринвича до пристани Уайтхолла. Тридцать тысяч солдат — пехотинцев, артиллеристов и кавалеристов — стояли вдоль пути следования флотилии.

Местом сбора участников похорон, состоявшихся 9 января, было Адмиралтейство. Траурное шествие началось в полдень. Тело адмирала Нельсона везли на погребальной колеснице, запряженной шестеркой лошадей.

Кагафалку придали форму корабля «Виктори» с соответствующей надписью. По бокам судна были гербы, «Юнион Джек» украшал мачту примерно в ее середине. Над флагом большими черными буквами было выведено слово «Трафальгар». Полки легких драгун, гренадер, шотландские полки, кавалеристы и конные артиллеристы прокладывали дорогу траурному экипажу.

В последний путь, который продолжался три с половиной часа, Нельсона провожали сотни тысяч людей, стоявших на всем протяжении маршрута. Матросы, офицеры и адмиралы песком сопровождали гроб и отдавали последние почести герою своей страны. Их вел 85-летний адмирал флота сэр Питер Паркер.

Кагафалк прибыл к месту назначения, лондонскому собору Святого Павла, в абсолютной тишине. Внутри собора находилось множество сановников, которые сидели на специально оборудованном высоком помосте, имевшем семнадцать рядов.

На траурной церемонии присутствовали принц Уэльский и его братья. Не было короля и еще нескольких важных людей.

Женщинам не было позволено участвовать в похоронах, и Эмма Хэмилтон не стала исключением. Смертельно больной Питт был на курорте в Бате.

Сент-Винсент сам решил не присутствовать на церемонии погребения своего бывшего подчиненного. Приглашения были разосланы всем командующим в звании адмирала или коммодора (flag officers), но почему-то забыли про Уильяма Корнуоллиса — великого труженика моря, который своей двухгодичной блокадой Бреста внес огромный вклад в общее дело и не

позволил Наполеону осуществить вторжение в Великобританию в 1803—1805 годах.

Флаг «Виктори» был порван на кусочки, которые достались членам команды флагманского корабля.

Тело адмирала Нельсона было опущено в гробницу глубиной двадцать футов.

Его награды, наследство вызывали споры. Старший брат погибшего героя смог получить титул графа, который сам Горацио Нельсон не имел, и его пенсию. Колоссальная сумма в сто тысяч фунтов стерлингов была выплачена одновременно, и пять тысяч фунтов в год были положены ему и его наследникам пожизненно, причем эти выплаты освобождались от налогов. Многострадальная Фанни Нельсон получила пенсию в размере 2000 фунтов стерлингов в год. Пенсию в 1000 фунтов стерлингов оставил ей муж, и этих сумм должно было хватить на комфортную жизнь.

Эмма получила дом в Мертоне и всего лишь 500 фунтов стерлингов ежегодной ренты. Она написала с горечью: «Пусть они липят меня всех наград. Я возьму эту бумагу, прижму ее к груди, буду нищенствовать на улицах Лондона, и каждая женщина, способная испытывать возвышенные чувства, скажет: “Нельсон завещал ее нам”».

Она страдала от алкогольной зависимости, много тратила на содержание дома, прислуги и делала подарки родственникам. Эмма промотала наследство адмирала Нельсона. Имение в Мертоне она продала, как и другой небольшой дом. Теперь она снимала жилье, вела кочевой образ жизни и в сорок шесть лет стала похожей на ведьму.

Через восемь лет после победы Нельсона при Трафальгаре она была арестована за долги. Эмма Хэмилтон продолжала употреблять спиртное в больших количествах и сильно располнела. Она уехала с Горацией в Кале и умерла 15 января 1815 года в жалком пансионе.

До самой своей смерти в 1881 году Горация настаивала на том, что Эмма Хэмилтон ей не мать. Она верила, что ее отец — адмирал Нельсон, но ненавидела мать с раннего детства.

Фанни Нельсон продолжала чтить память своего мужа. Она умерла в Лондоне в мае 1831 года.

МЕЧТА И ДЕЙСТВИЕ

Узнав о катастрофе у мыса Трафальгар, Наполеон пришел в сильное возбуждение, а затем пробормотал: «Я не могу быть одновременно повсюду».

Можно ли быть в одно и то же время на Дунае, у берегов Испании, в Карибском море, в Египте, в Австралии? Оказывается, можно. И примеры тому — государства и нации, создавшие мировые империи. Лучшее из всех это получилось у англичан, испанцев и португальцев, оказавших позитивное влияние на развитие многих стран разных континентов. Наполеон не смог дать народам подобных импульсов.

Приведенные выше слова касались ситуации, в которой он оказался в 1805 году. Да, невозможно одновременно руководить армией, ведущей боевые действия, и национальным флотом. На острове Святой Елены он скажет:

«В 1805 году у меня имелось восемьдесят линейных кораблей, не считая фрегатов, но не было ни настоящих матросов, ни офицеров; мои адмиралы играли в прятки с англичанами, и это само по себе уже было немало».

Наполеон напел хорошее слово для человека, которого он прежде винил в провале грандиозного плана покорения Англии:

«Вильнёв был добрый офицер, но, несмотря на это, делал одни только глупости. Он покинул Кадис, а смерть Нельсона не стоила потери моего флота».

Наполеон, по определениям его врагов, был «пятидесятитысячным» или «стотысячным». Его личное присутствие на поле боя будто увеличивало армию на 50 или 100 тысяч солдат. Иными словами, Наполеон — полководец, стоивший целой армии.

Горацио Нельсон стоял целого флота. Наполеон не пел дифирамбы победителю при Трафальгаре — все было ясно без слов. Память адмирала Нельсона, национального героя Великобритании, увеселена его соотечественниками.

Воспитанный гений Наполеона и Нельсона проявился в их победах. В Северной Италии шла вялотекущая война, и Бонапарт предложил план наступления и разгрома австрийцев. Молодого генерала сочли безумцем и отвергли его идеи. Несколько месяцев спустя он показал всем критикам, как в мире рутины творятся чудеса. Если бы Нельсон действовал при Абукире так, как адмирал Колдер против Вильнёва, то его имя было бы известно лишь узкому кругу специалистов по истории флота.

Есть свидетельства того, что Вильнёв предвидел действия Нельсона в Трафальгарском сражении. Он говорил своим офицерам о том, к какой тактике прибегнет враг. Накануне Аустерлицкой битвы в стане союзников тоже были люди, которые разгадали замысел Наполеона. Но что дало это предвидение, если последующие действия никак его не учитывали? Вильнёв построил корабли в линию. Какой оборот могли принять события, если бы французы и испанцы встретили врага тремя колоннами?

Невозможно критиковать действия Нельсона при Трафальгаре. Но Абукир подвергся обычному для Наполеона анализу:

«Образ действий Нельсона был отчаянным и не может быть рекомендован как образец, но сам он и английские экипажи проявили такую энергию и искусство, какие только было возможно проявить, в то время как половина французской эскадры выказала столько же неспособности, сколько и малодушия».

Через год после абукирского кошмара Бонапарт покинул Египет. В то время Нельсон был рядом с Эммой Хэмилтон и занимался неаполитанскими делами. Но если бы он хорошо выполнял свои обязанности и думал в первую очередь об Англии, то вполне мог перехватить Бонапарта, возвращавшегося из Египта. И тогда соперничество двух героев продлилось бы не семь лет, а только год.

После гибели Нельсона политическая карьера Наполеона продолжалась еще целое десятилетие. Трафальгар положил конец завоевательским проектам, связанным с преодолением водных пространств. Это было время нового передела мира и великих авантур, и Наполеон пустился в них с маниакальной страстью и невиданной дерзостью. Но после Трафальгара он более не возвращался к плану прямого захвата Англии. Император вынашивал идеи экспедиции в Индию, или «демонстраций против Индии», однако все осталось на бумаге.

Египет, Англия, Ирландия, Индия. А верным ли был посыл? На острове Святой Елены он скажет: «Если бы вместо экспедиции в Египет я бы предпринял ее против Ирландии, то что бы Англия теперь делала?»

После драки кулаками не машут. Видимо, Наполеон забыл, что в 1798 году он осознанно отказался от идеи экспедиции на Британские острова. Парадокс состоит в том, что он сумел добраться до Египта, до которого очень далеко, но не смог покорить Англию, до которой рукой подать. А он очень хотел короноваться императором французов и королем англичан!

Почему не получилось? Только ли потому, что у Франции были неумелые моряки и плохой флот? Но в 1798 году именно эти моряки доставили в Египет многотысячное международное сообщество, состоявшее не только из французов, но и мальтийцев, и освобожденных рабов из разных стран.

Что может один человек, то может и другой. Если Вильгельм Завоеватель покорил Англию, то и Наполеон мог преодолеть пролив. И что же дальше?

«Я провозгласил бы республику в Англии, уничтожение аристократии, палаты пэров, экспроприацию всех, кто воспротивился бы мне, свободу, равенство и верховную власть народа, — говорил Наполеон. — В таком большом городе, как Лондон, много черни и недовольных: грозная партия встала бы за меня. Я поднял бы также восстание в Ирландии. Нас призвала бы большая часть англичан. После высадки мне предстояло бы только одно правильное сражение с исходом несомненным, и я оказался бы в Лондоне... Английский народ, стонавший под игом олигархии, тотчас присоединился бы к нам; мы были бы для него союзниками, пришедшими его освободить; мы пришли бы к нему с магическими словами: *Свобода, Равенство*».

Знал ли он о том, что его 150-тысячной армии предстояло сражаться с сотнями тысяч английских солдат, моряков, морских

пехотинцев и добровольцев? И не принимать в расчет многочисленных британских волонтеров было большой ошибкой с его стороны. Французы в ряде случаев далеко не сразу могли одолеть восставших египтян, не имевших современного оружия и военной подготовки. Английские фермеры, потомки воинов Оливера Кромвеля, победивших своего короля в многолетней войне, рабочие и ремесленники представляли собой организованную силу. Это они сражались бы за свободу и собственное достоинство, а французы превращались в поработителей. Взятие Лондона не принесло бы окончательной победы, как не была она достигнута взятием Каира, Вены, Берлина, Мадрида и Москвы.

В Лондоне много черни и недовольных? Это так, люди страдают от экономического гнета и протестуют против действий правительства, но они же празднуют победы своих вооруженных сил и почитают национальных героев.

И если бы Наполеону удалось переправить армию через Ла-Манш, то какими силами собирался он разгромить войска третьей коалиции?

Армия Наполеона была готова к великим делам — это вполне доказано при Аустерлице. Французский флот оказался не на высоте положения, и в этом были виноваты в первую очередь Наполеон. Англичане отстаивали независимость своей родины, и в этом заслуга не одного Нельсона.

Тем не менее события, связанные с подготовкой французов к захвату Англии, несут на себе печать соперничества двух главных героев. Это не поединок «Нельсон против Вильнёва» или «Гантом против Корнуоллиса». Это борьба лидеров, которые никому по большому счету не подчинялись.

Бонапарт стал вполне самостоятельной фигурой, начиная с Первой Итальянской кампании. В Египте он был «султаном», а через короткое время возглавил правительство Франции.

Во времена войн с Французской республикой и Наполеоном адмирал Нельсон имел начальников, но неизменно действовал исходя из логики великой борьбы, а не требований субординации. В период погони за флотом Наполеона в 1798 году Нельсон подчинялся Сент-Винсенту, но все решения принимал сам. Находясь в Неаполе и на Сицилии, он игнорировал приказы главнокомандующего флотом и вел свою войну против французов и их пособников. В Копенгагене он формально подчинялся адмиралу Паркеру, но принял на себя всю полноту ответственности за свои решения и действовал так, будто он являлся главнокомандующим флотом и единственным полномочным представителем Великобритании. Позволив флоту Вильяма покинуть Тулон, адмирал Нельсон по своей инициативе бросился за ним в погоню, оставив Средиземное море.

Перед нами — два необыкновенных человека и личности, во многом схожие. Дело не в совпадении некоторых событий их жизни и не в том, что оба взяли в жены ранее замужних женщин, имевших детей и живших на островах Карибского моря. Интересно, что сами они — тоже островитяне. Другое любопытное сходство — оба увлеклись великосветскими куртизанками (Жозефиной и Эммой), вызвав душевные муки других женщин, искренне их любивших (Дезире Клар и Фанни Нисбет).

Наполеона и Нельсона объединяет редкое свойство человеческой натуры — роковая целеустремленность. Оба считали

себя инструментами Провидения и видели перед собой великие цели.

Первый однажды заявил, что не остановится, пока не достигнет своей цели. Эта мистическая целеустремленность, вера в свою звезду и судьбу заменяли ему самоанализ и приводили к роковым ошибкам.

Отправляясь в Египетскую экспедицию, Наполеон вынашивал план создания великой империи на Востоке. Для этого он взял с собой превосходную армию, видных ученых и деятелей культуры Франции. Подобно тому, как англичане создавали новые цивилизации по всему свету, и одной из них стали Соединенные Штаты Америки, Наполеон вознамерился использовать интеллектуальный потенциал великих ученых и практиков для создания доселе невиданной культуры. Оторванные от французской почвы мыслители и творцы могли проявить себя совершенно по-новому в условиях Африки и Азии и вместе с Бонапартом написать первые страницы истории восточной империи.

И разве он собирался поработать народы? Все должно было начаться с основания колонии, но Наполеон задумывался о будущем созданного им государства.

«Но я уже слышу, — писал он, — как говорят, что столь могущественная колония не замедлила бы провозгласить свою независимость. Это, без сомнения, так. Как во времена Сезостриса и Птолемея, великая нация заселила бы эти ныне столь пустынные земли; своей правой рукой она опиралась бы на Индию, а левой — на Европу. Если бы только местные условия определяли благосостояние и величину городов, то Алексан-

дрия в большей степени, нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана играть роль столицы мира».

Какой человек! Какая попытка! Когда он приехал в Александрию, то увидел полуразрушенный населенный пункт, где жили 6000 человек. Численность горожан значительно уменьшилась в результате эпидемий. Но Наполеон знал, как изменить жизнь людей, и это не пустые слова: они подтверждаются опытом преобразования экономики и законодательства Франции, Италии и других европейских странах при его правлении.

Он собирался основать империю. Он замыслил восстановить Суэцкий канал. Он думал построить новые города, порты и верфи, системы орошения, водохранилища, ветряные мельницы.

Для этого он должен был закрепиться в Египте и обеспечить интересы Франции в Африке и Азии в долгосрочной перспективе. Он хорошо понимал, что для этого потребуется привлечь местное население на свою сторону, стать мусульманином, и начал завосвывать умы правоверных. Он обещал египтянам построить новую мечеть и обнаруживал искренний интерес к религии Пророка. Принесло бы это нужный результат, если бы продолжалось много лет? Но все рухнуло в тот момент, когда оборвались его коммуникации с Францией.

Англичане в Индии имели постоянные связи с метрополией и могли поддерживать обмен ресурсами между Британией и Индостаном. У Бонапарт в Египте почва ушла из-под ног, когда Нельсон уничтожил его эскадру. А лучше сказать, он отнял у Бонапарт море.

Прошло семнадцать лет, и английский корабль «Нортумберленд» доставил императора на остров Святой Елены. Когда пленник увидел перед собой мрачную скалу, то воскликнул: «Лучше бы я остался в Египте!»

Это был крик отчаяния. Наполеон понимал, что Святая Елена — тупик, и здесь он завершит свои дни. Но в 1799 году тупиком стал Египет, и жизнь Бонапарта в Африке могла закончиться в любой момент: войны, религиозные фанатики, смертельные болезни не щадили ни вождей, ни простых солдат.

Сирийский поход стал отчаянной попыткой выбраться из тупика. И то, что не довершил Нельсон, докончил сэр Сидней Смит, не пустивший Бонапарта дальше Акра.

Но не Сидней Смит побеждал при Абукире и Трафальгаре. И площадь в Лондоне названа не именами деяний Смита или Корнуоллиса. Людская слава порой распределяется несправедливо, но подвиги этих англичан все же не так ярко отпечатались в памяти соотечественников, как атаки Нельсона. Почти два десятилетия Веллингтон шел дорогами побед и не снискал той всенародной любви, которую заслужил великий флотоводец.

Горацио Нельсон, гений, мистик и человек рока, имел три существенных черты, которые предопределили его победу над Наполеоном: прагматизм, чувство сопричастности божественному промыслу и любовь к родине.

Наполеон не был прагматиком, когда начинал Египетский поход, вторгнулся в Португалию и Испанию или решил окончательно победить Англию в Москве. Его величие связано с делами во благо Франции, а не с утопичными проектами и грезами о мировом господстве.

Сенат Французской империи, лишивший Наполеона власти, назвал его «иностранцем». Он был итальянцем, корсиканцем и в юные годы ненавидел французов. Позднее он сменил гнев на любовь, но невозможно поверить в полную искренность этого превращения. Любящий человек не стал бы подвергать соотечественников смертельным испытаниям ради торжества своего гения и честолюбия.

И если представить себе, что Англия на время покорила завоевателя и царь подписал мир на развалинах Москвы, то какие роли должны были сыграть французы в этом совсем не психириковском театре? Неужели солдаты, генералы, жандармы и чиновники стали бы актерами театра абсурда и несли бы гарнизонную и иную службу в Лондоне, Дублине и Эдинбурге, как они в течение месяца хозяйничали в Москве?

Или, будучи итальянцем, он любил родину своих предков больше, чем Францию? Но как тогда объяснить варварское разграбление, которому он подверг Ломбардию, Рим и другие итальянские государства?

Карьера Наполеона — это головокружительный взлет, а затем обескураживающее падение, которое довело его до попытки самоубийства. У Наполеона были неудачи, но их масштаб и последствия не идут ни в какое сравнение с его победами. По большому счету его карьера — это движение вверх по ступеням славы, и последняя победа убила и обессмертила героя.

Наполеон умел извлекать уроки из поражений и редко повторял свои ошибки. Он был способен вовремя остановиться. После фиаско в Булони он заявил: «Я больше не разрешу никаких атак, если сам в них не участвую...» И отказался от наземных операций.

Кто вовремя останавливается, тот избегает опасности. Наполеон пренебрегал этой восточной мудростью, повторял ошибки и пускался в новые авантюры. Одной Польской кампании было достаточно, чтобы понять: слишком дорого стоит война в холодном и нищем краю, и дальше идти нельзя. Но через пять лет он, пренебрегая разумными возражениями советников, попробовал выиграть еще одну «политическую войну».

Этот полушарлатанский термин выдумал он сам. Политическая война — это будто не настоящая кровавая бойня, а лишь демонстрация силы, дающая «победу по очкам». При этом побежденный должен признать силу аргументов победителя и принять его политические условия.

Он думал покорить Испанию, сделав ловкую рокировку и посадив своего старшего брата на престол этой страны. Гордый испанский народ не покорился политическому комбинатору и расстроил его планы.

Он явил русскому царю полумиллионную армию и полагал, что одного вида этого войска будет достаточно, чтобы противник вновь принял его условия. Один из редких примеров политической слепоты — его рассуждения по дороге в Москву о мире. Он говорил пленному генералу Тучкову о том, что нужно составить третейский суд для решения, на чьей стороне больше вероятности победы: если решат, что на русской, то пусть назначат место сражения, а коли на французской, так зачем зря кровь проливать, «вступим в переговоры и заключим мир». Ни Господь ли Бог должен был выступить третейским судьей?

Коленкур отметил в мемуарах, что Наполеон оценивал катастрофу в России как посторонний человек. На эту же черту им-

ператора обратил внимание граф де Лас-Каз. Если Нельсон — патриот, то Бонапарт — пришелец, неудавшийся верховный арбитр.

Наполеон не одержал политических побед ни в Египте, ни в Испании и Португалии, ни в России, потеряв в этих походах миллион человек. Значит, политических войн не бывает? Адмирал Нельсон дал неожиданный ответ на этот вопрос. Его действия в Копенгагене стали сочетанием военного удара, демонстрации (кораблей с бомбами) и пантажа. В итоге он выиграл войну и добился нужных политических результатов.

Адмирал Нельсон, сын сельского пастора, твердо верил в справедливость британского социального порядка, незыблемость законной монархии и истинность английского протестантизма. Он гордился принадлежностью к «старой школе», защищая колониальные владения британской империи. Признавая военный гений Наполеона, он считал своего врага разрушителем естественных устоев общества, безбожником, авантюристом и чумой рода человеческого.

Два героя никогда не видели друг друга, и вероятность такой встречи была очень мала. Наполеон мирился со вчерашними врагами (австрийцами, русскими, пруссаками), а затем лично знакомился с их правителями и военачальниками. Но мир между Францией и Англией был настолько хрупким и натянутым, что у лидеров двух стран не возникло желания повидаться.

Наполеон сказал при встрече русскому генералу Беннигсену: «Вы были злы при Эйлау». Можно ли представить, чтобы Бонапарт обратился с подобным замечанием к Нельсону?

Оба вождя были крайне честолюбивыми, амбициозными и не терпели возражений. Наполеон постепенно проникся сознанием того, что «весь мир к его услугам», как отметил Коленкур. Нельсон привык быть главным в бою. Хотя сферы влияния императора и адмирала несопоставимы, оба героя с определенного момента их жизни стали лидерами. И те люди, которые при встречах с ними не понимали, с кем имеют дело, попадали впросак. Например, Дени Декрэ, когда-то знавший Бонапарта по Парижу. Услышав, что «друг» приехал, Декрэ проявил лучшие свойства своей натуры:

«Я немедленно предлагаю всем товарищам представить их, рассчитывая на мое знакомство, бегу, исполненный торопливости и радости; салон открывается; я бросился, но одного взгляда, звука голоса было достаточно, чтобы я остановился. Тем не менее в нем ничего не было оскорбительного, но и того было достаточно; с тех пор я никогда не пытался перешагнуть определенной мне дистанции».

Не бывает дружбы между начальниками и подчиненными. Наполеон понимал это очень хорошо и указывал каждому на его место. «Дружба — одно название», — изрек он на острове Святой Елены.

Были ли Бурьенн, Бертэ, Дезэ, Дюрок, Ланн, Бессьер друзьями Наполеона? Это можно сказать лишь для красного словца. Ланн называл Бонапарта на «ты», но, когда ему указали на неуместность такого обращения, неукротимый воин ответил: «Наполеон предаст дружбу».

Был ли Томас Тробридж другом Нельсона? Их отношения испортились, как исчезла и взаимная симпатия Нельсона и Сент-

Винсента. Джон Джервис, граф Сент-Винсент, многолетний покровитель и «друг» Нельсона, не явился на похороны коллеги.

Сложно находиться рядом с такими людьми, как Наполеон и Нельсон. «Все его боятся, и никто его не любит», — говорили придворные об императоре. «Бедняга, его мучат суэта, слабость и прихоти... Однако он теряет старых друзей», — сокрушался Сент-Винсент. Но для тех, кто не видит героев каждый день и не чувствует тяжести их характера, они становятся кумирами. Их любят, их почитают, за них жизнь готовы отдать. Так относились солдаты к Наполеону и моряки к Нельсону.

Англичанин сам выбрал свой путь и никогда не ведал сомнений в том, что море — его призвание. Бонапарт — воин и завоеватель по натуре. «Не становись королем», — говорила ему Жозефина. Она полагала, что мужу подошла бы шляпа констабля Франции, и видела опасности, связанные с достижением высшей власти.

Все могло быть иначе с юных лет, и Наполеон вышел бы из школы моряком. Это была реальная возможность, и два героя могли встретиться как два капитана.

Наполеон — дитя Средиземноморья, и когда он действовал в его пределах, то будто пользовался покровительством прекрасных богов, верпивших дела в этой части света. Мы говорим о тулонской победе и двух Итальянских кампаниях. Наполеон чудесным образом достиг Египта, избежав встречи с Нельсоном, и столь же удивительным было его возвращение по морю, принадлежавшему англичанам. И в третий раз удача была на его стороне — в 1815 году, когда он вновь ускользнул от британцев, покинув Эльбу.

Но когда он удалялся от этих мест, то его гений слабел. «Я побеждаю при Ватерлоо и в ту же минуту падаю в бездну», — сказал Наполеон. Он упал в бездну или провалился в нору (как называл он Европу, отправляясь в Египет).

Наполеон отдал себя в руки англичан, которых прежде хотел сделать своими подданными. Будто забыв о том, как они ранее отнеслись к его мирным предложениям, император совершил уникальный в своей наивности поступок и сравнил себя с греческим героем Фемистоклом.

Наивность Наполеона, ожидавшего в Москве, что царь вновь пожмет ему руку, и ступившего на борт британского судна, чтобы отправиться в гости к англичанам, не похожа на наивность Нельсона. Последний думал, что его орел национального героя даст ему право игнорировать приказы начальства, и считал, что правительство обязательно позаботится о его любовнице Эмме.

Восток был мечтой Наполеона, и Нельсон похоронил эту мечту. Вместо восточного царства Наполеон решил создать западную империю, но на его пути возникло сравнительно небольшое препятствие — пролив. Не сумев его преодолеть, император позднее встал на роковой путь, провозгласив континентальную изоляцию Англии. Несоблюдение условий блокады временным союзником (Россией) привело Наполеона в Москву, и оттуда уже не было выхода.

Наполеон оказался у берегов Англии, но так и не ступил на ее землю. Нельсон осматривал в телескоп берега Франции, в молодости посетил ее, но никогда толком не узнал страны, которую беспричинно ненавидел. До последнего вздоха он

дрался с французами. Первым успехом Бонапарта была победа над англичанами, и он воевал с ними два десятилетия. От состояния ненависти к французам, поработителям Корсики, он вдруг перепел к тому, что стал первым среди них, а в конце политической карьеры проникся уважением к своим главным врагам и решил провести остаток дней на непокорившемся ему острове.

Или Наполеон всегда уважал англичан, как говорил доктору О'Мира на острове Святой Елены? Ведь он в 1792 году мечтал поступить на британскую службу, как ранее на русскую, а позднее на турецкую. Такие повороты говорят скорее о космополитизме и огромной широте натуры, чем о стойкой привязанности к Франции. Ведь, встав у руля государственной власти республики, он впоследствии старался быть большим французом, чем коренные жители страны, и настойчиво преследовал тех, кто проявлял тягу к иным культурам (например, мадам де Сталь).

Наполеон лукавил и когда говорил о своей любви к Франции, и когда рассуждал о Боге. Он верил не в Бога, а в свою Звезду. К ней он обращался в критические моменты своей карьеры.

Правитель и полководец Наполеон созидал новые формы жизни и завосывал страны, чтобы вновь созидать. Нельсон лишь разрушал вражеский флот. Верно ли это?

Наполеон — исключительно разносторонний человек и щедро одаренная личность. Нельсон с малых лет и до последних мгновений жизни делал одно дело. Но именно благодаря этому он в большей степени, чем Наполеон, заслужил право называться гением или «величайшим человеком своей профессии».

Трудно пайти другой пример того, чтобы физически слабый человек, лишившийся глаза, руки и страдавший от морской болезни, приводил в движение столь колоссальные силы. Нельсон годами жил в каюте корабля и неустанно заботился о своих моряках. Они видели, что он за человек, и проявляли лучшие качества воинов.

Наполеон и Нельсон — роковые натуры, только цели у них разные. Адмирал был очень далек от мыслей о мировом господстве.

Нельсон — смелый и целеустремленный, странный и практичный, жестокий и наивный — шел на смертный бой, моля Бога о том, чтобы тот даровал победу его стране. И в эти минуты он, великий воин, хорошо осознавал свое предназначение и обращался к Создателю со словами, в которых выражен его идеал человека и гражданина. Это молитва, покаяние и духовное завещание:

«Пусть великий Бог, которому я поклоняюсь, дарует моей стране и на благо всей Европы великую и славную победу, и пусть ничье дурное поведение не запятнает ее, и пусть после этой победы гуманность будет главным свойством британского флота. Что касается меня, то я вверяю свою жизнь Ему, кто создал меня, и пусть его благословение освещает мои усилия честного служения моей стране. Ему я вверяю себя и праведное дело, которое мне поручено защищать».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Французские, испанские и британские корабли в битве при Трафальгаре

Объединенный флот

Номера кораблей соответствуют позициям, которые они занимали в боевой линии:

1. *Neptuno* (испанский, 80-пушечный, коммодор Cayetano Valdés)
2. *Scipion* (французский, 74-пушечный, капитан Charles Béranger)
3. *Intrépide* (французский, 74-пушечный, капитан Louis-Antoine-Cyprien Infernet)
4. *Formidable* (французский, 80-пушечный, контр-адмирал Pierre-Etienne-René-Marie Dumanoir Le Pelley, капитан Jean-Marie Letellier)
5. *Duguay-Trouin* (французский, 74-пушечный, капитан Claude Touffet)
6. *Mont-Blanc* (французский, 74-пушечный, коммодор Guillaume-Jean-Noël Lavillegris)

7. *Rayo* (испанский, 100-пушечный, коммодор Enrique Mac-Donnell)

8. *San Francisco de Asís* (испанский, 74-пушечный, капитан Luis de Flores)

9. *Héros* (французский, 74-пушечный, капитан Jean-Baptiste-Joseph-René Poulain)

10. *San Agustín* (испанский, 74-пушечный, капитан Felipe Jado Cajigal)

11. *Santísima Trinidad* (испанский, 136-пушечный, контр-адмирал Baltasar Hidalgo de Cisneros, коммодор Francisco de Uriarte y Borja)

12. *Bucentaure* (французский, 80-пушечный, вице-адмирал Pierre-Charles-Jean-Baptiste-Silvestre de Villeneuve, капитан Jean-Jacques Magendie)

13. *Redoutable* (французский, 74-пушечный, капитан Jean-Jacques-Etienne Lucas)

14. *Justo* (испанский, 74-пушечный, капитан Miguel Gastón)

15. *Neptune* (французский, 80-пушечный, коммодор Esprit-Tranquille Maistrat)

16. *San Leandro* (испанский, 64-пушечный, капитан José Quevedo y Cheza)

17. *Santa Anna* (испанский, 112-пушечный, вице-адмирал Ignacio María de Álava y Navarrete, капитан José Gardoqui)

18. *Indomptable* (французский, 80-пушечный, коммодор Jean-Joseph Hubert)

19. *Fougueux* (французский, 74-пушечный, капитан Louis-Alexis Beaudouin)

20. *Pluton* (французский, 74-пушечный, коммодор Julien-Marie Cosmao-Kerjulien)

21. *Monarca* (испанский, 74-пушечный, капитан Teodoro de Argumosa)

22. *Algésiras* (французский, 74-пушечный, контр-адмирал Charles-René Magon de Médecine, капитан Gabriel-Auguste Brouard)

23. *Bahama* (испанский, 74-пушечный, коммодор Dionisio Alcalá Galiano)

24. *Aigle* (французский, 74-пушечный, капитан Pierre-Paul Gourrège)

25. *Montañas* (испанский, 74-пушечный, капитан Francisco Alcedo)

26. *Swift-sure* (французский, 74-пушечный, капитан С.Е. L'Hospitalier-Villemadrin)

27. *Argonaute* (французский, 74-пушечный, капитан Jacques Epron)

28. *Argonauta* (испанский, 80-пушечный, капитан Antonio Pareja)

29. *San Ildefonso* (испанский, 74-пушечный, капитан José de Vargas)

30. *Achille* (французский, 74-пушечный, капитан Gabriel Denicourt)

31. *Principe de Asturias* (испанский, 112-пушечный, адмирал Federico Carlos Gravina, контр-адмирал Antonio de Escaño, капитан Rafael de Hore)

32. *Berwick* (французский, 74-пушечный, капитан Jean-Gilles Filhol-Camas)

33. *San Juan Nepomuceno* (испанский, 74-пушечный, капитан Cosmé Damian Churrucá)

Франко-испанский флот также имел: пять фрегатов — *Cornélie*, *Hermione*, *Hortense*, *Rhin* (все 40-пушечные), *Thémis* (32-пушечный) и два брига — *Argus* и *Furet*.

Королевский флот Великобритании

Флотилия Горацио Нельсона:

1. *Victory* (100-пушечный, вице-адмирал лорд виконт Horatio Nelson, капитан Thomas Masterman Hardy)
2. *Téméraire* (98-пушечный, капитан Eliab Harvey)
3. (98-пушечный, капитан Thomas Francis Fremantle)
4. *Leviathan* (74-пушечный, капитан Henry William Bayntun)
5. (74-пушечный, капитан Israel Pellew)
6. *Britannia* (100-пушечный, контр-адмирал William Carnegie, граф Northesk, капитан Charles Bullen)
7. *Spartiate* (74-пушечный, капитан сэр Francis Laforey)
8. *Minotaur* (74-пушечный, капитан Charles John Moore Mansfield)
9. *Ajax* (74-пушечный, лейтенант John Pilford, исполняющий обязанности капитана)
10. *Agamemnon* (64-пушечный, капитан сэр Edward Berry)
11. *Orion* (74-пушечный, капитан Edward Codrington)
12. *Africa* (64-пушечный, капитан Henry Digby)

Флотилия Катберта Коллингвуда:

1. *Royal Sovereign* (100-пушечный, вице-адмирал Cuthbert Collingwood, капитан Edward Rotheram)
2. *Belleisle* (74-пушечный, капитан William Hargood)
3. *Mars* (74-пушечный, капитан George Duff)

4. *Tonnant* (80-пушечный, капитан Charles Tyler)
5. *Bellerophon* (74-пушечный, капитан John Cooke)
6. *Colossus* (74-пушечный, капитан James Nicoll Morris)
7. *Achilles* (74-пушечный, капитан Richard King)
8. *Defence* (74-пушечный, капитан George Hope)
9. *Defiance* (74-пушечный, капитан Philip Charles Durham)
10. *Prince* (98-пушечный, капитан Richard Grindall)
11. *Dreadnought* (98-пушечный, капитан John Conn)
12. *Revenge* (74-пушечный, капитан Robert Moorsom)
13. *Swiftsure* (74-пушечный, капитан William George Rutherford)
14. *Thunderer* (74-пушечный, лейтенант John Stockham, исполняющий обязанности капитана)
15. *Polyphemus* (64-пушечный, капитан Robert Redmill)

Британский флот также имел: пять фрегатов — *Euryalus*, *Naiad*, *Phoebe*, *Sirius*, *Juno*, шхуну *Pickle* и морской катер *Entreprenante*.

В бою погибли: Louis-Alexis Beaudouin (капитан *Fougueux*), Cosmé Damian Churruga (капитан *San Juan Nepomuceno*), John Cooke (капитан *Bellerophon*), Gabriel Denieport (капитан *Achille*), George Duff (капитан *Mars*), Jean-Gilles Filhol-Camas (капитан *Berwick*), Dionisio Alcalá Galiano (коммодор *Bahama*), Pierre-Paul Goutrège (капитан *Aigle*), Jean-Baptiste-Joseph-René Poulain (капитан *Héros*), Le Tourneur (commander), контр-адмирал Charles-René Magon de Médecine, вице-адмирал лорд виконт Horatio Nelson.

Адмирал Federico Carlos Gravina и вице-адмирал Ignacio María de Alava y Navarrete позднее скончались от полученных ран.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Беллок Х. Наполеон: Эпизоды жизни. М.: Захаров, 2005.

Бертье А. Записки маршала Бертье, князя Невпательского и Ваграмского, начальника главного штаба Французской армии, о Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. Часть первая и вторая. М.: 1848.

Бурьенн Л. Записки Бурьенна о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восшествии Бурбонов. Т. 1—16. СПб.: 1831—1836.

Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Том I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

Галло М. Наполеон: роман-биография в двух книгах. М.: Захаров, 2009.

Ганичев В. Святой праведный Феодор Ушаков. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 2008.

Дюма А. Наполеон: Жизнеописание. М.: Захаров, 2005.

Залесский К. Наполеоновские войны 1799—1815. Биографический энциклопедический словарь. М.: Астрель, АСТ, 2003.

Исдейл Ч. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Кастело А. Бонапарт. М.: Центрполиграф, 2004.

Кастело А. Наполеон. М.: Центрполиграф, 2004.

Кастело А. Жозефина. Т. 1—2. СПб.: Северо-Запад, 1994.

Кронин В. Наполеон. М.: Захаров, 2008.

Лас-Каз граф. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. М.: Захаров, 2010.

Лашук А. Гвардия Наполеона. М.: Изографус, Эксмо, 2004.

Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв. 1796—1815. М.: Эксмо, 2008.

Людвиг Э. Наполеон. М.: Захаров, Вагриус, 1998.

Манфред А. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986.

Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М.: Эксмо, 2005.

О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М.: Захаров, 2004.

Моруа А. Три Дюма. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1962.

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб.: 1994.

Наполеон. Максимум и мысли узника Святой Елены. СПб.: Азбука, 2000.

Наполеон. Годы вличия 1800—1814 в воспоминаниях секретаря Меневалы и камердинера Констана. М.: Захаров, 2002.

Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. М.: Минувшее, 2003.

Пезр Р. История Наполеона. Т. 1—2. СПб.: Д. Федоров, 1893.

Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. СПб., 1895.

Тарле Е. Наполеон. М.: Пресса, 1992.

Трухановский В. Судьба адмирала: триумф и трагедия. М.: Молодая гвардия, 1984.

Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1996.

Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1995.

Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: Центрполиграф, 1999.

Adkins, R., Adkins, L. The War for All the Oceans. From Nelson at the Nile to Napoleon at Waterloo. Abacus, London, 2009.

Allen, J. The Life of Viscount Nelson. G. Routledge & Co., London, 1853.

Ayling, S. George The Third. Collins, London, 1972.

Beatty, Sir William. The Authentic Narrative of the Death of Lord Nelson. T. Cadell, London, 1807.

Beresford, Lord Charles, and Wilson, H.W. Nelson and His Times. 12 parts. Harmsworth Brothers, London, 1897—1898.

Bernoyer, F. Avec Bonaparte en Égypte. Abbeville, 1976.

Black, J., and Woodfine, P., (eds.). The British Navy and the Use of Naval Power in the 18th Century. Leicester University Press, Leicester, 1988.

Bourrienne, L.A. Mémoires. Paris, 1829.

Boustany, S. (ed.). The Journals of Bonaparte in Egypt: 1798—1801. 10 vols. Cairo: al-Arab, 1971—1977.

Bowen, M. Patriotic Lady: A Study of Emma, Lady Hamilton and the Neapolitan Revolution of 1799. John Lane, London, 1935.

Bradford, E. Nelson: The Essential Hero. Macmillan, London, 1977.

Bret, P. L'Égypte au temps de l'Expédition de Bonaparte, 1798—1801. Hachette, Paris, 1998.

Broers, M. Europe under Napoleon, 1799—1815. London, 1996.

Bryant, A. Years of Victory 1802—1812. Collins, London, 1944.

Chabrol de Volvic, G. Souvenirs d'Égypte. Ville de Paris, Paris, 1998.

Charles-Roux, F. Bonaparte, gouverneur d'Égypte. Plon, Paris, 1935.

Christopher Herold, J. Bonaparte in Egypt. Pen & Sword Military, 2005.

Coleman, T. Nelson. Bloomsbury, London, 2005.

Collingwood, Cuthbert, Lord. The Private Correspondence of Admiral Lord Collingwood, ed. Edward Hughes. Vol. XCVIII. Navy Records Society, London, 1957.

Cooper Willyams. A Voyage up the Mediterranean... with a Description of the Battle of the Nile. London, 1802.

Cornwallis-West, G. The Life and Letters of Admiral Cornwallis. Robert Holden & Co. Ltd, London, 1927.

Denon, V. Voyage dans la Bassc et la Haute-Égypte. Paris, 1990.

Denon, V. Travels in Lower and Upper Egypt (trans. E. A. Kendall). 2 vols. London, 1802; reprinted 1986.

Description de l'Égypte. Edition complète. Taschen, 2002.

Desvernois, N.-P. Mémoires du général baron Desvernois. Plon, Paris, 1898.

Doguereau, J.-P. Journal de l'expédition d'Égypte. La Vouivre, 1997.

Duffy, M. Profiles in Power: The Younger Pitt. Longman, Harlow, 2000.

Dwyer, P. Napoleon. The Path to Power 1769—1799. Bloomsbury, London, 2007.

François, C. Journal du Capitaine François, dit le Dromadaire d'Égypte. 2 vols. Paris, 1903.

Fraser, F. Beloved Emma: The Life of Emma, Lady Hamilton. Weidenfeld & Nicolson, London, 1986.

Fremont-Barnes, G. The French Revolutionary Wars. Osprey, London, 2001.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.

Harbron, J. Trafalgar and the Spanish Navy. Conway, London, 1988.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793—1815. Constable, London, 2006.

Hattersley, R. Nelson. Weidenfeld & Nicolson, London, 1974.

Hibbert, C. Nelson: a Personal History. Viking, London, 1994.

Holland Rose, J. Pitt and Napoleon. G. Bell & Sons, London, 1912.

Howarth, D. Trafalgar: The Nelson Touch. Collins, London, 1969.

Howarth, D. and S. Nelson: The Immortal Memory. Dent, London, 1988.

James, W. Old Oak, The Life of John Jervis, Earl of St. Vincent. Longmans, Green & Co., London, 1950.

Kennedy, L. Nelson's Band of Brothers. London, 1951.

Kléber et Menou en Égypte depuis le départ de Bonaparte, ed. François Rousseau. Paris, 1900.

Knight, R. The Pursuit of Victory. The Life and Achievements of Horatio Nelson. Penguin Books, London, 2006.

La Jonquière, C. de. L'Expédition en Égypte 1798—1801. 5 vols. Paris, 1899—1907.

Las Cases, E. de. Le Mémorial de Sainte-Hélène. Critical edition by Marcel Dunan. 2 vols. Flammarion, Paris, 1983.

Lavallette, Count. Mémoires, 2 vols. Paris, 1831.

Lavery, B. Nelson's Navy, The Ships, Men and Organisation, 1793—1815. Conway, London, 1989.

Lee, C. Nelson and Napoleon. The Long Haul to Trafalgar. Headline, London, 2006.

Legg, S. (ed.). Trafalgar: An Eye-witness Account of a Great Battle. Hart-Davis, London, 1966.

Mackesy, P. British Victory in Egypt. The End of Napoleon's Conquest. Tauris Parke Paperbacks, 2010.

Maine, R. Trafalgar, Napoleon's Naval Waterloo, trans. Rita Eldon and B. W. Robinson. Thames & Hudson, London, 1957.

Marmont, Marshal Auguste. Mémoires. Paris, 1856.

Millet, P. Souvenirs de la campagne d'Égypte. Paris, 1903.

Miot, J.-F. Mémoires... des expéditions en Égypte et Syrie. Paris, 1814.

Morrison, E. (ed.). The Hamilton and Nelson papers. London, 1894.

Murray, G. The Life of Admiral Collingwood. Hutchinson, London, 1936.

Napoleon Bonaparte. Correspondance inédite, officielle et confidentielle. 7 vols. Paris, 1819—1820.

Nelson, H. Despatches and Letters 1798—1800 by Lord Nelson. London, 1913.

Nicolas, Sir Harris (ed.). Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson. 7 vols. Henry Colburn, London, 1844—1846. Republished by Chatham Publishing, London, 1990.

Nicol, J. The Life and Adventures of John Nicol. Edinburgh, 1822.

Oman, C. Nelson. Hodder & Stoughton, London, 1987.

Pocock, T. Horatio Nelson. Headline, London, 1987.

Pope, D. Life in Nelson's Navy. Naval Institute Press, Md., 1981.

Rae, W. F. Wilkes, Sheridan, Fox: The Opposition Under George III. Isbister, London, 1874.

Richardot, C. Nouveaux mémoires sur l'armée français en Égypte et Syrie. Paris, 1848.

Russell, J. Nelson and the Hamiltons. Anthony Blond, London, 1969.

Sauzet, A. Desaix: Le "Sultan Juste". Paris, 1954.

Schom, A. Trafalgar. Michael Joseph, London, 1990.

Schur, N. Napoleon in the Holy Land. London, 1999.

Southey, R. The Life of Nelson. Annapolis: Naval Institute Press; Shrewsbury: Airlife, 1990.

Strathern, P. Napoleon in Egypt. "The Greatest Glory". Jonathan Cape, London, 2007.

Terraine, J. Trafalgar. Sidgwick & Jackson, London, 1975.

Thibaudeau, A.-C. Mémoires de A.-C. Thibaudeau. Plon, Paris, 1913.

Thiébault, P. Mémoires du général baron Thiébault. 3 vols. Plon, Paris, 1894—1895.

Thiry, J. Bonaparte en Égypte. Paris, 1978.

Turc, N. (Nakoula el-Turk). L'Expédition des Français en Égypte, trans. M. Desgranges. Paris, 1839.

Turner, M. Pitt the Younger: A Life. Hambledon & London, 2003.

Vercoutter, J. The Search for Ancient Egypt. London, 1992.

Villiers du Terrage, E. de. Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. Paris, 1899.

Vincent, E. Nelson. Love & Fame. Yale University Press. New Haven & London, 2003.

Volney, C. Oeuvres Complètes. Paris, 1860.

Walder, D. Nelson. Hamish Hamilton, London, 1978.

Warner, O. The Battle of the Nile. B. T. Batsford, London, 1960.

Warner, O. Trafalgar. B. T. Batsford, London, 1959.

Watson, J.S. The Reign of George III, 1760—1815. Clarendon Press, Oxford, 1985.

Wheeler, H.F.B., and Broadley, A.M. Napoleon and the Invasion of England, the Story of the Great Terror. Vol. 2. John Lane, London, 1908.

White, C. Nelson The Admiral. Sutton Publishing, 2006.

White, C. (ed.). Nelson. The New Letters. The Boydell Press in association with the National Maritime Museum and Royal Naval Museum, 2007.

Williams, K. England's Mistress. The Infamous Life of Emma Hamilton. Arrow Books, London, 2007.

Winifred, G. Horatia Nelson. Oxford University Press, Oxford, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАСКОНЕЦ ПОДНИМАЕТ ФЛАГ	3
ГНЕВ ПОСЕЙДОНА	9
МНОГООПЫТНЫЙ МУЖ	18
МАЛЬТИЙСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО	27
В АЛЕКСАНДРИЮ, МИМО АТЛАНТИДЫ	37
ОДНОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАН	48
МАЛЬЧИК НА ГОРЯЩЕЙ ПАЛУБЕ	69
НА ПЛОТУ КАЛИПСО	113
ОДИССЕЙ И ЖЕНИХИ	128
ТЕАТР СЛАВЫ	149
СОПУТНИКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	159
ПЛОХИЕ ВРЕМЕНА	174
МГНОВЕНИЯ МИРА	211
ГЕНИЙ, ПОЛНЫЙ ДЕРЗАНИЙ	228
НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГАСТРОЛИ	243
«БОГ И МОЯ СТРАНА»	276
МЕЧТА И ДЕЙСТВИЕ	320
ПРИЛОЖЕНИЕ	337
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	342

Научно-популярное издание

History files

Иванов Андрей Юрьевич

**МОРСКАЯ БИТВА ДВУХ ИМПЕРИЙ
ПЕЛЬСОН ПРОТИВ БОНАПАРТА**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *Л.Г. Сафарян*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Всче»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, стронис 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.12.2012. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ.л. 11. Тираж 2000 экз. Заказ № 1578.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ISBN 978-5-4444-0544-4

Наполеона и Нельсона объединяло редкое свойство человеческой натуры — роковая целеустремленность. Они считали себя инструментами Провидения и видели перед собой великие цели. Наполеон хотел установить всемирную диктатуру, адмирал Нельсон дважды разрушал его планы. В 1798 году он уничтожил французский флот при Абукире, что предопределило неудачу Египетской экспедиции генерала Бонапарта, а в 1805 году ценою жизни спас Англию от угрозы вражеского вторжения. Автор книги рассказывает увлекательную историю отношений двух великих людей на фоне многолетней войны Франции и Великобритании и динамичных событий на просторах Мирового океана.

HISTORY
FILES

